

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Т. 15, № 4 (2024)

EASTERN ANALYTICS
Vol. 15, No. 4 (2024)

ISSN 2227-5568 (Print)
DOI: 10.31696/2227-5568-2024-04

EASTERN ANALYTICS

Vol. 15, No. 4 (2024)

Information about the journal

The journal *Eastern Analytics* is a print peer-reviewed academic journal. The Journal is being published since 2010. Since 2015 it has annually 4 issues.

Form of distribution – print media, journal.

Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-82197 dated October 26, 2021.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2227-5568 (Print). Dated December 14, 2015. Title proper: Vostočnáâ analitika.
Parallel title: Eastern Analytics.

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: www.ivran.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the editorial board and the editorial staff of the journal. The editorial staff is not responsible for the accuracy and reliability of the information provided by the authors.

The articles published in the journal "Eastern Analytics" have passed the procedure of anonymous peer review and expert selection.

© "Eastern analytics", 2024

© IOS RAS, 2024

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Т. 15, № 4 (2024)

Информация об издании

Рецензируемый научный академический журнал.
Печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2010 г., с 2015 г. – 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-82197 от 26.10.2021 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2227-5568 (Print). От 14.12.2015 г. : Vostochnaâ analitika.
Параллельное название: Eastern Analytics.

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Веб-сайт: www.ivran.ru

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, ком. 408.
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>. E-mail: analitika@ivran.ru

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН,
редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность
и достоверность сведений, приводимых авторами.

Опубликованные в журнале «Восточная аналитика» статьи прошли процедуру
анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Editorial Staff

Akimov Alexander Vladimirovich – *Editor-in-Chief*, Doctor of Economics, Head of Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Fedulov Ilya Viktorovich – Deputy Chief Editor, Candidate of Technical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shchepilova Elena Feliksovna – Editorial Secretary, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Editorial Board

Naumkin Vitaly Vyacheslavovich – Chairman of the Editorial Board, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Belokremitsky Vyacheslav Yakovlevich – Deputy Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vorontsov Alexander Valentinovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Voskresensky Alexey Dmitrievich – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Director of the Center for Integrated Chinese Studies and Regional Projects of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Zvyagelskaya Irina Donovna – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Middle Eastern Studies of the E. M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Isaev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Kuznetsov Vasily Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Faculty of World Politics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mamedova Nina Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Head, Iranian Sector, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Melyantsev Vitaly Albertovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mosyakov Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Panarin Sergey Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for the Study of General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Streltsov Dmitry Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Head of the laboratory "Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies", Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Ulchenko Natalia Yurievna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Economic Geography of Asia and Africa, M.V. Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shaumyan Tatiana L'vovna – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Редакция

Акимов Александр Владимирович – главный редактор, д-р экон. наук, зав. отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Федулов Илья Викторович – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Щепилова Елена Феликсовна – отв. секретарь редакции, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Редакционная коллегия

Наумкин Виталий Вячеславович – председатель редакционной коллегии, академик Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., научный руководитель Института востоковедения РАН.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – заместитель председателя редакционной коллегии, д-р ист. наук, проф., заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воронцов Александр Валентинович – канд. ист. наук, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воскресенский Алексей Дмитриевич – д-р полит. наук, профессор кафедры востоковедения, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Звягельская Ирина Доновна – член-корр. Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра ближневосточных исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Исаев Владимир Александрович – д-р экон. наук, профессор кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов Василий Александрович – канд. ист. наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доцент факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мамедова Нина Михайловна – канд. экон. наук, зав. сектором Ирана, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Мельянцева Виталий Альбертович – член-корр. Российской академии наук, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мосяков Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., зав. Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Панарин Сергей Алексеевич – канд. ист. наук, зав. Центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой востоковедения, руководитель лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ульченко Наталия Юрьевна – д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Шаумян Татьяна Львовна – канд. ист. наук, зав. Центром индийских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

CONTENTS

ECONOMICS

- N. Mamedova*
Stages of Economic Development of the Islamic Republic of Iran 11
- A. Maryasov*
Development of the Nuclear Programme of the Islamic Republic of Iran 24
- A. Obukhova*
Iranian Economy 2000–2023 Development
Backed by Iran's Unlocking Energy Potential 33

POLITICS

- A. Abrosimov*
Religious Factor in Iranian Foreign Policy in Arab Countries 55
- V. Akhmedov*
Iran Politics in the Syrian Crisis 67
- V. Belov*
Megaregionalisation and Iran's Energy Diplomacy 75
- E. Dunaeva*
Russian Historiography on Political Development
of Islamic Republic of Iran 91
- E. Dunaeva*
The 46th Year of the Islamic Republic of Iran:
Whether Changes in Foreign and Domestic Policy are Possible 103
- A. Evstratov*
Iran's Policy in the South Caucasus after the 44-Day War in Nagorno-Karabakh 115
- M. Kameneva*
The Transformation of the Concept of the Notion of «Culture»
and Culture Policy in the Islamic Republic of Iran (1979–2023) 125
- V. Papava*
National Security of the Islamic Republic of Iran
in the Context of the Middle East Situation 139
- A. Polishchuk*
The Cultural Factor in Relations between Iran and Central Asian States 147
- L. Ravandi-Fadai*
A Look Back on Iranian-Azerbaijani Relations from 1991 to 2023:
Successes, Difficulties and Searches for Compromise 160
- V. Sazhin*
Armed Forces of the Islamic Republic of Iran:
Decades in a Raging, Turbulent World 169
- I. Fedorova*
Evolution of Iran's Foreign Policy 1979–2024 194
- J. Karami*
Iran and Russia in Central Eurasia: Regional Cooperation and its Problems 204

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

<i>Н. М. Мамедова</i> Этапы экономического развития ИРИ	11
<i>А. Г. Марьясов</i> Развитие ядерной программы ИРИ	24
<i>А. Н. Обухова</i> Реализация энергетического потенциала ИРИ как основы роста иранской экономики в 2000–2023 гг.	33

ПОЛИТИКА

<i>А. В. Абросимов</i> Религиозный фактор во внешней политике Ирана в арабских странах	55
<i>В. М. Ахмедов</i> Политика ИРИ в сирийском конфликте	67
<i>В. И. Белов</i> Мегарегионализация и энергетическая дипломатия Ирана	75
<i>Е. В. Дунаева</i> Российская историография по вопросам политического развития Исламской Республики Иран	91
<i>Е. В. Дунаева</i> 46-й год Исламской Республики Иран: возможны ли изменения во внешней и внутренней политике	103
<i>А. Г. Евстратов</i> Политика Ирана на Южном Кавказе после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе ...	115
<i>М. С. Каменева</i> Трансформация содержания понятия «культура» и культурной политики в Исламской Республике Иран (1979–2023 гг.)	125
<i>В. А. Папова</i> Национальная безопасность Исламской Республики Иран в контексте ситуации на Ближнем Востоке	139
<i>А. И. Полищук</i> Культурный фактор в отношениях Ирана и государств Центральной Азии	147
<i>Л. М. Раванги-Фадан</i> Ретроспектива ирано-азербайджанских отношений 1991–2023 гг.: успехи, трудности и поиски компромисса	160
<i>В. И. Сажин</i> Вооруженные силы Исламской Республики Иран: десятилетия в бушующем, беспокойном мире	169
<i>И. Е. Фегорова</i> Эволюция внешней политики ИРИ 1979–2024	194
<i>J. Karati</i> Iran and Russia in Central Eurasia: Regional Cooperation and its Problems	204

Предисловие к текущему выпуску

22 и 23 апреля 2024 г. сектор Ирана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН провел Международную научную конференцию «45 лет Исламской Республике Иран». Основной целью этого научного мероприятия стало подведение итогов развития Исламской Республики как уникального государственного образования, в котором руководящая роль принадлежит духовенству. С приветствиями к участникам и гостям конференции обратились директор Института, д-р ист. наук А. К. Аликберов, посол Исламской Республики в РФ Казем Джалали, и. о. Директора Второго департамента Азии МИД РФ М. А. Баранов, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока профессор, д-р ист. наук В. Я. Белокреницкий. В своих выступлениях они акцентировали внимание на значении исламской революции, изменившей ход истории Ирана, выступившей за искоренение любых форм дискриминации в мире и борьбу с тиранией. Была подчеркнута важная роль России и Ирана в формировании нового мирового порядка и в противостоянии коллективному Западу, развязавшему гибридную войну против двух стран.

Приветствие в адрес участников и гостей конференции прислал Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в ИРИ А. Ю. Дедов, в котором подчеркнул, что «Иран – стратегическое направление внешней политики России в условиях меняющегося миропорядка, которое необходимо комплексно изучать».

Советник по культуре Посольства ИРИ в РФ М. Ахмадванд в своем выступлении охарактеризовал развитие культурно-гуманитарного сотрудничества между ИРИ и Россией, подчеркнув расширение форм взаимодействия в последние годы.

За два дня работы конференции было заслушано 32 доклада по проблемам внутренней и внешней политики ИРИ, ее экономическому и культурному развитию. Особое внимание было уделено развитию отношений Ирана с государствами Ближнего Востока и Центральной Евразии. Доклады представили не только сотрудники и аспиранты ИВ РАН, но и исследователи таких известных учебных и научных центров, как РУДН, РГГУ, ИМЭМО, Института стран СНГ, ВГИК, а также представители ННГУ им. Н. И. Лобачевского, СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

В формате онлайн в работе конференции приняли участие представители зарубежных научных центров: доктор Дж. Карами – Тегеранский университет, ИРИ, доктор М. Тишияр – Университет А. Табатабаи (ИРИ),

Ю. А. Талачьян (Зотова) – доктор Исламского университета Азад, ИРИ, Г. В. Рцхиладзе – директор института Евразии, Грузия, В. А. Папава – независимый исследователь, Грузия, Ш. И. Акмалов – доцент Международной исламской академии Узбекистана, А. Г. Евстратов – доцент Института востоковедения Российско-Армянского университета, Армения.

Работа конференции получила широкий отклик в средствах массовой информации Ирана. Большие репортажи были размещены на сайтах информационного агентства ИРНА, радио и телевидения ИРИ – сайтах Khabarfarsi.com и Nournews.ir.

Для публикации в настоящем номере журнала «Восточная аналитика» были отобраны статьи, которые подготовили участники конференции.

*Е. В. Дунаева
Н. М. Мамедова*

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

Научная статья. Экономические науки
УДК 330.342.3 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-011-023>

ЭТАПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРИ

Нина Михайловна Мамедова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
mamedovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4571-8206>

Аннотация. Развитие ИРИ за последние 45 лет прошло различные этапы в зависимости от идеологических основ, политических взглядов находившихся у власти слоев населения, экономических условий, взаимоотношений иранского государства с другими странами. В статье предпринята попытка выделить этапы экономического развития Ирана, положив в основу такого выделения соотношение в экономике государственного и частного секторов. Автор обращает внимание на своеобразие смешения этих видов собственности под влиянием и внутренней политики и под влиянием санкционного режима, ставшего мощным фактором воздействия на жизнь иранского общества. Автор обращает внимание на то, что государство продолжает, используя исламские принципы, сохранять ведущие позиции в экономике современного Ирана.

Ключевые слова: Иран, исламская экономика, государственный сектор, частная собственность

Для цитирования: Мамедова Н. М. Этапы экономического развития ИРИ. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):11-23. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-011-023>

Original article. Economics studies

STAGES OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Nina Mamedova

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
mamedovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4571-8206>

Abstract. The development of Iran over the past 45 years has gone through various stages, depending on the ideological foundations, political views of the sections of the population in power, economic conditions, and the relations of the Iranian state with other countries. The article makes an attempt to highlight the stages of economic development of Iran, basing such a distinction on the relationship in the economy of the public and private sectors. The author draws attention to the peculiarity of the mixture of these types of property under the influence of both domestic politics and the influence of the sanctions regime, which has become a powerful factor influencing the life of Iranian society. The author draws attention to the fact that the state continues, using Islamic principles, to maintain a leading position in the economy of modern Iran.

Keywords: Iran, Islamic economy, public sector, private property

For citation: Mamedova N. M. Stages of Economic Development of the Islamic Republic of Iran. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):11-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-011-023>

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

45 лет существования ИРИ показали, что развитие иранской экономики прошло несколько этапов, различающихся идеологическим обоснованием, даже изменением конституционных принципов, а главное – практикой проведения экономической политики разными правительствами. Если на формирование направлений экономической политики в первые полтора года наибольшее влияние оказывали идеологические принципы, то в целом всё первое десятилетие показало, насколько велико влияние внешнего фактора в формировании экономической политики.

В наших работах мы, иранисты, главным образом исследовали особенности развития Ирана в периоды нахождения у власти определенных политических сил, группировавшихся в высших органах власти – правительстве и меджлисе. Как представляется, одним из главных внутренних принципов – внутривластным, а также внутривластным, который лежал в основе изменений экономической политики ИРИ, являлся принцип соотношения государственного и частного секторов в экономике. Конечно, он отражался и в деятельности правительств. Этот принцип изменения экономической политики остается ведущим и в последующие периоды.

С этой точки зрения, первым этапом экономического развития ИРИ можно считать первое десятилетие после революции, т. е. 1979–1988 гг. В этот период произошло конституционное оформление всех параметров экономического устройства ИРИ, результатом которого стала ориентация на государственный монополизм в экономике и на отказ от использования иностранного капитала. В основу экономического устройства были положены исламские представления об экономике. После революции 1979 г. высшими органами образованной 1 апреля 1979 г. исламской республики до принятия в декабре 1979 г. новой Конституции являлись Исламский Революционный Совет (ИРС) и Временное правительство во главе с М. Базарганом. А высшим лидером являлся аятолла Хомейни, экономические взгляды которого во многом сформировались под влиянием М. Б. ас-Садра. Основные принципы М. Садра станут основой экономической программы ПИР – Партии исламской республики, созданной Хомейни вскоре после революции для объединения духовенства и сторонников ИРИ. Основные положения М. Садра – о возможности вмешательства исламской власти в дела общества, об экономике как части единого целого «в свете универсального исламского подхода, управляющего всеми аспектами общественной жизни» [Ас-Садр, 2012, с. 319], т. е. частью «тоухида» – впоследствии окажут влияние

и на экономические статьи Конституции. И хотя четкой экономической программы созданные новые органы власти (как и пришедшее во власть духовенство) не имели, но принцип вмешательства власти во все дела исламского общества не мог не привести к тому, что в экономике укрепился государственный сектор. Проведенная после революции национализация собственности противников исламской власти, передача части этой собственности государственным компаниям, а части – созданным исламским фондам, которые получили статус «омуми», т. е. общественной собственности, подчиняющейся главе государства – рахбару (т. е. фактически исламской власти) сделала именно государственный сектор ведущим в экономике страны. Была национализирована вся нефтяная промышленность, аннулировано соглашение с МНК (Международным нефтяным консорциумом), в руках которого практически целиком находилась добыча и, главное, экспорт нефти. Все права на добычу и продажу сырой нефти были переданы ИННК – Иранской Национальной Нефтяной компании.

Принятая в декабре 1979 г. Конституция закрепила ориентацию на общественно-государственную собственность и на всемерное ограничение в экономике иностранного капитала. Такой ориентации на укрепление государственного сектора объективно способствовала восьмилетняя война с Ираком, делавшая необходимой не только концентрацию всех ресурсов в руках государства, но и их распределение. Государство в период войны активно вмешивалось во все области экономической жизни, в т. ч. в ценообразование. Так как переданные государству и исламским фондам частные и иностранные предприятия были в основном убыточными, уже в 1984 г. государство попробовало внести изменения в политику относительно частного бизнеса и приняло решение о возможном возврате частным владельцам ранее национализированной собственности. Не все из лидеров страны были с этим согласны, в т. ч. и А. А. Хашеми Рафсанджани, радикально изменивший свою позицию после окончания войны.

Доля государства в ВВП была чрезвычайно высокой в начале 1978/79 г., когда началась национализация иностранной собственности – более 44%, затем начала снижаться.

Наиболее снизилась доля государственного сектора в экономике к окончанию войны. В 1986/87 г. она составляла уже 24,4%¹. Наиболее высоким был удельный вес государства в промышленности. В первые три года после создания ИРИ в промышленных отраслях доля частного сектора не поднималась выше 30% [Салнаме-е амари-е..., 1363, с. 435].

---

¹ В ВВП в факторных ценах, в ценах 1982/83 г. Расчет по: [Салнаме-е амари-е..., 2000, с. 844].

Таблица 1. Удельный вес государственного сектора в ВВП ИРИ (в ценах 1974/75 г.) с 1978/79 г. по 1982/83 г., млрд риалов

Годы	ВВП	Госсектор	Уд. вес госуд. сектора	Уд. вес частного сектора
1978/79	3266,9	1444,9	44,2	55,8
1979/80	3070,5	953,6	31,1	68,9
1980/81	2568,0	870,6	33,9	66,1
1981/82	2639,4	916,4	34,7	65,3
1982/83	3040,3	962,3	31,7	68,3

Источник: [Салнаме-е амари..., 1363, с. 704, 707] (расчет автора)

Этот первый период включает: с политической точки зрения – период деятельности имама Хомейни, с экономической – деятельность Мир Хоссейна Мусави как премьер-министра, активно выступавшего в период войны за превалирование государства в экономике. Приведенные в таблице 1 расчетные цифры о доле государственного сектора в ВВП не дают реального представления об огосударствлении в этот период иранской экономики, т.к. государство активно вмешивалось во все аспекты экономической жизни, главным образом, через распределение ресурсов и через установление цен. Была введена система купонов на важнейшие товары, распределяемых через мечети. Когда цены на нефть на мировом рынке резко упали к середине 1986 г. и население испытывало острый недостаток в товарах широкого потребления из-за ограничения импорта, правительство М. Х. Мусави пыталось провести через меджлис и Наблюдательный совет свою программу ценового контроля над 12 тыс. товаров [Мамедова, 1997, с. 90]. Конечно, нельзя исключать того, что именно чрезмерная централизация экономики, несмотря на ее неэффективность, смогла сохранить созданный после исламской революции политический режим. Даже в 1986–1987 гг., когда финансовые и валютные резервы страны в условиях падения цен на нефть на мировом рынке были практически исчерпаны и падение режима казалось почти неизбежным, этого не произошло [Мамедова, 2022, с. 71].

Именно в это первое после революции десятилетие укрепились позиции исламских форм бизнеса – и не только за счет создания исламских фондов-боньядов и передачи им части национализированной собственности, но и за счет укрепления вакфов, собственность которых была сильно урезана в шахский период. После революции вакфы оказались под покровительством духовенства, пришедшего к власти, и стали органичной частью исламской экономической системы. В 1984 г. все вакфы в Иране перешли под контроль Министерства культуры и исламской ориентации (Организации паломничества и хаджа), их создание

стало поощряться, и они стали укреплять свои позиции в экономике. Если в 1983 г. доходы вакфов не превышали 0,24 млн долл., то к началу 1990-х гг. составили 1,1 млн долл, т. е. увеличились более чем в 4 раза. К 2009 г. они возросли до 220,34 млн долл. [Dadgar, Nazari, 2011, p. 60]. Значительно укрепил свои не только экономические, но и политические позиции крупнейший вакф «Астане Годс Раззави» не только в Иране, но и на Ближнем Востоке. Этот вакф имеет крупную собственность в Иране, а также и в других странах – в Ираке, Афганистане, Омане, Пакистане, Индии, Туркмении². После принятия в 1983 г. закона об огосударствлении банков и о переводе их работы на исламские нормы банки, вакфы и боньяды (исламские фонды) создали мощный сектор исламской экономики – фактически государственной экономики.

Такая жестко организованная централизованная экономика не имела сколько-нибудь значимого потенциала для ускоренного развития, да еще в условиях военного времени, нарушившего не только связи иранской экономики с мировым рынком, но и внутренний рынок. Практически все 80-е гг. темпы развития ВВП (кроме 1982/83–1983/84 гг., когда были высокими цены на нефть) были отрицательными. Окончание войны потребовало изменения экономической политики, чтобы поднять уровень жизни населения. Стал разрабатываться Первый пятилетний план развития, ставший законодательной основой новой экономической политики. Фактически принятие этого Плана означало переход к совершенно новой модели социально-экономического развития – от централизованной командно-распределительной модели к либеральной, с элементами рыночной экономики. Так как эта новая модель противоречила принципам предыдущего десятилетия, которые обосновывали экономическую политику исламскими принципами, внедрение ее столкнулось с жестким противодействием. В результате утверждение пятилетнего плана в межджлисе проходило очень трудно, и план был принят с задержкой и начал реализовываться только с 1990 г.

Поэтому следующим крупным этапом можно считать 90-е и первую половину 2000-х гг., когда президентами страны, возглавившими исполнительную власть, были Али Акбар Рафсанджани и Мохаммад Хатами, выступавшие за либерализацию экономики вплоть до привлечения иностранного капитала. В этот период началась осторожная и постепенная приватизация, ослабление контроля над ценами, над внешней торговлей, стали создаваться свободные экономические зоны для активизации внешнеторговых связей. Были распущены государствен-

---

² После исламской революции долгие годы попечителем вакфа был Аббас Ваэз Табаси, семья которого связана тесными семейными узами с семьей Али Хаменеи. Попечителем этого вакфа до избрания президентом являлся Эбрахим Раиси.

ные Торговые центры, монополизировавшие внешнюю торговлю, куда стал допускаться частный капитал. Сторонники перехода к более либеральной модели стали говорить о том, что проведенная после революции национализация крупной собственности была вынужденной мерой и касалась только сторонников шахского режима, и ее нельзя рассматривать как отрицательное отношение исламского режима к собственности. Программа приватизации стала распространяться на отрасли социальной инфраструктуры – на школы, больницы, СМИ. В начале 2000-х гг. создаются первые частные банки. Сначала по закону 1999 г. была разрешена деятельность частных и иностранных банков в свободных экономических зонах, а уже в 2001 г. Центральный банк Ирана выдал лицензию на создание первого частного банка «Карафарин», а затем «Эктесаде новин» и «Парсиан». В 2002 г. было создано еще два частных банка, при этом закон, относивший все иранские банки к категории государственных, изменен не был (как и в настоящее время). В законе о Третьем пятилетнем плане (2000/01–2004/05 гг.) Центральному банку предписывалось подготовить законодательные условия для создания и деятельности частных банков и частных кредитных учреждений. И наконец, не только восстанавливается действие шахского закона о привлечении и защите иностранных инвестиций, но в 2002 г. принимается новый закон, более защищающий права иностранных инвесторов. Новый закон исключил возможность безвозмездной конфискации, как это имело место после исламской революции.

В результате этих либеральных реформ Иран фактически не только через свою нефтяную отрасль, но через и всю экономику оказался вовлечен в мировой рынок. Динамика ВВП в этот период была крайне неравномерной, но при этом только положительной, его объем за полтора десятилетия вырос более чем в два раза. Причем в первые два года после перехода к либеральной модели, т. е. в 1990/91–1991/92 гг. темпы роста ВВП превышали 12–13%.

Новый период экономического развития, который с полным основанием можно выделить в отдельный этап, это почти десятилетие – с 2005 г. по 2014 г., т. е. в основном годы президентства М. Ахмадинежада. С экономической точки зрения этот этап связан с формированием в отношении Ирана санкционного режима – не только с точки зрения усиления односторонних санкций, но и с точки зрения формирования международного характера санкционного режима. Наиболее сложно определить характер этого этапа с точки зрения обозначенного выше принципа – преимущественной ориентации государственной политики на государственный или на частный сектор. Поощрение частного сектора обычно означает курс на либерализацию экономики.

Можем ли мы говорить об экономической либерализации на этом этапе, учитывая, что именно в этот период была принята и начала осуществляться программа широкой приватизации? При этом нужно иметь в виду, что исполнительная власть в этот период стала более независимой в принятии экономических решений, особенно после создания в 2010 г. Фонда национального развития. Если созданным ранее Стабилизационным фондом правительство не могло распоряжаться без одобрения меджлисом, то в отношении Фонда национального развития оно было более независимым. Это свидетельствует о направленности в сторону экономической либерализации. В пользу либеральной характеристики этого периода говорят и такие принятые меры, как внедрение НДС, реализация Плана о субсидиях (о постепенном снижении государственных субсидий на самые основные товары). Даже МВФ в разгар санкционной политики в отношении Ирана одобрил проведение этого Плана. В законе о Четвертом плане развития (2005–2010) предусматривалась уже реализация программы приватизации банковской системы. В итоге пакет акций частных банков на фондовом рынке вырос с 13% в 2007 г. до 56% в 2011 г.

Однако всё не так однозначно. Из-за санкций из страны вышли иностранные компании, чем воспользовались либо другие компании госсектора, создавшие квазичастные компании-филиалы, либо компании исламских фондов, которые юридически не имели статуса государственных, либо компании КСИР. Последние особенно широко воспользовались программой приватизации, пользуясь покровительством М. Ахмадинежада. В этот период произошло наиболее очевидное и масштабное сращивание частных компаний с государством. Статистически все они, связанные с фондовой биржей и с биржевым рынком (через Фарабурс) уже не относились к государственным, что формально увеличило долю частного сектора в экономике. Но это нельзя было считать реальным частным сектором. Именно в этот период появился термин «хосулати» – частно-государственный сектор. Х. Роухани, возглавивший исполнительную власть после М. Ахмадинежада, пытался ограничить коммерческие активы КСИР и исламских фондов, но это ему не удалось. Поэтому мы вряд ли можем говорить об этом этапе как о реально экономически либеральном.

В условиях такого своеобразного корпоративно-государственного сектора, когда, пользуясь близостью к государственным органам, компании, приобретшие статус частных, получали выгодные заказы, льготные кредиты, льготный валютный курс, налоговые льготы и т. п., – стала расти коррупция. По данным Transparency International, Иран по индексу восприятия коррупции с 88-го места в 2005 г. переместился на 133-е

место в 2012 г. Санкционное давление в этот период привело к развитию в Иране кризисных явлений, а это вновь привело к изменению экономической политики.

Таблица 2. Темпы роста ВВП Ирана (в постоянных ценах)

Годы	ВВП	В т. ч. без нефтяной отрасли
2005/06	6,9	7,8
2006/07	6,6	7,0
2007/08	6,7	7,3
2008/09	1,2	2,8
2009/10	3,0	3,1
2010/11	5,7	5,9
2011/12	3,0	3,1
2012/13	-5,8	-3,1
2013/14	-7,9	-2,1

Источник: [Мамедова, 2022, с.140].

К концу этого этапа впервые за 20 лет темпы развития ВВП стали отрицательными, причем не только за счет падения нефтяной отрасли. После ухода из страны иностранных компаний отечественные производители стали снижать производство или вообще закрываться. В стране нарастала социальная напряженность, и вновь высшее духовенство пошло на допуск к исполнительной власти либерального крыла политической элиты, которое могло бы попытаться снизить накал противостояния с Западом, чтобы облегчить санкционное давление. Начался новый этап политического и экономического развития – с 2013 г. и до сегодняшнего дня, который оказался наиболее противоречивым.

Начальный его период, связанный с подписанием в июле 2015 г. СВПД и ориентацией на привлечение иностранного капитала, ознаменовался ускорением экономического развития и активизацией частного капитала. Только после утверждения СБ ООН в январе 2016 г. СВПД рост ВВП за 2016/17 г. составил 12,5%. Однако выход США из СВПД в 2018 г. и неспособность Европы противостоять позиции США стали фактором не только снижения темпов роста до отрицательных величин, но и победы в политическом раскладе Ирана сил, противоположных тенденциям либерализации. Санкции, введенные администрацией Д. Трампа после мая 2018 г. в отношении Ирана, крайне негативно отразились на состоянии экономики Ирана. А отражением ухудшений ситуации в экономике, во взаимоотношениях с мировым рынком стало сокращение удельного веса частного сектора в ВВП.

Таблица 3. Доля частного сектора в ВВП Ирана с 2017/18 г. по 2022/23 г. (в постоянных ценах 2016/17 г.)

годы	ВВП*	В т. ч. частный сектор	Доля частного сектора, %
2017/18	14 806	9725,0	65,7
2018/19	14 534	9322,0	64,1
2019/20	14 088	8948,0	63,5
2020/21	14 557	9150,0	62,9
2021/22	15 244	9378,0	61,5
2022/23	15 820	10 168,0	64,3

* в рыночных ценах 2016/17 г.

Источники: [Central Bank..., 2024, p. 53]; [CBI, 2024, p. 5]

После 2022 г., когда контроль над введенными Д. Трампом санкциями был ослаблен и Иран вступил в полосу положительных темпов роста, доля частного сектора в ВВП поднялась. В экономическом плане и при Х. Роухани, и при И. Раиси официально сохранялась ориентация на поддержку частного бизнеса, на привлечение иностранного капитала. Более того, лозунгом 2024 г. рахбар Али Хаменеи провозгласил «скачок производства и широкое участие народа», что объективно означает поддержку частного сектора. Частный сектор получил доступ и всё более начал расширять свое присутствие не только в традиционных отраслях – текстильной, пищевой промышленности, в сфере торговли, но даже в энергетике. В настоящее время по всему Ирану действуют 478 тепловых электростанций, включая как газовые, так и парогазовые электростанции. В 2022 г. более двух третей тепловых электростанций Ирана принадлежали частному сектору страны и управлялись им, а частные владельцы в настоящее время производят почти 67% тепловой электроэнергии³. Из общего количества произведенной в 2021/22 г. электроэнергии 62,5% было получено частным сектором [Central Bank..., 2024, p. 10].

Частный сектор укрепил свои позиции за счет политики поддержки малых предприятий, активно проводимой в последнее десятилетие. В последние два года 30% из вновь пущенных в строй малых предприятий были задействованы в результате смены инвесторов, и 33% всех пущенных в строй объектов были новыми инвестициями⁴, что отраз-

³ Анализ размера и доли энергетического рынка Ирана – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.) // Mordor Intelligence. URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/iran-power-market> (дата обращения: 01.10.2024).

⁴ Ноусази 300 вахед санаати. Реконструкция 300 новых промышленных единиц // Донья-е эктесад. 06.07.2024. URL: <https://donya-e-eqtesad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%B4%D8%B1%DA%A9%D8%AA-%D9%87%D8%A7-104/4083736-%D9%86%D9%88%D8%B3%D8%A7%D8%B2%DB%8C-%D9%88%D8%A7%D8%AD%D8%AF-%D8%B5%D9%86%D8%B9%D8%AA%DB%8C> (accessed: 30.09.2024). На перс. яз.

илось на увеличении доли частного сектора в валовых национальных накоплениях.

Но приток иностранных инвестиций резко сократился, а какой-либо долгосрочной программы для обеспечения лозунга Али Хаме-ней до сих пор нет. Таким образом, тенденция либерализации, которая отчетливо проявилась после заключения СВПД, резко сменилась повышением экономического влияния структур КСИР и исламских форм бизнеса – вакфов и фондов, активизацией их внешнеэкономических связей. Продолжается вмешательство государства в ценообразование, хотя согласно закону о 7-м плане развития (ст. 48), принятому в окончательном варианте только в 2024 г.,⁵ правительство не имеет права вмешиваться в ценообразование, за исключением эксклюзивных товаров и осударственных услуг, которые могут использовать льготный валютный курс⁶.

Интересны с этой точки зрения оценки иранской экономической системы, сложившейся к середине 2010-х гг., данные Бехзадом Набави, принадлежащим к политической элите страны. В 2019 г. он заявил, что 60% национального богатства страны контролировалось всего двумя исламскими фондами («Сетад» и Фонд обездоленных), вакфом «Астане Годс Раззави» и компаниями КСИР.

При этом, несмотря на ослабление контроля над применением санкций и положительными темпами роста в период действия СВПД и в последние годы, обусловленными высокими ценами на нефть, на этом этапе не удалось даже превзойти объем ВВП 2015 г. Этот этап, который в иранской печати многие характеризуют как «провальное десятилетие», наверное, можно обозначить как самый противоречивый за все 45 лет существования ИРИ и как наиболее наглядное проявление противоречивости самой «исламской экономики» – этого своеобразного синтеза государственного и частного бизнеса, который широко представлен его исламскими формами. Определенный «вклад» в противоречивость последнего этапа внесли события, связанные с гибелью прези-

---

⁵ М. Мохбер подписал закон о 7-м пятилетнем плане только 8 июля 2024 г.

⁶ Доулат джадид тебге гануне барнамее хафтом молзем бе хазф е гейматгозари дас-тури аст (Согласно закону о седьмом плане правительство обязано отменить предписываемое ценообразование) // *Донья-е эктесад*. 13.04.1403 (02.07.2024). URL: <https://donya-e-eqtasad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%D9%88%D8%B1%D8%B3-6/4082990-%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%AA-%D8%AC%D8%AF%DB%8C%D8%AF-%D8%B7%D8%A8%D9%82-%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A8%D8%B1%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87-%D9%87%D9%81%D8%AA%D9%85-%D9%85%D9%84%D8%B2%D9%85-%D8%A8%D9%87-%D8%AD%D8%B0%D9%81-%D9%82%DB%8C%D9%85%D8%AA-%DA%AF%D8%B0%D8%A7%D8%B1%DB%8C-%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1%DB%8C-%D8%A7%D8%B3%D8%AA> (accessed: 30.09.2024). На перс. яз.

дента И. Раиси, избранием нового президента М. Пезешкиана, который представляет умеренных реформаторов, и формированием коалиционного правительства, в котором представлены сторонники самых различных политических направлений. Это правительство «национального единства», как его назвал новый президент в сентябре 2024 г., получило доверие меджлиса, что дает надежду на начало нового этапа экономического развития, перед которым стоят задачи повышения жизненного уровня населения, решения таких острых экономических проблем как снижение инфляции, стабилизация валютного курса национальной валюты, снижение остроты водного и энергетического кризиса, повышение уровня накопления капитала. Новый президент признает, что для повышения темпов экономического развития и, следовательно, для повышения жизненного уровня иранского населения необходим многократный рост притока прямых иностранных инвестиций (до 100 млрд долл.⁷), что трудно осуществить без улучшения отношений с западными странами и снижения санкционного давления.

Заключение

Соотношение частного и государственного секторов в экономической структуре любого государства отражает не только экономические, но и многоаспектные взгляды на политику – политические, идеологические, культурные и т. д. История Исламской республики Иран это наглядно продемонстрировала, что дало возможность выделить в экономическом развитии ИРИ несколько этапов. К последнему этапу (2013–2023 гг.) в экономике ведущее место занял частный сектор, распространив частную собственность и на сферу образования, и на культуру. Именно частный сектор стал ассоциироваться с участием народных масс в жизни исламского общества, прежде всего, в экономической жизни. В 2017/18 г. из всех промышленных предприятий в государственной собственности находилось только 0,6% предприятий, а остальные 99,4% – в частной собственности. Но при этом участие государства и государственных компаний в экономике было велико через различные институты, в т. ч. через бюджет и через планирование.

В экономической политике сейчас преобладает курс на официальное уменьшение границ государственного сектора, но при усилении государственного регулирования, сосредоточенного в руках иранского духовенства. Решающие позиции в экономике занял квазигосударст-

---

⁷ Ду бале росхд 1403 (Два крыла роста 1403) // Дonya-е ектесад. 11.09.2024. URL: <https://donya-e-eqtesad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%D8%A7%D8%B2-%D8%A7%D8%B1-%D9%BE%D9%88%D9%84-%D8%A7%D8%B1%D8%B2-116/4102996-%D8%AF%D9%88-%D8%A8%D8%A7%D9%84-%D8%B1%D8%B4%D8%AF> (accessed: 30.09.2024). На перс. яз.

венно-частный сектор («хосулати»), который начал активно формироваться в результате введения санкций. Итоги последних президентских выборов и формирования правительства, возможно, изменят этот тренд в сторону реального укрепления частного сектора и либерализации экономического и политического курса.

Литература / References

1. Ас-Садр М.-Б. Наша экономика. М., 2012. 388 с. [Al-Sadr M.-B. Our Economy. Moscow, 2012. 388 p. (in Russian)].
2. Мамедова Н. М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997. 144 с. [Mamedova N. M. Iran in the XX Century. The Role of the State in Economic Development. Moscow, 1997. 144 p. (in Russian)]. ISBN 5-89394-007-5.
3. Мамедова Н. М. Исламская экономика Ирана: теория и практика. М.: ИВ РАН. 2022. 324 с. [Mamedova N. M. Islamic Economy of Iran: Theory and Practice. Moscow: IOS RAS, 2022. 324 p. (in Russian)]. ISBN 978-5-907543-36-2.
4. Салнаме-е амари-е кешвар дар сале 1362 (1983/84). Тегран, 1363. 778 с. [Iran Statistical Yearbook 1362. Tehran, 1363. 778 p.].
5. Салнаме-е амари-е кешвар дар сале 1377 (1998/99). Тегран, 2000. 958 с. [Iran Statistical Yearbook 1377 (March 1998 – March 1999). Tehran, 2000. 958 p.]. ISN 1017–2567
6. Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Annual Review 1400 (2021/2022). Tehran, 2024. 90 [100] p.
7. CBI. Economic Trends 1402 (2023/24). No. 114. Tehran, 2024. 30 p.
8. Yadollah Dadgar, Rohollah Nazari. The Role of Traditional Micro Institutions, in Income Inequality In Iran // Indonesian Management and Accounting Research. 2011. Vol. 10. No. 2. Pp. 51–72.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Анализ размера и доли энергетического рынка Ирана – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.) // Mordor Intelligence. URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/iran-power-market> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Доулат джадид тебге гануне барнамее хафтом молзем бе хазф е гейматгозари дастури аст (Согласно закону о седьмом плане правительство обязано отменить предписываемое ценообразование) // Донья-е эктесад. 13.04.1403 (02.07.2024). URL: <https://donya-e-ektasad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%D9%88%D8%B1%D8%B3-6/4082990-%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%AA-%D8%AC%D8%AF%DB%8C%D8%AF-%D8%B7%D8%A8%D9%82-%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A8%D8%B1%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87-%D9%87%D9%81%D8%AA%D9%85-%D9%85%D9%84%D8%B2%D9%85-%D8%A8%D9%87-%D8%AD%D8%B0%D9%81-%D9%82%DB%8C%D9%85%D8%AA-%DA%AF%D8%B0%D8%A7%D8%B1%DB%8C-%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1%DB%8C-%D8%A7%D8%B3%D8%AA> (accessed: 30.09.2024). На перс. яз.

3. Ду бале росхд 1403 (Два крыла роста 1403) // Донья-е эктесад. 11.09.2024. URL: <https://donya-e-ektasad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%D8%A7%D8%B2%D8%A7%D8%B1-%D9%BE%D9%88%D9%84-%D8%A7%D8%B1%D8%B2-116/4102996-%D8%AF%D9%88-%D8%A8%D8%A7%D9%84-%D8%B1%D8%B4%D8%AF> (accessed: 30.09.2024). На перс. яз.
4. Ноусази 300 вахед санаати. Реконструкция 300 новых промышленных единиц // Донья-е эктесад. 06.07.2024. URL: <https://donya-e-ektasad.com/%D8%A8%D8%B4-%D8%B4%D8%B1%DA%A9%D8%AA-%D9%87%D8%A7-104/4083736-%D9%86%D9%88%D8%B3%D8%A7%D8%B2%DB%8C-%D9%88%D8%A7%D8%AD%D8%AF-%D8%B5%D9%86%D8%B9%D8%AA%DB%8C> (accessed: 30.09.2024). На перс. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мамедова Нина Михайловна – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Mamedova Nina M. – PhD (Econ.), Leading Research Fellow, Centre of Middle East Studies, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 327 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-024-032>

РАЗВИТИЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРИ

Александр Георгиевич Марьясов

Москва, Россия,
alexander.mariyasov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются эволюция и основные этапы развития ядерной программы Ирана после исламской революции 1979 г. Развитие ИЯП проходило в условиях перманентного кризиса в ирано-американских отношениях. Попытки Вашингтона предотвратить движение Тегерана к овладению ядерной технологией не смогли помешать достижению этой цели, объявленной руководством ИРИ одним из важнейших национальных приоритетов страны. Для достижения этой цели Тегеран был готов пойти на временные компромиссы, что нашло отражение в принятии СВПД. Выход США из ядерной сделки и фактическое уклонение остальных ее участников, за исключением России, от соблюдения положений СВПД только активизировали усилия Ирана по совершенствованию своей ядерной программы.

Ключевые слова: Иран, США, ядерная программа, СВПД, санкции, Хаменеи, Роухани, МАГАТЭ

Для цитирования: Марьясов А. Г. Развитие ядерной программы ИРИ. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):24-32. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-024-032>

Original article. Economics studies

DEVELOPMENT OF THE NUCLEAR PROGRAMME OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Aleksandr Maryasov

Moscow, Russia,
alexander.mariyasov@gmail.com

Abstract. The article examines the evolution and main stages of development of Iran's nuclear program after the Islamic Revolution of 1979. The development of the program took place in the context of a permanent crisis in irano-american relations. Washington's attempts to prevent Tehran's move towards mastering nuclear technology could not prevent the achievement of this goal, declared by the leadership of IRI as one of the country's most important national priorities. To achieve its goal Tehran was ready to make temporary compromises, which was reflected in the adoption of JCPOA. The withdrawal of the United States from the nuclear deal and the actual evasion of its other participants, with the exception of Russia, from complying with the provisions of the JCPOA only intensified Iran's efforts to improve its nuclear program.

Keywords: Iran, United States, JCPOA, IAEA, sanctions, Khamenei, Rouhani

For citation: Maryasov A. G. Development of the Nuclear Programme of the Islamic Republic of Iran. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):24-32. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-024-032>

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Развитие ядерной программы ИРИ является важной страницей послереволюционной истории страны. Оно влияло на эволюцию внутривластных процессов в стране и раскрывало характер взаимоотношений Ирана с внешним миром.

После победы исламской революции новые иранские власти заморозили работу по развитию амбициозной шахской ядерной программы, осуществлявшейся при содействии США и стран западной Европы и направленной на создание в Иране сети АЭС для обеспечения энергетических потребностей страны¹.

Однако резкая нехватка электроэнергии в послереволюционный период и особенно после разрушительной ирано-иракской войны побудила власти ИРИ обратиться к Германии с просьбой завершить начатое еще при шахе строительство АЭС в Бушере. Топливо для нее Тегеран надеялся получить у Франции.

Тогда же, в конце 1980-х гг., Иран решил возродить программу развития атомной энергетики и использования ядерных технологий в промышленности, медицине и сельском хозяйстве. Он обратился к МАГАТЭ с просьбой оказать в этом вопросе техническое содействие, ссылаясь на свое право как члена ДНЯО на развитие мирной ядерной энергетики. Однако США ввиду резкого обострения отношений с ИРИ после захвата и длительного удержания в заложниках американских дипломатов в Тегеране заблокировали передачу Ирану ядерных технологий, вынудили западные страны отказаться от сотрудничества с ним в ядерных вопросах².

Тегеран был вынужден искать пути самостоятельного овладения ядерной технологией. В конечном счете он получил технологию изготовления центрифуг для обогащения урана и другую ядерную инфраструктуру через пакистанского физика-ядерщика Абдул Кадыр Хана³.

Единственным партнером Ирана в области мирного использования ядерной энергии стала Россия. В 1992 г. Москва и Иран подписали соглашение о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии, а также о сооружении на территории Ирана АЭС. В 1995 г. был заключен

¹ Атомная бомба иранского шаха // ИноСМИ – главное из иностранных СМИ о России и мире сегодня. 09.07.2015. URL: <https://inosmi.ru/20150709/229006768.html> (дата обращения: 02.09.2024).

² Как менялась позиция США относительно Соглашения по иранской ядерной программе. Досье // Новости в России и мире – ТАСС. 08.05.2018. URL: <https://tass.ru/info/5185728> (дата обращения: 02.09.2024).

³ Создатель пакистанский ядерной бомбы признался в сотрудничестве с Ираном и КНДР // Lenta.ru – Новости России и мира сегодня. 02.02.2004. URL: <https://lenta.ru/news/2004/02/02/khan/> (дата обращения: 02.09.2024).

контракт по достройке первого блока АЭС в Бушере. В 2011 г. он был введен в строй⁴.

В 2001 г. началось неафишируемое строительство комплекса по обогащению урана в Натанзе. В следующем году стало известно, что Тегеран дискретно разрабатывает ядерную программу, а МАГАТЭ объявило, что Иран овладел технологией обогащения урана [Porter, 2014, pp. 40–41].

Президент ИРИ Мохаммад Хатами, опасаясь враждебных действий со стороны США и Израиля, резко возражавших против любой ядерной деятельности Ирана и передачи ядерного досье ИРИ в СБ ООН, заявил, что иранская ядерная программа (ИЯП) носит исключительно мирный характер, и напомнил, что ИРИ как член ДНЯО имеет право на мирную ядерную деятельность, в том числе и на обогащение урана. Реформаторское правительство М. Хатами выразило готовность поставить свою ядерную программу под гарантии МАГАТЭ и начать переговоры по всем аспектам своей ядерной активности, равно как и по вопросам двусторонних отношений и региональной проблематике с США и евротройкой (Англией, Францией и Германией) [Mousavian, 2014, p. 198].

Американцы предсказуемо отказались от переговоров. Евротройка в течение 2003–2005 гг. вела переговоры с иранской командой во главе с тогдашним Секретарем Высшего совета национальной безопасности Хасаном Рухани.

Тегеран был готов временно заморозить, а потом ограничить свою обогатительную деятельность, сократить количество центрифуг и ограничить уровень обогащения урана в качестве объективных гарантий исключительно мирного характера ИЯП⁵. Взамен он хотел получить твердые гарантии сотрудничества с западными странами в атомной, технологической и экономической областях и обязательства конструктивно сотрудничать с Тегераном по вопросам обеспечения региональной безопасности⁶.

В подтверждение своих мирных намерений Тегеран представил осенью 2003 г. в МАГАТЭ данные о своей прошлой ядерной деятельности, а в декабре того же года подписал Доппротокол к Соглашению о гаран-

---

⁴ Россия передаст Ирану первый блок АЭС в Бушере через несколько недель – представитель МИД ИРИ // Новости в России и мире – ТАСС. 13.08.2013. URL: <https://tass.ru/ekonomika/588107> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵ Gareth Porter. U. S. Rejected 2005 Iranian Offer Ensuring No Nuclear Weapons // Inter Press Service | News and Views from the Global South. 07.06.2012. URL: <https://www.ipsnews.net/2012/06/u-s-rejected-2005-iranian-offer-ensuring-no-nuclear-weapons/> (accessed: 02.09.2024)

⁶ Official Proposals on the Iranian Nuclear Issue, 2003–2013. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/official-proposals-iranian-nuclear-issue-2003–2013>

тиях с МАГАТЭ, что открывало путь для интрузивных визитов его инспекторов на иранские ядерные объекты [Mousavian, 2014, p. 173].

Для подтверждения позиций Ирана Верховный Руководитель ИРИ Али Хаменеи подтвердил изданное ранее аятоллой Хомейни религиозное предписание (фетву) о запрете обладания оружием массового уничтожения, включая ядерное.

Однако евротройка не спешила форсировать переговорный процесс и, постоянно «консультируясь» с Вашингтоном, выдвигала контрпредложения с целью вынудить иранцев идти на дополнительные уступки. В частности, европейцы требовали от Ирана прекратить обогатительную деятельность на неограниченный период времени вплоть до достижения «приемлемого долгосрочного соглашения», не предлагая взамен компромиссных предложений со своей стороны [Mousavian, 2014, p. 201].

Иранцы пытались найти взаимоприемлемые развязки. Предлагали, в частности, конвертировать свой низкообогащенный уран в топливные сборки в качестве гарантии неиспользования своего НОУ в военных целях, а также ограничить число центрифуг⁷.

Неприятным сюрпризом для западных стран стало избрание президентом ИРИ в мае 2005 г. радикала М. Ахмадинежада и поражение влиятельного аятоллы А. Рафсанджани, с которым они связывали надежды на выторговывание новых уступок по ИЯП [Porter, 2014, p. 158].

В конечном счете под давлением США евротройка заявила в августе 2005 г., что ее может устроить только полное прекращение Тегераном обогатительной деятельности.

Для Ирана такая позиция западных стран стала «красной линией», которую он не мог переступить. Переговоры провалились. Таким образом, Западом была упущена уникальная возможность достичь взаимоприемлемых договоренностей по иранской ядерной программе еще на ранней стадии ее развития, когда Тегеран обладал незначительным количеством низкообогащенного урана и центрифуг первого поколения и ограниченным числом ядерных объектов.

Во внутривнутриполитическом плане провал переговоров между Ираном и евротройкой обернулся резким ослаблением позиций и дискредитацией иранских реформаторов и усилением влияния консервативных кругов. Х. Рухани и его команда были отстранены от ядерных дел и обвинены чуть ли не в «соглашательстве с Западом», а один из главных переговорщиков С. Х. Мусавиян даже был арестован и провел некоторое время в тюрьме [Porter, 2014, pp. 83–84].

---

⁷ Unnecessary Crisis: Setting the Record Straight about Iran's Nuclear Program // The Mossadegh Project. URL: <https://www.mohammadmossadegh.com/news/unnecessary-crisis-iran-nuclear-program/> (accessed: 02.09.2024).

М. Ахмадинежад инициировал эскалацию ядерной программы Ирана. В январе 2006 г. Тегеран возобновил работы по обогащению урана. Были сняты пломбы со всех имевшихся каскады центрифуг [Kasra, 2008, pp. 123–127, 134–135]. В январе 2006 г. СУ МАГАТЭ заявил о готовности передать ядерное досье ИРИ в СБ ООН, если Тегеран не приостановит обогатительную деятельность. Иран ответил заявлением о прекращении выполнения им Доппротокола к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ, предусматривавшего регулярные, в том числе с коротким сроком уведомления, проверки его ядерных объектов инспекторами Агенства. В июле 2006 г. СБ ООН принял резолюцию 1696, призывавшую Иран прекратить обогащение урана в месячный срок. Тегеран отреагировал запуском завода по производству тяжелой воды в Араке, повысил уровень обогащения урана с 3,7 до 20%⁸. Администрация Д. Буша приняла «Акт о поддержке свободы в Иране», которым вводились санкции против стран и иностранных компаний, оказывающих помощь Тегерану в развитии его ядерной программы.

В декабре 2006 г. СБ ООН своей резолюцией 1737 ввел первый пакет санкций против ИРИ в связи с его ядерной деятельностью. В период с 2006 г. по 2010 г. было введено еще четыре пакета антииранских санкций⁹. Страны ЕС ввели запрет на содействие Ирану в развитии его нефтегазовой промышленности, ввели нефтяное эмбарго, заблокировали счета ЦБ ИРИ и отключили Тегеран от международной системы передачи информации о платежах (SWIFT).

Международные усилия по разрешению иранской ядерной проблемы возобновились с созданием в 2009 г. «шестерки» международных посредников с участием постоянных членов СБ ООН и Германии. С победой на президентских выборах в Иране в июне 2013 г. умеренного прагматика Х. Рухани переговоры между «шестеркой» и Ираном активизировались.

В ноябре 2013 г. в Женеве был одобрен совместный план действий, предусматривавший конкретные шаги по подготовке детализированной программы практических шагов по решению иранской ядерной проблемы. Эта сложная и напряженная работа велась в течение всего 2014 г. и первой половины 2015 г. и завершилась принятием Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД).

Этот документ стал результатом взаимных компромиссов по всему спектру ядерной деятельности Ирана и содержал ряд взаимных обяза-

---

⁸ Ядерная программа Ирана. Досье // Новости в России и мире – ТАСС. 29.08.2014. URL: <https://tass.ru/info/1408136> (дата обращения: 02.09.2024).

⁹ Ядерная программа Ирана // РИА Новости. 14.07.2016. URL: <https://ria.ru/20160714/1465297437.html> (дата обращения: 02.09.2024).

тельств сторон. Главным для Тегерана было международное признание его права на мирную ядерную деятельность и снятие международных санкций, связанных с ИЯП.

Для международного сообщества важным стало ограничение обогатительной деятельности и НИОКР Ирана при усилении мер транспарентности и инспекционной работы МАГАТЭ в целях гарантирования мирного характера ИЯП.

В январе 2016 г. Агенство заявило, что Иран выполнил все требования для имплементации СВПД и начинает применять Доппротокол к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ. Вслед за этим начался процесс снятия всех международных санкций, введенных по линии СБ ООН в связи с ядерной деятельностью Тегерана. Снималась напряженность вокруг Ирана, открывалась дорога к выходу ИРИ из международной изоляции и возвращению ее в международную экономическую систему.

Венские договоренности стали большим успехом на пути к реализации режима ядерного нераспространения и способствовали стабилизации обстановки на Ближнем Востоке.

Заключение ядерной сделки вызвало неоднозначную реакцию как в США, так и в Иране. Республиканцы и неоконсервативное крыло американского истеблишмента встретили СВПД в штыки. Амплитуда их требований варьировалась от полного отказа от сделки до пересмотра в сторону ужесточения требований к Тегерану. Иранские радикалы, в свою очередь, заявляли о недопустимости компромиссов с «большим сатаной» и об опасности доверять американцам. Однако и президент США, и Верховный руководитель ИРИ отбили эти атаки. Для Б. Обамы заключение ядерной сделки с Ираном стало едва ли не единственным серьезным внешнеполитическим достижением всего его президентства. Для Али Хаменеи критически необходимым было снятие международных санкций для выправления катастрофически ухудшавшегося социально-экономического положения страны и предотвращения роста недовольства среди населения.

В мае 2018 г. президент-республиканец Дональд Трамп объявил о выходе США из СВПД и восстановлении всего пакета антииранских санкций. В течение года Тегеран проявлял «стратегическое терпение», скрупулезно выполняя все свои обязательства по ядерной сделке в надежде, что ее европейские участники возместят урон, нанесенный американцами. Но этого не произошло. Европейские компании прекращали сотрудничество с Ираном и массово покидали страну, опасаясь американских вторичных санкций.

Правительство Х. Рухани под растущим давлением консерваторов 8 мая 2019 г. было вынуждено объявить о поэтапном отказе от выпол-

нения своих обязательств по ядерной сделке. 8 декабря 2020 г. меджлис специальным законом обязал правительство интенсифицировать реализацию ядерной программы страны. В ходе пяти этапов отхода от своих обязательств по СВПД Тегеран возобновил обогатительную работу, стал повышать уровень обогащения урана вплоть до 60%, увеличил количество хранимого обогащенного урана, стал вводить в действие усовершенствованные центрифуги, активизировал ядерные НИОКР¹⁰.

Вступивший в январе 2021 г. в должность президента США Джозеф Байден обещал реанимировать СВПД. Это воскресило надежды правительства Х. Рухани на достижение соответствующих договоренностей. В апреле 2021 г. в Вене возобновились непрямые ирано-американские переговоры при посредничестве остальных участников СВПД. Американская сторона прощупывала возможность уступок и компромиссов со стороны Тегерана, предлагала «улучшить» ядерную сделку путем продления истекающих сроков ограничения ряда иранских обязательств, а также дополнить ее рестрикциями в отношении ракетной программы Ирана и его региональной деятельности.

Контролировавшие ход переговоров иранские консерваторы удерживали переговорную команду Х. Рухани от смягчения переговорных позиций. После избрания летом 2021 г. президентом ИРИ консерватора Эбрахима Раиси иранская сторона стала жестко настаивать на возобновлении СВПД в его первоначальной редакции без всяких дополнений и изъятий. Она требовала приоритетного снятия американских санкций и гарантий их невозобновления в будущем, выведения из-под санкций Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и высокопоставленных представителей иранского религиозно-политического руководства.

Однако осенью 2022 г. переговоры были прерваны. Вашингтон поддержал протестные выступления в Иране в связи с гибелью в полицейском участке Тегерана арестованной за «неправильное» ношение головного платка иранки курдского происхождения Махсы Амина. Одновременно США обвинили Иран в передаче Москве дронов-камикадзе для использования в СВО на Украине.

С началом палестино-израильского конфликта и последующим резким обострением ситуации на Ближнем Востоке проблема СВПД отошла на второй план, хотя и Вашингтон, и Тегеран периодически заявляют о готовности разрешить ядерную проблему при условии «ответственного поведения» противоположной стороны.

---

¹⁰ Иран отказался от ограничений ядерной сделки // РИА Новости. 05.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200105/1563134517.html> (дата обращения: 03.09.2024).

Становится всё более очевидным, что сохранить СВПД, тем более в его первоначальном виде, уже не получится. США не готовы отказаться от своих планов воспрепятствовать дальнейшему развитию иранской ядерной программы, опасаясь ее вепонизации. Иран, сильно продвинувшийся в ее развитии по количественным и качественным параметрам, никогда не откажется от своих достижений, тем более, что уже в ближайшее время истекают обозначенные в СВПД сроки снятия ограничений Ирана по сделке. Объективно возникает необходимость в выработке *modus vivendi* на основе сложившихся реалий, чтобы в случае готовности сторон подготовить предпосылки для выработки новых взаимоприемлемых договоренностей по иранской ядерной проблеме.

Пока же Иран продолжает развивать свою ядерную программу, не превышает опасного порога обогащения урана, не прерывает сотрудничества с МАГАТЭ, хотя и ограничивает его. То есть Тегеран не дает веских оснований для передачи своего ядерного досье на рассмотрение СБ ООН для повторного введения международных санкций. Иран не выходит из СВПД, заявляет, что не собирается вепонизировать свою ядерную программу, но дает понять, что у него есть всё необходимое для этого, но только в случае экзистенциальной угрозы для режима ИРИ¹¹.

Литература / References

1. Kasra N. Ahmadinejad: The Secret History of Iran's Radical Leader. University of California Press, 2008. 312 p.
2. Mousavian S. H. Iran and the United States. Bloomsbury Academic, 2014. 339 p.
3. Porter G. Manufactured Crisis: The Untold Story of the Iran Nuclear Scare. Just World Books, 2014. 310 p. ISBN 978-1935982333.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Атомная бомба иранского шаха // ИноСМИ – главное из иностранных СМИ о России и мире сегодня. 09.07.2015. URL: <https://inosmi.ru/20150709/229006768.html> (дата обращения: 02.09.2024).
2. Как менялась позиция США относительно Соглашения по иранской ядерной программе. Досье // Новости в России и мире – ТАСС. 08.05.2018. URL: <https://tass.ru/info/5185728> (дата обращения: 02.09.2024).
3. Иран отказался от ограничений ядерной сделки // РИА Новости. 05.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200105/1563134517.html> (дата обращения: 03.09.2024).

---

¹¹ Тегеран заявил о готовности изменить ядерную доктрину в случае ядерного шантажа // Anadolu Ajansi. 13.05.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/тегеран-заявил-о-готовности-изменить-ядерную-доктрину-в-случае-ядерного-шантажа/3217839> (дата обращения: 03.09.2024).

4. Россия передаст Ирану первый блок АЭС в Бушере через несколько недель – представитель МИД ИРИ // *Новости в России и мире – ТАСС*. 13.08.2013. URL: <https://tass.ru/ekonomika/588107> (дата обращения: 02.09.2024).
5. Создатель пакистанской ядерной бомбы признался в сотрудничестве с Ираном и КНДР // *Lenta.ru – Новости России и мира сегодня*. 02.02.2004. URL: <https://lenta.ru/news/2004/02/02/khan/> (дата обращения: 02.09.2024).
6. Тегеран заявил о готовности изменить ядерную доктрину в случае ядерного шантажа // *Anadolu Ajansi*. 13.05.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/тегеран-заявил-о-готовности-изменить-ядерную-доктрину-в-случае-ядерного-шантажа/3217839> (дата обращения: 03.09.2024).
7. Ядерная программа Ирана // *РИА Новости*. 14.07.2016. URL: <https://ria.ru/2016-0714/1465297437.html> (дата обращения: 02.09.2024).
8. Ядерная программа Ирана. Досье // *Новости в России и мире – ТАСС*. 29.08.2014. URL: <https://tass.ru/info/1408136> (дата обращения: 02.09.2024).
9. Gareth P. U. S. Rejected 2005 Iranian Offer Ensuring No Nuclear Weapons // *Inter Press Service | News and Views from the Global South*. 07.06.2012. URL: <https://www.ipsnews.net/2012/06/u-s-rejected-2005-iranian-offer-ensuring-no-nuclear-weapons/> (accessed: 02.09.2024)
10. Official Proposals on the Iranian Nuclear Issue, 2003–2013. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/official-proposals-iranian-nuclear-issue-2003–2013>
11. Unnecessary Crisis: Setting the Record Straight about Iran’s Nuclear Program // *The Mossadegh Project*. URL: <https://www.mohammadmossadegh.com/news/unnecessary-crisis-iran-nuclear-program/> (accessed: 02.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Марьясов Александр Георгиевич –
канд. ист. наук, Чрезвычайный
и полномочный посол

Maryasov Aleksandr G. –
PhD (hist.), Ambassador Extraordinary
and Plenipotentiary

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 330.342.3 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-033-053>

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ИРИ КАК ОСНОВЫ РОСТА ИРАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ В 2000–2023 ГГ.

Анастасия Николаевна Обухова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
anastasia.n.obukhova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6232-172X>

Аннотация. В статье дается оценка реализации возможностей иранского ТЭК, имеющего ключевое значение для иранской экономики на фоне текущих интеграционных процессов с Россией и странами БРИКС. Автор отмечает факторы, способствующие раскрытию энергopotенциала Ирана, такие как развитие нефтехимических производств с высокой добавочной стоимостью, развернутая по всей стране сеть магистральных газопроводов, превышающие среднемировые темпы роста производства электроэнергии, значительная степень самообеспеченности энергогенерирующим оборудованием. С населением 89 млн чел. Иран демонстрирует впечатляющую устойчивость экономики: рост ВВП в 2023 г. составил почти 5%, растут объемы ненефтяного экспорта, доля нефти в национальном экспорте снизилась с 83% до 47% за 17 лет, сальдо торгового баланса оставалось положительным на протяжении более двадцати лет.

Статья акцентирует внимание на том, что поскольку на Иран приходится 17% мировых запасов газа (номер один в мире) и 9% нефти (номер три в мире), в которых заинтересованы большие евразийские игроки, Иран обладает рычагами экономического влияния. Страна предпринимает удачные политические шаги, стремясь возглавить интеграционные процессы в Азии. Автор отмечает, что расширяющееся геополитическое партнерство Россия – ИРИ – КНР играет ключевую роль в рамках образующегося нового МРТ. Автор делает вывод, что для России Иран может быть ключевым энергетическим партнером на Ближнем востоке в сферах производства СПГ, экспорта электроэнергии, поскольку государства-соседи Ирана – емкие рынки с большими потребностями в энергоресурсах, а совместные с РФ инвестиционные проекты смогут способствовать диверсификации источников энергопотребления повышая уровень энергетической безопасности всего региона.

Ключевые слова: Энергетика Ирана, нефтегазодобыча ИРИ, электрогенерация, нефтегазовое сотрудничество с Россией, экспортно-импортные операции

Для цитирования: Обухова А. Н. Реализация энергетического потенциала ИРИ как основы роста иранской экономики в 2000–2023 гг. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):33–53. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-033-053>

Original article. Economics studies

IRANIAN ECONOMY 2000–2023 DEVELOPMENT BACKED BY IRAN'S UNLOCKING ENERGY POTENTIAL

Anastasia Obukhova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
anastasia.n.obukhova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6232-172X>

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Abstract. The article evaluates Iran’s fuel and energy complex, which is of key importance for the Iranian economy, amid current integration processes with Russia and the BRICS countries. The author highlights the drivers that contribute to Iran’s energy unlocking potential, including petrochemical industry development, gas pipelines network deployed throughout the country, electricity production growth rates exceeding the global average ones, self-sufficiency in energy generating equipment. With a population of 89 mn, Iranian economy reveals an impressive resilience: GDP growth reached 5% in 2023 non-oil exports are growing, the share of oil in national exports declined from 83% to 47% over the past 17 years, the trade balance has remained positive for more than twenty years. The article underlines that Iran accounts for 17% of the world’s gas reserves (number one globally) and 9% of oil (number three globally), which provides the country with an economic leverage. The country is taking successful political steps, striving to lead the integration processes in Asia. The author notes that the expanding geopolitical partnership Russia – Iran – China plays a significant role in the new international division of labour.

The author concludes that Iran can be a key energy partner for Russia in the Middle East in the areas of LNG production and electricity exports, since Iran’s neighboring states are capacious markets with large energy needs, and joint investment projects with Russia could contribute to the energy sources diversification and energy security growing for the entire region.

Keywords: Iran’s energy sector, Iran’s oil and gas production, electricity generation, oil and gas cooperation with Russia, export-import operations

For citation: Obukhova A. N. Iranian Economy 2000–2023 Development Backed by Iran’s Unlocking Energy Potential. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):33-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-033-053>

Нефтегазовая отрасль играет ведущую роль в экономике и промышленности ИРИ, благодаря которой с момента образования Исламской республики 01.04.1979 г. иранская экономика продемонстрировала уникальную способность к поступательному развитию. На Иран приходится 17% мировых запасов газа – на второй строчке в мире, 9% нефти – на третьей позиции в мире (по данным за 2020 г.)¹. За последние 10 лет (2013–2023 гг.) Иран увеличил годовую добычу природного газа на 60% – до 252 млрд куб. м, став третьим в мире по объемам добычи с долей 6% после США (номер один в рейтинге) с 24% и РФ (номер два) – с долей 17%². Порядка 50% запасов газа Ирана приходится на расположенное в иранских водах Персидского залива месторождение Южный Парс Северное (South Pars / North Dome) – сверхгигантское крупнейшее газовое месторождение в мире, запасы которого могли бы снабжать весь мир газом в течение нескольких лет. Месторождение содержит 8% мировых запа-

¹ Statistical Review of World Energy, 70th Edition, 2021 // Energy Institute. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed: 10.07.2024).

² Statistical Review of World Energy, 73rd Edition, 2024 // Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 12.08.2024).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

сов газа, а его общая площадь составляет 9700 кв. км (3700 кв. км, из которых находятся в территориальных водах Ирана в Персидском заливе)³. На Южный Парс ИРИ приходится 70% добываемого в стране природного газа, 40% сырья для производства бензина и 64% топлива, необходимого для национального производства электроэнергии. По оценке представителя Pars Oil and Gas Company (POGC) Алирезы Рихтехгаар Дезфули летом 2024 г. ежедневная добыча Ираном природного газа в Южном Парсе достигла 700 млн куб. м, превысив объем добычи Катаром на месторождении⁴.

Таблица 1. Крупнейшие месторождения нефти и газа Ирана

№	Наименование	Описание	Комментарий
1	Ахваз	крупнейшее нефтяное м/р в Иране	23% национальных запасов
2	Гачсаран	старейшее нефтяное м/р в Иране	
3	Азадеган	крупное нефтяное м/р	на юго-западе страны
4	Южный Парс	50% запасов газа Ирана	делит с Катаром, иранские воды Персидского залива
5	Киш	м/р газа	рядом с о. Киш, исследования начались, коммерческая добыча планировалась с 2023 г.
6	Фарзад	морское м/р газа	в провинции Фарс, делит с КСА разработка планировалась Индийским консорциумом, обнаружившим газ в 2008 г. на основе Exploration service contract Development Service Contract не был подписан из-за санкций, в 2021 г. Иран решил самостоятельно разрабатывать
7	Балал (Белал)	м/р газа в Персидском заливе	неподалеку от морской границы с Катаром, на глубине 70 м
8	Форуз Б (Forouz B)	м/р газа в Персидском заливе	между островами Киши, Сири, Фарур, добыча газа ведется с 2010 г.

Источник: открытые данные

Рост численности населения Ирана привел к увеличению масштабов емкости внутреннего рынка, стимулировав рост экономики. Так, с 1980 по 2023 гг. численность населения ИРИ увеличилась более чем

³ SP phase 14 refinery connected to national gas network // Tehran Times. August 19, 2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/502653/SP-phase-14-refinery-connected-to-national-gas-network> (accessed: 19.09.2024).

⁴ Iran outperforms Qatar in extracting gas from SP joint field: official // Tehran Times. September 14, 2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503619/Iran-outperforms-Qatar-in-extracting-gas-from-SP-joint-field> (accessed: 15.09.2024).

в два раза – до 87 млн, в 2000–2023 гг. на 23 млн чел.⁵ В 2013–2014 гг. нефтедобыча составляла 3,6–3,7 млн барр./сут., а ее пик был достигнут в 2017 г., когда добывалось 5,0 млн барр./сут. В 2023 г. нефтедобыча в Иране вернулась к уровням 2016 и 2018 гг. (4,7 млн барр./сут.). Максимум нефтедобычи может достигать 5 млн барр./сут., но исторический факт составляет порядка 3,7–4,7 млн барр./сут., из которых до 1,5 млн барр./сут. поставляется в КНР⁶. ~60% добываемой Ираном нефти идет на экспорт. Будучи под незаконными односторонними рестрикциями США, Иран (как и Венесуэла) освобожден от обязательств по сокращению нефтедобычи, устанавливаемыми ОПЕК и ОПЕК+.

В текущих геополитических условиях, потенциал страны как крупного экспортера ТЭР (особенно природного газа) на мировой рынок существенно ограничен. В частности, в 2021 г. национальный объем потребления энергоресурсов в Иране достиг 458 млн т нефтяного эквивалента (т н. э.), а экспорт – 75 млн т н. э., из которых доля нефти составила 71%⁷.

Международный режим санкций и рестрикций вынудил иранские госкомпании и иранский частный бизнес переориентироваться на производство продуктов нефтехимии (с высокой добавочной стоимостью). В частности, полимерная промышленность (где занято более 1 млн чел.) стала вторым по величине источником экспортной выручки Ирана в 2023 г., когда экспорт полимерной продукции достиг \$4,6 млрд, а за первые 5 месяцев текущего 2024/25 г. (1403 г. по иранскому календарю) экспорт нефтехимической продукции Ирана вырос на 12,8% год к году (г./г.) – до \$9,8 млрд⁸. Объемы национального нефтехимического производства могут составить 80 млн т в этом году (на фоне роста на 4% г./г. производственных мощностей – до 100 млн т и до 200 млн т через 10 лет с 96 млн т в 2023/24 г.), увеличившись на 15 млн т за два последних года⁹.

Нефтеперерабатывающие мощности в Иране увеличиваются ежегодно на 2,4–2,5 млн барр./сут., то есть примерно на 4% в год. При населении 89 млн в стране более 30 млн автомобилей, но Ирану удалось стать нетто-экспортером бензина только в феврале 2019 г. после запуска

---

⁵ World Economic Outlook (WEO) Database: April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (accessed: 25.05.2024).

⁶ Statistical Review of World Energy, 73rd Edition, 2024 // Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 12.08.2024).

⁷ Там же.

⁸ Annual export of polymer products exceeds \$4.5b, October 2, 2024 // Tehran Times. URL: <https://tehrantimes.com/news/504445/Annual-export-of-polymer-products-exceeds-4-5b> (accessed: 02.10.2024).

⁹ Petchem projects to be launched in Iran by late March 2025 // Tehran Times. 09.09.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503450/15-petchem-projects-to-be-launched-in-iran-by-late-March-2025> (accessed: 10.09.2024).

3-й очереди НПЗ «Звезда Персидского залива» (PGS), принадлежащего Инвестиционной компании нефти, газа и нефтехимии (49%), Пенсионному фонду нефтяной промышленности (33,1%) и (NIORDC) Национальной иранской компании по переработке и сбыту нефти (17,9%), когда производство бензина в стране увеличилось на 120 000 барр./сут.¹⁰ Для привлечения инвестиций и инвесторов был разработан Закон о развитии НПЗ в 1398 г. (20.03.2019–19.03.2020), и поправки к нему в январе 2022 г. В 2022/23 г. потребление бензина увеличилось на 20% г./г., а в прошлом 2023/24 г. (завершился 19.03.24) рост составил 11% г./г. – до 115 млн л/сут. За первую половину текущего 2024/24 г. (20.03.2024–28.09.2024) среднесуточное потребление бензина в Иране выросло на 7,2% г./г. – до 124,5 млн л, по оценкам управляющего директора Национальной иранской компании по распределению нефтепродуктов (NIOPDC) Керамата Вейса-Карамии¹¹. Дальнейшее строительство НПЗ позволит увеличить национальные нефтеперерабатывающие мощности страны на 30% – с 2,3 млн барр./сут. до 3,0 млн барр./сут.

За 2013–23 гг. нефтехимия стала ключевой статьей ВВП ИРИ, помимо нефтедобычи, для развития которой государством была сформулирована единая нефтегазовая стратегия на базе ряда законодательных актов.

Таблица 2. Законодательство, регламентирующее нефтегазовую отрасль ИРИ

№	Регуляторный акт
1	Закон о правах и обязанностях Министерства Нефти 2021 г., чьей дочерней компанией является ИННК
2	Руководство по реализации проектов газопроводов, 2007 г. (дочерняя компания ИННК «Национальная газовая компания Ирана» контролирует 70% газовой инфраструктуры страны)
3	Пятилетние планы развития, содержащие положения национальной экономической стратегии
4	Иранский нефтяной контракт (IPC) от 2016 г.: регулирует нефтегазодобычу на принципах байбэк контрактов СРП, аналог иракского технического Сервисного Контракта. <i>3 вида: 1-й – разведка, разработка, добыча, 2-й – разработка с "нуля", 3-й – соглашения на увеличение эффективности добычи</i>
5	Подзаконный акт о признании важных нефтяных и газовых контрактов и их процедуры, 2017 г.
6	Закон о развитии газовой промышленности, 1972 г.

¹⁰ Fuel consumption expected to fall 10% by late Mar 2025 // Shana. 16.07.2024. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/501144/Iran-s-fuel-consumption-expected-to-fall-10-by-late-Mar-2025> (accessed: 22.07.2024).

¹¹ Average daily gasoline consumption rises 7% // Tehran Times. 02.10.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/504443/Average-daily-gasoline-consumption-rises-7> (accessed: 02.10.2024).

Окончание табл. 2

№	Регуляторный акт
7	Подзаконный акт о защите, транспортировке, хранении и продаже природного газа, 1969 г.
8	Закон о борьбе с контрабандой, 2013 г.: экспорт природного газа должен декларироваться
9	Инструкция по торговле нефтью и газом
10	Инструкция по закупке сырой нефти, природного газа и продуктов нефтехимии, 2013 г.
11	Руководство по борьбе с контрабандой нефтепродуктов, 2019 г.
12	Государственный бюджет: в 2022 г. 45,5% прибыли от экспорта нефти, полученной частными уполномоченными организациями, должно было переводиться в бюджет
13	Закон о максимальной помощи иранских технических, инженерных, производственных, промышленных и исполнительных возможностей для реализации проектов
	Предусматривает по крайней мере 51% локализации проектов

Источник: открытые данные

Усилению энергобезопасности Ирана способствует развернутая по всей стране (за исключением горных областей и юго-востока) сеть магистральных газопроводов Iran Gas Trunkline, построенных от газоперерабатывающих заводов на юге Ирана (провинции Хузестан и Бушер) до центров потребления. Из-за географических особенностей затруднительно снабжать газом северо-восток Ирана (с годовым потреблением свыше 20 млрд куб. м) через сеть ИГАТ, поэтому подача газа осуществляется по магистральному газопроводу Хангиран–Решт с соответствующих месторождений. Чтобы предотвратить дефицит поставок природного газа в северо-восточные регионы (из-за сокращения газодобычи на месторождениях Каспия и недостаточной емкости хранилищ), в 2017 г. был построен магистральный газопровод Дамган-Нека (с годовой мощностью 14,6 млрд куб. м)¹². Помимо этого, государством построены семь подземных хранилищ газа, самые мощные среди которых Серадже и Шуриджех с объемами 3,3 и 4,5 млрд куб. м соответственно; еще семь строятся.

Через газопроводы также осуществляется экспорт природного газа. Крупнейшими покупателями иранского газа в 2021 г. были: Ирак (7,2 млрд куб. м), Турция (9 млрд куб. м), Азербайджан (0,4 млрд куб. м),

¹² Иран построил внутренний газопровод для снижения зависимости от туркменского газа // Investing.com. 10.08.2017. URL: <https://ru.investing.com/news/Общие-Новости/article-504777?ysclid=m1y6ebisml184992955> (дата обращения: 25.08.2024).

Армения (0,4 млрд куб. м), куда газ поставляется в обмен на электроэнергию¹³. Иран экспортирует лишь 6% добываемого природного газа (по сравнению с 30% в среднем по миру) и импортирует 23–30 млн куб. м в день газа из Туркменистана в труднодоступные северные районы страны, что составляет 5% годового потребления в стране, для чего в 2019–2020 гг. Иран подписал трехсторонний договор с Туркменистаном и Азербайджаном. Для обеспечения бесперебойности поставок Иран начал заключать своповые соглашения с РФ об импорте газа (например, в 2022 г. на 9 млн куб. м газа в день)¹⁴.

Еще одним маршрутом экспорта иранского природного газа мог бы стать сухопутный и морской (шельфовый или глубоководный) магистральный газопровод Иран–Индия протяженностью 1700 км и годовой мощностью 33 млрд куб. м, из которых 3 млрд куб. м направлялись бы в Пакистан и 30 млрд куб. м – в Индию¹⁵. Обсуждение строительства началось более двадцати лет тому. Для сухопутного варианта к 2017 г. Иран довел трубу до границы с Пакистаном, где строительство участка не начато. Строительство морского маршрута связано с трудностями по изысканию больших объемов инвестиций и полагается некоторыми представителями сторон экономически нецелесообразным. Отсутствие собственных технологий по производству крупнотоннажного СПГ является основным фактором, ограничивающим возможности Ирана в части увеличения объемов экспорта природного газа.

Развитие энергоемкой национальной нефтегазохимии поддерживается большими запасами природного газа, спрос на который на внутреннем рынке Ирана формируется за счет как сектора электроэнергетики, так и производственных мощностей нефтегазохимической промышленности, обеспечивающих годовую потребность на уровне около 20 млрд куб. м. За последние 20 лет в стране запущено 8 предприятий по производству метанола общей мощностью 8,8 млн т готовой продукции в год и 16 предприятий по производству аммиака и карбамида общей мощностью 9,3 млн т готовой продукции в год. Помимо этого, в Иране налажено производство этилена, серы, олефинов и полимеров. Основные мощности нефтегазохимического комплекса расположены в крупных портовых кластерах в зонах Персидского залива (порты Бендер Ассалуйе и Бендер Хомейни).

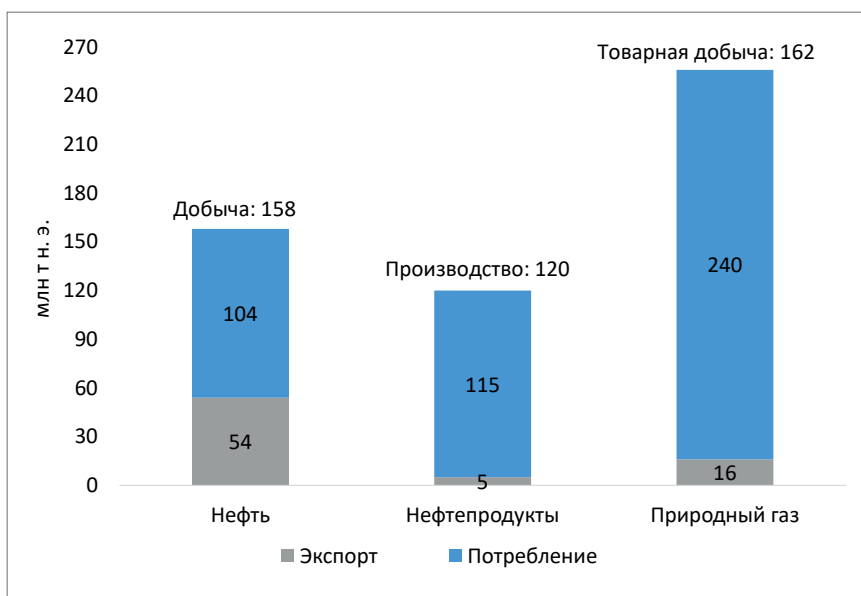
---

¹³ Statistical Review of World Energy, 73rd Edition, 2024 // Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 12.08.2024).

¹⁴ International Energy Agency: IEA. URL <https://www.iea.org/> (accessed: 20.06.2024).

¹⁵ Эксперт: Индии нужен газопровод через Афганистан, но сначала мир должен признать талибов // ТАСС. 18.08.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12158613> (дата обращения: 15.08.2024).

Иран обладает 5,543% мировых доказанных извлекаемых запасов природных энергоносителей¹⁶. По оценкам за 2021 г. суммарные запасы энергоносителей Исламской республики Иран составляли 79,189 млрд т условного топлива (т у. т.)¹⁷. По этому показателю Иран занимает пятое место в мире после РФ, США, Австралии и КНР, 56,8% из которых приходится на природный газ (44,999 млрд т у. т.), 41,6% – на нефть (32,982 млрд т у. т.), 1,5% – на уголь (1,208 млрд т у. т.)¹⁸. Основными источниками первичной энергии в Иране являются природный газ, сырая нефть и нефтепродукты, объем производства которых в 2021 г. составил 533 млн т н. э., а доля природного газа в энергобалансе страны достигает 48%, на нефть и нефтепродукты приходится 30% и 22% соответственно¹⁹.

Рис. 1. Углеводороды ИРИ: добыча, экспорт, потребление, 2021 г.

Источник: Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-irana>

С 1992 по 2021 гг. объем произведенной электроэнергии (без учета АЭС и ВИЭ) вырос в 1,8 раза – до 646,738 млн т у. т., ее доля в структуре национального сводного топливного баланса увеличилась с 63% до 84%

¹⁶ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-irana> (дата обращения: 25.06.2024).

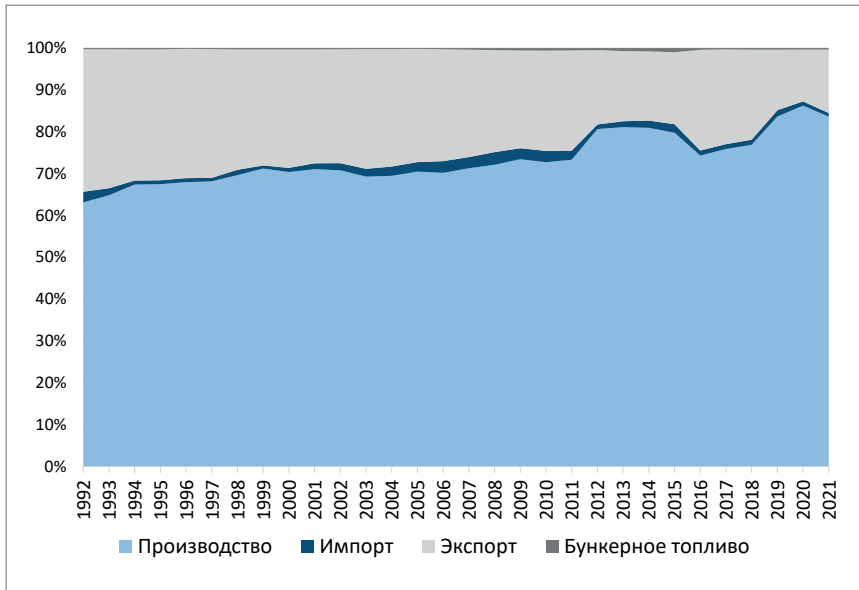
¹⁷ Там же.

¹⁸ Statistical Review of World Energy, 73rd Edition, 2024 // Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 12.08.2024).

¹⁹ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-irana> (дата обращения: 25.05.2024).

за этот период. Доля импорта в топливном балансе страны упала с 3% в 1992 г. до 1% в 2021 г., доля экспорта сократилась в два раза за 30 лет – с 34% до 15%²⁰.

Рис. 2. Структура сводного топливного баланса Ирана, 1992–2021 гг.

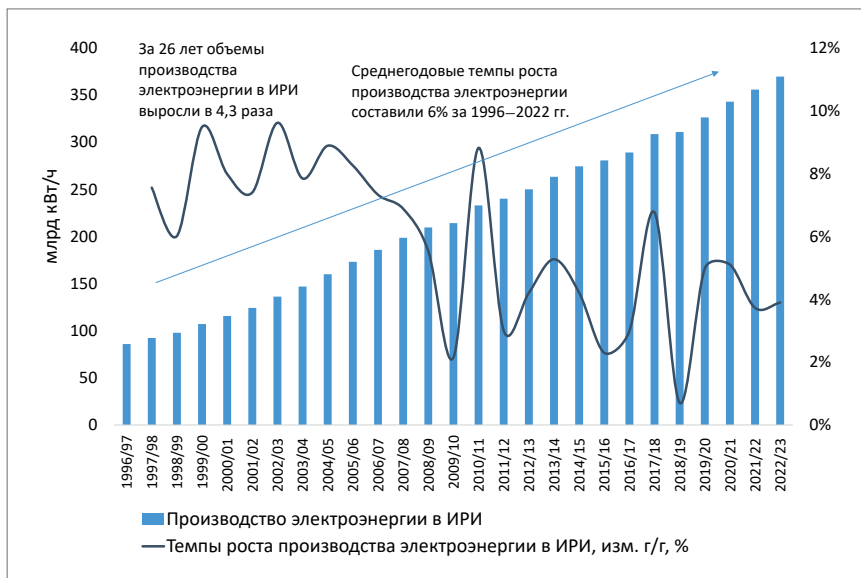
Источник: Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-irana>

Конечное потребление электроэнергии в 2021 г. составило 286,034 млн кВт·ч, эквивалент валовому потреблению электроэнергии в размере 3430 кВт·ч/чел. (для сравнения, в энергозависимом Пакистане – 578 кВт·ч/чел.). Иран с населением 89 млн чел. потребляет столько же электроэнергии, сколько Египет (111 млн чел.) и Испания (49 млн чел.). В 2023 г. в Иране производство электроэнергии выросло на 4,3% г./г. – до 389,2 ТВт·ч (с 367,1 ТВт·ч в 2022 г.), что почти вдвое выше средних темпов роста производства электроэнергии в 2023 г. в мире (+2,5% г./г. – до 29,924 ТВт·ч), а объем превысил показатели Британии, Италии, Испании, Турции, Алжира, Египта, Индонезии, Пакистана, Таиланда и др. Дальнейшее подключение к электросети новых потребителей оценивается в 1 млн в год, из которых 80% – домохозяйства, 20% – бизнес²¹.

²⁰ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-irana> (дата обращения: 25.06.2024).

²¹ Electricity consumption in Iran rises 6,000 MW // Tehran Times. 07.08.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/502153/Electricity-consumption-in-Iran-rises-6-000-MW> (accessed: 21.08.2024).

В текущем 2024/25 г. потребление электроэнергии в Иране увеличилось на 6000 МВт г./г., достигнув 80 000 МВт, по оценкам главы Tavanir (Иранской компании по производству, распределению и передаче электроэнергии) Мостафы Раджаби Машхади²².

Рис. 3. Производство электроэнергии в ИРИ, 1996–2022 гг.

Источник: Economic Trends, 1999/00–2023/24. Central Bank of the Islamic Republic of Iran. URL: https://cbi.ir/category/EconomicTrends_en.aspx

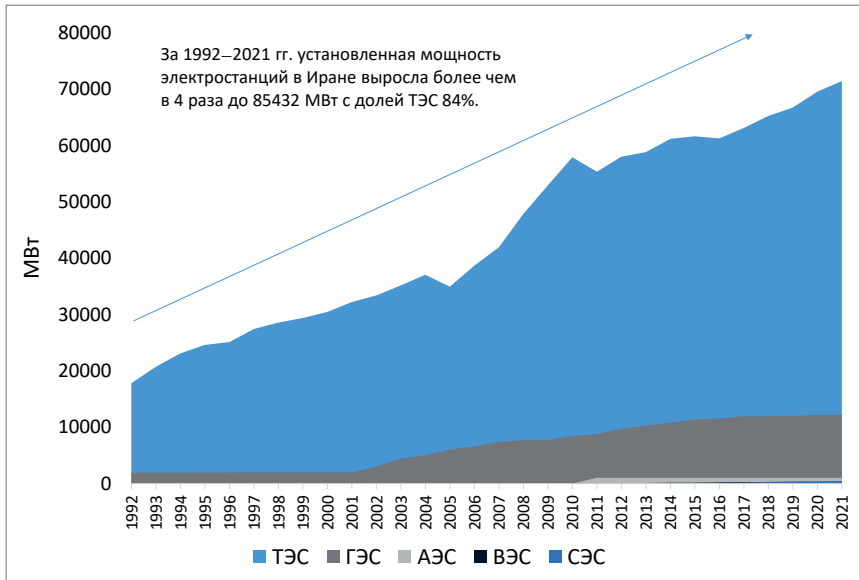
Последние три десятилетия доля ТЭС в установленных национальных мощностях Ирана остается практически неизменной: 84% по данным за 2021 г. против 90% в 1992 г.²³ Начиная с 2004 г. идет строительство ветряных электростанций (ВЭС) и с 2014 – солнечных электростанций (СЭС), доля которых в национальных мощностях достигла 0,4% и 0,5%, соответственно²⁴. За 1992–2021 гг. установленная мощность электростанций в Иране выросла более чем в 4 раза – до 85 432 МВт (с 19 784 МВт), которые производят 344,161 млн кВт·ч электроэнергии. На конец июня 2024 г. мощность возобновляемых электростанций Ирана достигла 1199,71 МВт, где за месяц было выработано 230 млн кВт·ч электроэнергии,

²² Electricity consumption in Iran rises 6,000 MW // Tehran Times. 07.08.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/502153/Electricity-consumption-in-Iran-rises-6-000-MW> (accessed: 21.08.2024).

²³ Economic Trends, 1999/00–2023/24 // Central Bank of the Islamic Republic of Iran. URL: https://cbi.ir/category/EconomicTrends_en.aspx (accessed: 20.08.2024).

²⁴ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-irana> (дата обращения: 20.07.2024).

что составило рост на 21% за месяц (м/м). Доля ветряных электростанций в общем объеме возобновляемой электроэнергии страны составила 31% (366,3 МВт), доля солнечных электростанций (529,9 МВт) – 58%; на малые гидроэлектростанции приходится 9% (103,67 МВт). Из общего объема возобновляемых мощностей страны 44% приходится на солнечные электростанции, на ветряные – 40%, а на малые гидроэлектростанции – 13%²⁵.

Рис. 4. Установленная мощность электростанций Ирана, 1992–2021 гг.

Источник: Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-irana>

За последние тридцать лет доля ГЭС в установленных энерго мощностях увеличилась в 1,5 раза – с 10% до 14%, и Ирану удалось нарастить установленную мощность АЭС до 1020 МВт (1% от общих энерго мощностей).

Строительство первой на Ближнем востоке АЭС юго-восточнее иранского города Бушер начинал в 1975 г. западногерманский Kraftwerk Union (Siemens / KWU) при последнем шахе Ирана Мохаммеде Резе Пехлеви. После Исламской революции 1979 г. немецкий концерн в 1980 г. разорвал контракт и отказался достраивать станцию из-за решения ФРГ присоединиться к американскому эмбарго на поставки оборудования в Иран. Россия оказалась единственной страной, обладавшей полити-

²⁵ Capacity of Iran's renewable power plants touches 1,200 MW // Tehran Times. 16.07.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/501145/Capacity-of-Iran-s-renewable-power-plants-touches-1-200-MW> (accessed: 16.07.2024).

ческой волей и соответствующими атомными технологиями, чтобы выполнить главное пожелание иранской стороны – достройку 1-го блока (построить который с нуля было бы проще и дешевле в силу отсутствия конструкторской документации и пробитого авиабомбой купола реакторного здания). В 1992 г. ИРИ и РФ подписали договор о сооружении АЭС «Бушер», в 1995 г. «Зарубежатомэнергострой» заключил контракт с Организацией по атомной энергии Ирана по достройке и реконструкции 1-го блока, для чего «Росатомом» была разработана специальная реакторная установка В-446. Энергоблок № 1 был подключен к национальной энергосистеме Ирана в сентябре 2011 г., ядерное топливо для его работы также поставляется Россией (доля которой в мировом экспорте урана составляет 30%)²⁶. По оценкам Хуссейна Гаффари, директора АЭС «Бушер», к концу октября 2017 г. построенный российскими специалистами 1-й блок АЭС «Бушер» сэкономил стране 6,1 млрд барр. сырой нефти на \$2 млрд²⁷. В ноябре 2014 г. «Росатом» подписал с иранской стороной соглашение о строительстве восьми блоков АЭС «Бушер» по российским технологиям. Строительство блока № 2 началось в ноябре 2019 г. Изначально планировалось, что в эксплуатацию 2-й и 3-й блоки будут введены в 2025 и 2027 гг. соответственно. Стоимость строительства блоков № 2 и № 3 может составить \$8,5–\$11 млрд. На начало 2023 г. сумма долга за работы по созданию АЭС «Бушер-2» оценивалась в ~ \$500 млн²⁸.

К концу текущего 2024/25 г. Министерство энергетики ИРИ планирует увеличить мощность генерации электроэнергии в стране на 5333 МВт, 53% (2817 МВт) из которых будет обеспечено газовой генерацией, 30% – гидроэлектростанциями, оставшиеся 17% (914 МВт) – электростанциями комбинированного цикла²⁹. Приблизительно 90% энергогенерирующего оборудования (включая турбины и генераторы), используемого в стране, производится иранскими предприятиями, а свыше 60% эксплуатируемых в Иране электростанций были спроектированы и построены силами публичной компании Мапна (Mapna Group), входящей в топ-30 по капитализации компаний Тегеранской фондовой биржи.

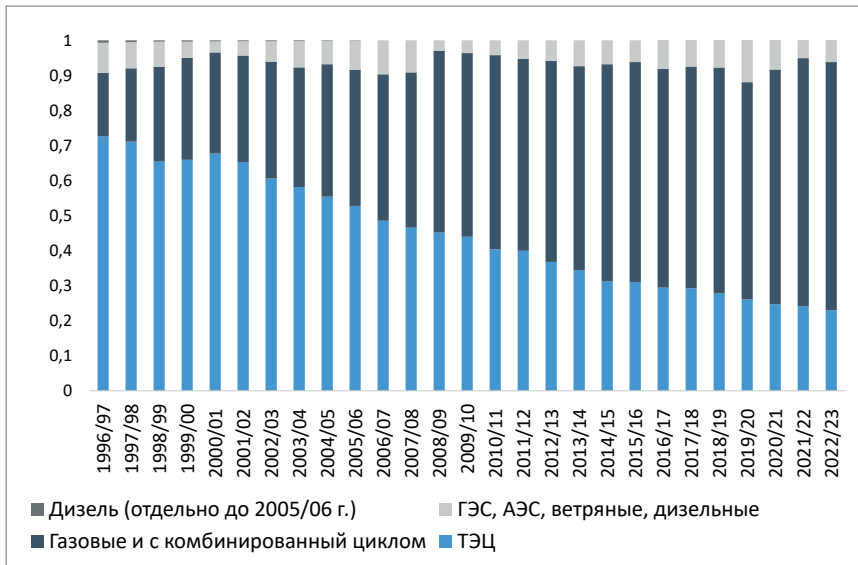
---

²⁶ UN Comtrade. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (accessed: 28.04.2024).

²⁷ «Бушер-2»: символ трех поколений // Страна РОСАТОМ. 07.11.2017. URL: <https://stranarosatom.ru/2017/11/07/busher-2-simvol-treh-pokolenij/?ysclid=m2jk50c2yy501397615> (дата обращения: 19.08.2024).

²⁸ Иран сократил долг перед «Росатомом» за строительство АЭС «Бушер» // РИА Новости. 17.05.23. URL: <https://ria.ru/20230517/busher-1872463653.html?ysclid=m1y79p3tgu352616167> (дата обращения: 14.05.2024).

²⁹ Nominal electricity generation capacity to rise 5,333 MW by next Mar // Tehran Times. 27.09.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/504190/Nominal-electricity-generation-capacity-to-rise-5-333MW-by-next> (accessed: 28.09.2024).

Рис. 5. Структура электрогенерации ИРИ, 1996–2022 гг.

Источник: Economic Trends, 1999/00–2023/24 // Central Bank of the Islamic Republic of Iran. URL: https://cbi.ir/category/EconomicTrends_en.aspx

Энергетическая система Ирана является энергопрофицитной, и две трети производимой электроэнергии вырабатывается за счет природного газа. Для сравнения, Пакистан обеспечивает себя собственными ресурсами только на 3%, а самообеспеченность Индии природным газом составляет 6,3%³⁰.

За последнее десятилетие потепление климата и снижение количества осадков в Иране осложнили ситуацию с поставками электроэнергии в периоды пикового потребления. Пиковое потребление электроэнергии в текущем году оценивается в 77 514 МВт (+3% г./г.), поэтому Министерство энергетики ИРИ планирует в летние месяцы реализовать комплексную программу, по которой домохозяйства с низким потреблением получат дополнительное вознаграждение, а с потреблением выше нормы – дополнительные начисления. Из-за аномальной жары летом 2024 г. пиковое потребление электроэнергии в Иране достигло почти 80 000 МВт, а следующим летом дефицит электроэнергии может достичь 26 000 МВт, по оценкам председателя совета директоров Иранского профсоюза электростанций Али Никбахта, для предотвращения этой проблемы Ирану необ-

³⁰ Government sets target to raise share of natural gas in energy mix to 15% by 2030 // The Economic Times. 22.07.2022. URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/government-sets-target-to-raise-share-of-natural-gas-in-energy-mix-to-15-by-2030/article-show/93112104.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 19.01.2024).

ходимо около \$1,0 млрд инвестиций в сектор электроэнергетики³¹. Существующий дисбаланс между спросом и предложением электроэнергии возможно решить с помощью механизмов Национального фонда развития Ирана (National Development Fund – NDF), который с момента своего создания в 2011 г. проинвестировал \$36,258 млрд в проекты ряда отраслей, в том числе \$4,617 млрд в строительство электростанций (а также \$23,75 млрд – в нефтегазовый сектор, \$6,748 млрд – в промышленность, \$583 млн – в ирригацию, более \$1,1 млрд – в транспорт, \$120 млн – в фармацевтику, \$15 млн – в туризм)³². За время своего действия фонд профинансировал 46 электростанций стоимостью \$4,6 млрд общей мощностью 7200 мегаватт, включая 17 электростанций комбинированного цикла, 25 ТЭЦ и 4 электростанции на ВИЭ (еще \$3,7 млрд пошло на завершение строительства этих электростанций; сейчас более 50% своих ресурсов фонд готов инвестировать в нефтегазодобычу)³³.

В сентябре 2024 г. на встрече министров энергетики стран БРИКС в рамках VII Российской энергетической недели Министр энергетики Ирана Аббас Алиабади предложил связать российские электросети с сетями ОАЭ и КСА через территорию ИРИ, что позволит увеличить экспорт электроэнергии Ираном. По словам министра, объединение электросетей с двумя арабскими странами через Иран позволит сократить требующиеся инвестиции в производственный сектор³⁴.

Львиная доля (около 50%) экспорта ИРИ приходится на поставки сырой нефти³⁵. В 2022 г. экспорт нефти из Ирана достиг самого высокого уровня с 2018 г. (когда США вышли из «ядерной сделки» и ввели незаконные рестрикции на иранскую нефть). Это стало возможным, поскольку именно с 2022 г. США ослабили контроль за соблюдением режима рестрикций в случае снижения цен, что способствовало наращиванию объемов импорта иранской нефти Китаем, где бенефициарами стали не китайские госкомпании (которые могли попасть под вторичные санкции), а порядка 40 средних и мелких китайских НПЗ, т. н. «чайники», не представленные за рубежом. При росте нефтедобычи на 9% г./г. (до 2,5 млн барр./сут.) в 2022/23 г. Иран увеличил экспорт на 83 млн

---

³¹ Overcoming Iran's power imbalance requires \$1b investment: official // Tehran Times. 15.09.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503671/Overcoming-Iran-s-power-imbalance-requires-1b-investment-official> (accessed: 25.09.2024).

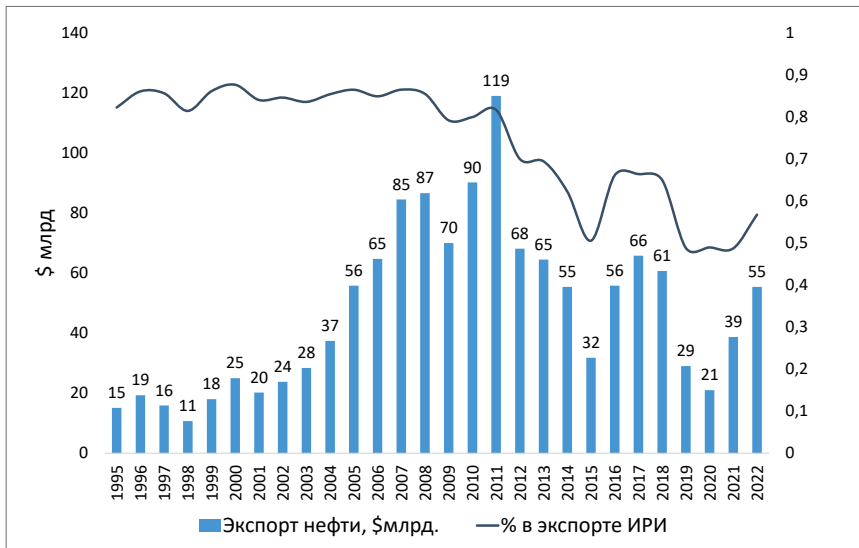
³² NDF invests over \$36b in economic projects // Tehran Times. 12.08.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/502333/NDF-invests-over-36b-in-economic-projects> (accessed: 12.08.2024).

³³ Ibid.

³⁴ Новак рассказал о соединении энергосистем России, Ирана и Азербайджана // Prime. 26.09.24. URL: <https://1prime.ru/20240926/energositema-851812958.html> (дата обращения: 27.09.2024).

³⁵ TrendEconomy. URL <https://trendeconomy.ru/data/h2/iran/TOTAL> (accessed: 28.08.2024).

барр./сут. по сравнению с 2021/22 г., а доходы бюджета страны достигли \$14 млрд. Поскольку рост мировых цен повышал привлекательность нефти, продаваемой со скидкой, уже во второй половине 2022 г. Иран сократил экспорт нефти на 37% г./г. – до 1,3млн барр./сут. из-за высоких цен, которые ограничивали спрос из КНР на фоне конкуренции со стороны поставщиков российской нефти.

Рис. 6. Доля нефти в экспорте ИРИ, 1995–2022 г.

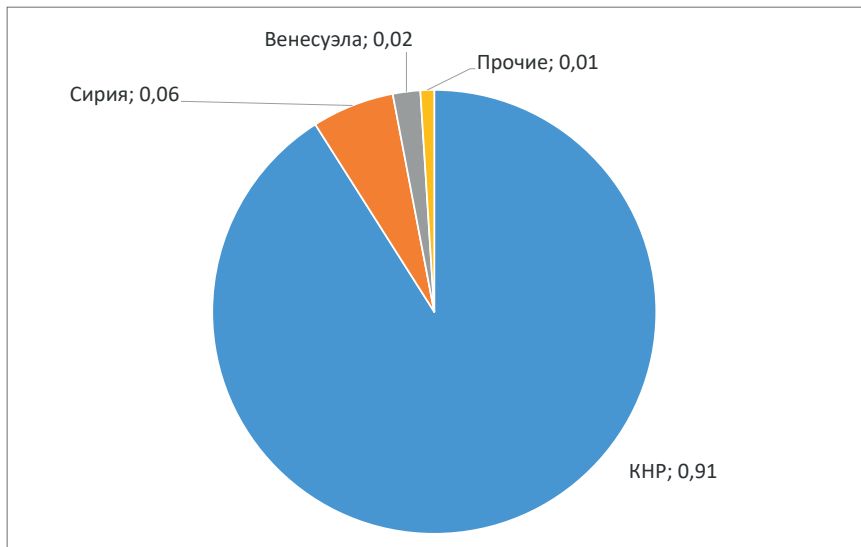
Источник: Economic Trends, 1999/00–2023/24. Central Bank of the Islamic Republic of Iran. URL: https://cbi.ir/category/EconomicTrends_en.aspx

Географическая структура экспорта иранской нефти в 2022 г. была следующей: 600 000 барр./сут. в Китай, 500 000 барр./сут. – в Индию, 200 000 барр./сут. – в Венесуэлу (начиная с 2022 г.).³⁶ В 2023 г. Ираном был установлен новый «экспортный рекорд», когда в мае Иран отгрузил наибольший объем нефти за предыдущие пять лет, 90% которой ушло в КНР. Во второй половине 2023 г. экспорт Ирана в КНР вырос втрое за два предыдущих года – до 1 млн барр./сут. Для сравнения, с декабря 2021 г. по декабрь 2023 г. объемы импорта российской нефти Китаем выросли на 47% – до 2,2 млн барр./сут., составив 19% от общего объема китайского нефтяного импорта³⁷. В январе 2024 г. экспорт иранской нефти в КНР сократился до уровня ниже 1 млн барр./сут. из-за разногласий по ценам на нефть, но уже в августе 2024 г. импорт иранской нефти в восемь про-

³⁶ Trading economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/pakistan/inflation-cpi> (дата обращения: 10.05.2024).

³⁷ International Energy Agency: IEA. URL: <https://www.iea.org/> (accessed: 20.06.2024).

винций КНР вырос на 41% г./г. – до рекордных 1,75 млн барр./сут., благодаря импортерам китайской провинции Шаньдун, закупившим 70% иранской сырой нефти под видом малазийской, как сообщают СМИ)³⁸.

Рис. 7. Экспорт нефти ИРИ по странам, 2023 г.

Источник: Trading economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/pakistan/inflation-cpi>

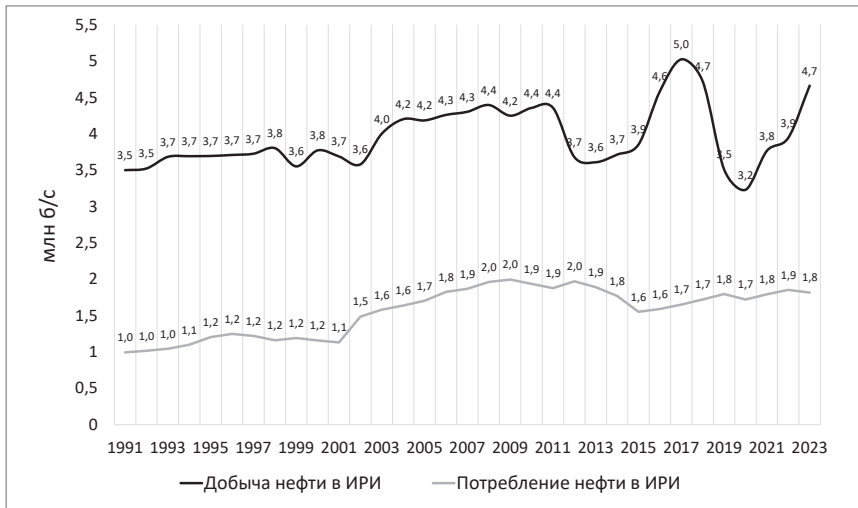
В первой половине 2024/24 г. (20.03–21.09.24 г.) доходы Ирана от экспорта нефти составили \$23,2 млрд (47% от общего экспорта), ненефтяной экспорта Ирана вырос на 6,5% – до \$25,8 млрд (70 млн т), а экспорт техуслуг достиг \$600 млн. В текущем 2024/25 г. Иран поставлял нефть в 17 стран, в т. ч. в Европу и по новым направлениям (Бангладеш и Оман), но Китай для Ирана остается ключевым партнером международного энергетического сотрудничества, перспективы развития которого, однако, подвержены некоторым рискам: 1) КНР получает российские и иранские поставки со скидкой в \$15–30 за барр. от мировой цены на нефть; 2) пока КНР подвержен ограничениям только на импорт западных технологий и не сталкивается с финансовыми запретами или торговыми эмбарго, но ситуация может измениться; 3) Китай закупает у каждого поставщика не более 15–20% от своих потребностей.

Из-за отключения Ирана от системы SWIFT на протяжении более десяти лет расчеты с торговыми партнерами страны ведутся в национальных валютах. С некоторыми (Индией и Турцией) ряд расчетов ве-

³⁸ China oil imports from Iran surge to 1.75m bpd: report // Tehran Times. 31.08.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503138/China-oil-imports-from-iran-surge-to-1-75m-bpd-report> (accessed: 01.09.2024).

дется в золоте и прочих драгоценных металлах. С КНР, кроме юаня, расчеты производятся посредством товарного бартера. С ЕС расчеты ведутся через некоторые арабские страны, где важную роль играют ОАЭ, через которые осуществляется транзит импорта в Иран из КНР и Индии.

Рис. 8. Добыча и потребление нефти в ИРИ, 1991–2023 гг.

Источник: Statistical Review of World Energy, 73rd Edition, 2024. Energy Institute.
 URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review>

Необходимо отметить, что порядка 20% мировых поставок природного газа (включая Катар, ОАЭ, частично Оман) и около 20% мирового экспорта нефти и нефтепродуктов (включая КСА, ОАЭ, Ирак, Кувейт, Катар, Иран) идут через Ормузский пролив. Если уровень напряженности на Ближнем Востоке закрепится на текущем уровне и не будут затронуты нефтяные месторождения Ирана (учитывая, что Израиль – небольшой потребитель нефти), то конфликт в текущем статусе не затронет нефтяные поставки через Ормузский пролив и, следовательно, не окажет длительного влияния на нефтяные цены.

В условиях перестройки международных товарно-транспортных потоков и фрагментации энергетических рынков для Ирана и России крайне актуальными становятся вопросы своповых поставок газа, нефти и увеличения инвестиций в совместную реализацию нефтегазовых проектов. Ежегодно Иран наращивает добычу природного газа на 5%, в 2023 г. она достигла 252 млрд куб. м; 97% (245,6 млрд куб. м) добытого газа ушло на внутреннее потребление³⁹.

³⁹ Statistical Review of World Energy, 73rd Edition, 2024 // Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 12.08.2024).

Недостаточные объемы газодобычи – производная от недоинвестирования вследствие отсутствия доступа страны к современным технологиям, что отчасти компенсируется потреблением нефти на внутреннем рынке. У России имеется пять патентов на производство СПГ (включая патенты российских НОВАТЭК и Роснефти). Планы по наращиванию объемов производства СПГ есть у Катара, использующего иностранные СПГ-технологии, где планируется наладить дополнительно производство 43,5 млн т СПГ ежегодно к 2026 г. и еще 21,5 млн т – к 2028 г. Таким образом, ежегодный объем производства СПГ в Катаре достигнет 171 млн т, в России – 100 млн т к 2030 г. Оман в сентябре 2024 г. тоже объявил о строительстве нового завода СПГ в Калхате с годовой производственной мощностью в 3,8 млн т, что увеличит годовое производство СПГ в султанате до 15,2 млн т, введение завода в эксплуатацию намечено на 2029 г. Кроме того, в апреле 2023 г. министр энергетики Омана Салим аль-Ауфи заявил, что возобновились работы по трубопроводу Иран – Оман, который может начать функционировать в конце 2024 г. – начале 2025 г. и дополнит инфраструктуру нефтепровода Горех – Джаск (по которому Иран имеет возможность транспортировать до 1 млн барр./сут. нефти в обход Ормузского пролива, в т. ч. в КНР)⁴⁰. Напомним, что Оман после выхода США из СВПД в 2018 г. остановил реализацию программы по СПГ-сотрудничеству с Ираном, а ПАО «Газпром» подписал МОВ с ИННК, который позволяет «Газпрому» взять на себя управление комплексом СПГ (тогда на 60% принадлежавшим немецкой Linde) в Иране, а затем участвовать в строительстве мини-комплексов СПГ, получая в качестве оплаты доходы от продажи газа с этого комплекса и отчасти добычи с месторождений, поставляющих газ в него. В Иране проект строительства двух технологических линий по производству СПГ мощностью 7,14 млрд куб. м. каждая рассматривался еще в начале 2000-х гг. с перспективой последующего строительства еще двух линий на базе 12-й стадии Южного Парса. К середине 2000-х гг. СПГ-завод был построен на 40%, но работы были остановлены из-за санкций.

До недавнего времени освоение глобального рынка СПГ шло с акцентом на промышленно-развитые регионы. Но США утрачивают свое доминирующее положение в мире, ЕС деиндустриализируется. Регионы, которым предстоит занять прочные позиции в новом МРТ (Латинская и Южная Америка, Африка, Азия) обладают потенциальным объемом рынка, который востребует СПГ. Как энергетическая сверхдержава Россия может предложить другим странам не только свои ресурсы, но и техноло-

---

⁴⁰ Simon Watkins for Oilprice.com. How Oman plays a role in Iran's plan to become an LNG superpower // Tehran Times. 06.09.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503298/How-Oman-plays-a-role-in-Iran-s-plan-to-become-an-LNG-superpower> (accessed: 20.09.2024).

гии. Меморандум о взаимопонимании между ПАО «Газпром» и ИННК на сумму \$40 млрд был подписан в июле 2022 г., и потенциально в Южном Парсе на неразработанной части можно создать вместе с Ираном центр разработки крупнотоннажного СПГ. Кроме того, у России есть технологии, позволяющие получить конкретный продукт – электроэнергию, тепловую энергию (для опреснения воды), за счет эффекта масштабирования снижая их себестоимость. России за 2022–24 гг. удалось восстановить производство своих компьютеров и чипов, которые могут поставляться в будущем в Иран, поскольку нехватка запчастей и компьютерных чипов препятствует развитию обрабатывающей промышленности Ирана (по доле в ВВП в три раза превышающей нефтегазовую отрасль).

Иран может стать подходящим шлюзом и перекрестком для торговли и транзита энергоносителей в регионе, учитывая геополитическое положение страны, и далее продолжать реализовывать свой энергетический потенциал на фоне текущих интеграционных процессов с Россией и БРИКС с учетом факторов, способствующих раскрытию энергетического потенциала Ирана, таких как развитие нефтехимических производств с высокой добавочной стоимостью, сеть магистральных газопроводов, превышающие среднемировые темпы роста производства электроэнергии, самообеспеченность энергогенерирующим оборудованием. Будучи мировым лидером по запасам нефти и газа, Иран обладает рычагами экономического влияния и предпринимает удачные политические шаги, стремясь возглавить интеграционные процессы в Средней Азии. Расширяющееся геополитическое партнерство Россия – ИРИ – КНР играет важнейшую роль в рамках образующегося нового МРТ. Для России Иран может бы ключевым энергетическим партнером на Ближнем востоке в сферах производства СПГ, экспорта электроэнергии, поскольку государства-соседи Ирана – это емкие рынки с большими потребностями в газе, а совместные с РФ инвестиционные проекты смогут способствовать диверсификации источников энергопотребления и усилить энергетическую безопасность всего региона.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. «Бушер-2»: символ трех поколений // Страна РОСАТОМ. 07.11.2017. URL: <https://strana-rosatom.ru/2017/11/07/busher-2-simvol-treh-pokolenij/?ysclid=m2jks50c2yу501397615> (дата обращения: 19.08.2024).
2. Иран построил внутренний газопровод для снижения зависимости от туркменского газа // Investing.com. 10.08.2017. URL: <https://ru.investing.com/news/Общие-Новости/article-504777?ysclid=m1y6ebism184992955> (дата обращения: 25.08.2024).
3. Иран сократил долг перед «Росатомом» за строительство АЭС «Бушер» // РИА Новости. 17.05.23. URL: <https://ria.ru/20230517/busher-1872463653.html?ysclid=m1y79p3tgu352616167> (дата обращения: 14.05.2024).

4. Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-irana> (дата обращения: 25.06.2024).
5. Новак рассказал о соединении энергосистем России, Ирана и Азербайджана // Prime. 26.09.24. URL: <https://1prime.ru/20240926/energositema-851812958.html> (дата обращения: 27.09.2024).
6. Эксперт: Индии нужен газопровод через Афганистан, но сначала мир должен признать талибов // ТАСС. 18.08.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12158613> (дата обращения: 15.08.2024).
7. Annual export of polymer products exceeds \$4.5b, October 2, 2024 // Tehran Times. URL: <https://tehrantimes.com/news/504445/Annual-export-of-polymer-products-exceeds-4-5b> (accessed: 02.10.2024).
8. Average daily gasoline consumption rises 7% // Tehran Times. 02.10.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/504443/Average-daily-gasoline-consumption-rises-7> (accessed: 02.10.2024).
9. Capacity of Iran's renewable power plants touches 1,200 MW // Tehran Times. 16.07.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/501145/Capacity-of-Iran-s-renewable-power-plants-touches-1-200-MW> (accessed: 16.07.2024).
10. China oil imports from Iran surge to 1.75m bpd: report // Tehran Times. 31.08.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503138/China-oil-imports-from-Iran-surge-to-1-75m-bpd-report> (accessed: 01.09.2024).
11. Economic Trends, 1999/00–2023/24 // Central Bank of the Islamic Republic of Iran. URL: https://cbi.ir/category/EconomicTrends_en.aspx (accessed: 20.08.2024).
12. Electricity consumption in Iran rises 6,000 MW // Tehran Times. 07.08.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/502153/Electricity-consumption-in-Iran-rises-6-000-MW> (accessed: 21.08.2024).
13. Fuel consumption expected to fall 10% by late Mar 2025 // Shana. 16.07.2024. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/501144/Iran-s-fuel-consumption-expected-to-fall-10-by-late-Mar-2025> (accessed: 22.07.2024).
14. Government sets target to raise share of natural gas in energy mix to 15% by 2030 // The Economic Times. 22.07.2022. URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/government-sets-target-to-raise-share-of-natural-gas-in-energy-mix-to-15-by-2030/articleshow/93112104.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 19.01.2024).
15. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/> (accessed: 20.06.2024).
16. Iran outperforms Qatar in extracting gas from SP joint field // Tehran Times. 14.07.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503619/Iran-outperforms-Qatar-in-extracting-gas-from-SP-joint-field> (accessed: 15.09.2024).
17. NDF invests over \$36b in economic projects // Tehran Times. 12.08.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/502333/NDF-invests-over-36b-in-economic-projects> (accessed: 12.08.2024).
18. Nominal electricity generation capacity to rise 5,333MW by next Mar // Tehran Times. 27.09.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/504190/Nominal-electricity-generation-capacity-to-rise-5-333MW-by-next> (accessed: 28.09.2024).
19. Overcoming Iran's power imbalance requires \$1b investment // Tehran Times. 15.09.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503671/Overcoming-Iran-s-power-imbalance-requires-1b-investment-official> (accessed: 25.09.2024).

20. Petchem projects to be launched in Iran by late March 2025 // Tehran Times. 09.09.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503450/15-petchem-projects-to-be-launched-in-iran-by-late-march-2025> (accessed: 10.09.2024).
21. Simon Watkins for Oilprice.com. How Oman plays a role in Iran's plan to become an LNG superpower // Tehran Times. 06.09.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/503298/How-Oman-plays-a-role-in-iran-s-plan-to-become-an-LNG-superpower> (accessed: 20.09.2024).
22. SP phase 14 refinery connected to national gas network // Tehran Times. 19.08.2024. URL: <https://tehrantimes.com/news/502653/SP-phase-14-refinery-connected-to-national-gas-network> (accessed: 19.09.2024).
23. Statistical Review of World Energy, 70th Edition, 2021 // Energy Institute. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed: 10.07.2024).
24. Statistical Review of World Energy, 73rd Edition, 2024 // Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 12.08.2024).
25. Trading economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/pakistan/inflation-cpi> (дата обращения: 10.05.2024).
26. TrendEconomy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/iran/TOTAL> (accessed: 28.08.2024).
27. UN Comtrade. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (accessed: 28.04.2024).
28. World Economic Outlook (WEO) Database: April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (accessed: 25.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Обухова Анастасия Николаевна – магистр экономики, младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего востока Института востоковедения РАН, г. Москва, Россия

Obukhova Anastasia N. – MA in Economics, Junior Researcher, Centre of Middle East Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛИТИКА

POLITICS

Научная статья. Политические науки
УДК 327 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-055-066>

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА В АРАБСКИХ СТРАНАХ

Александр Владимирович Абросимов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
mostaady@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7732-4849>

Аннотация. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке является важным элементом формирования регионального баланса сил. Статья посвящена внешней политике Ирана на Ближнем Востоке, которая строится на укреплении его регионального влияния через поддержку шиитских движений и прокси-сил. Иран активно взаимодействует с такими странами, как Ирак, Ливан, Йемен и Бахрейн, оказывая политическую, финансовую и военную помощь своим союзникам, включая шиитские ополчения и движения, такие как «Хезболла» в Ливане и хуситы в Йемене. Основной целью Тегерана является противодействие влиянию США, Израиля и Саудовской Аравии, что проявляется в асимметричных методах войны и дипломатических маневрах. Однако, несмотря на свои успехи, Иран сталкивается с внутренним сопротивлением, протестами против его вмешательства в дела других стран, а также международным давлением и санкциями. Тем не менее, благодаря гибкой стратегии и тесным связям с региональными партнерами, Иран сохраняет значительное влияние на Ближнем Востоке и продолжает продвигать свои стратегические интересы, играя ключевую роль в региональной политике.

Ключевые слова: Иран, внешняя политика, Ближний Восток, шиитские движения, Хезболла

Для цитирования: Абросимов А. В. Религиозный фактор во внешней политике Ирана в арабских странах. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):55-66. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-055-066>

Original article. Politics studies

RELIGIOUS FACTOR IN IRANIAN FOREIGN POLICY IN ARAB COUNTRIES

Aleksandr Abrosimov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mostaady@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7732-4849>

Abstract. Iran's foreign policy in the Middle East is an important element in shaping the regional balance of power. The article focuses on Iran's foreign policy in the Middle East, which is built on strengthening its regional influence through support for Shia militias and proxy forces. Iran actively engages with countries such as Iraq, Lebanon, Yemen, and Bahrain, providing political, financial, and military assistance to its allies, including Shia militias and movements such as Hezbollah in Lebanon and the Houthis in Yemen. Tehran's main goal is to counter the influence of the United States, Israel, and Saudi Arabia, using asymmetric warfare meth-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

ods and diplomatic maneuvers. However, despite its successes, Iran faces internal resistance, protests against its interference in other countries' affairs, as well as international pressure and sanctions. Nevertheless, thanks to its flexible strategy and close ties with regional partners, Iran maintains significant influence in the Middle East and continues to advance its strategic interests, playing a key role in regional politics.

Keywords: Iran, foreign policy, Middle East, Shia militias, Hezbollah

For citation: Abrosimov A. V. Religious Factor in Iranian Foreign Policy in Arab Countries. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):55-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-055-066>

Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке играет важную роль в формировании регионального баланса сил. Основные цели ближневосточной политики Ирана заключаются в укреплении своего влияния в регионе, продвижении идей шиитского ислама и обеспечении национальной безопасности. Иран активно поддерживает правительства и различные группы, разделяющие его идеологию и интересы, такие как правительство Сирии, шиитские ополчения в Ираке и движение «Хезболла» в Ливане. Через эти связи Тегеран стремится создавать зоны влияния и противодействовать своим основным региональным соперникам, таким как США и Израиль.

Важным элементом внешней политики Ирана является его противостояние с США. После Исламской революции 1979 г. Иран стал одним из главных оппонентов американского влияния в регионе. Это привело к длительным санкциям, конфликтам и напряжению в отношениях с западными странами. В ответ на санкции и изоляцию Иран разработал стратегию асимметричной войны, в том числе через поддержку различных прокси-сил, которые позволили ему расширить свое влияние без прямого участия в крупных конфликтах [Afshon, 2019, p. 159–188].

Две ключевые страны, в которых Иран активно действует и укрепляет свои позиции, – это Ирак и Ливан. Обе страны являются важнейшими элементами ближневосточной стратегии Тегерана благодаря их историческим, религиозным и политическим связям с Ираном. В Ираке после свержения Саддама Хусейна в 2003 г. Иран получил уникальные возможности для укрепления своего влияния через поддержку шиитских политических сил. В Ливане главной опорой Ирана остается шиитская военизированная организация «Хезболла», которая играет значительную роль в политике страны и поддерживает тесные связи с Тегераном.

Отношения между Ираном и Ираком всегда носили сложный характер, включающий периоды как конфронтации, так и сотрудничества. Эти две страны разделяют долгую историю культурных, религиозных

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

и политических взаимодействий. Ирак имеет значительное шиитское население, и для Ирана как главного центра шиитского мира эта связь является основой для укрепления влияния.

До 2003 г. Ирак находился под властью светского режима Саддама Хусейна, который жестко подавлял любые попытки шиитов к политическому влиянию. В этот период отношения между Ираком и Ираном оставались напряженными, кульминацией чего стала восьмилетняя Ирано-иракская война (1980–1988). Однако после вторжения США в 2003 г. и последующего падения режима С. Хусейна Иран смог использовать возникший политический вакуум для укрепления своих позиций в стране.

Свержение С. Хусейна открыло дорогу для прихода к власти шиитских политических сил, с которыми Иран наладил тесные связи. Многие лидеры иракских шиитских движений, таких как партия «аль-Дава» (Партия Исламского призыва) и Верховный исламский совет в Ираке (ранее ВСИРИ), находились в изгнании в Иране и получали там поддержку. Возвращение этих политиков в Ирак после падения режима Хусейна позволило Тегерану быстро наладить отношения с новыми властями¹.

Иран активно поддерживал иракские шиитские партии, оказывая им финансовую, дипломатическую и организационную помощь². В результате выборов, проведенных после свержения Саддама Хусейна, шиитские силы заняли ведущие позиции в политической системе страны. Это позволило Ирану утвердить свое влияние на ключевых уровнях иракской политики.

Одним из важнейших инструментов иранского влияния в Ираке является поддержка шиитских военизированных группировок. Эти группы, такие как «Катаиб Хезболла», «Асаиб Ахль аль-Хак» и «Бадр», играют важную роль как в политической, так и в военной жизни Ирака [Мамедов, 2023, с. 30–44].

Иран использует эти группы для обеспечения своих интересов в Ираке и контроля над ситуацией на местах. В период борьбы с террористической группировкой «Исламское государство» (ИГ) эти милиции стали важным компонентом в борьбе за освобождение территории Ирака. Иранские военные инструкторы и силы «Кудс» (элитное подраз-

¹ Shanahan R. The Islamic Da'Wa Party: Past Development and Future Prospects // Middle East Review. 02.06.2004. of International Affairs Journal. 8 (2). URL: <https://tinyurl.com/2e792bjx> (accessed: 18.09.2024)

² Рассеку Х. Сахме-техран-дар-шорое-джанге-Иран-ва-Эрак-бахше-довом-хемаяте-расми-аз-хезбе-аль-даува (Вклад Тегерана в Ирано-Иракскую войну (часть вторая), официальная поддержка партии «Дава» [sahme-tehran-dar-shoroe-jange-iran-va-iraq-bakhshe-dovom-hemoyate-rasmi-az-hezbe-al-dauwa (Tehran's contribution to the Iran-Iraq war and official support to Da'Wa Party)]) 05.09.2018. URL: <https://iranwire.com/fa/features/32910/> (accessed: 29.08.2024). На перс. яз.

деление Корпуса стражей исламской революции) оказывали непосредственную поддержку в обучении и оснащении иракских шиитских ополченцев³.

Эти действия укрепили позиции Ирана в Ираке и повысили его роль в региональной борьбе с террористическими группировками. Однако они также создали напряженность с США и их союзниками, которые обеспокоены растущим влиянием Ирана в стране.

Однако не всё в отношениях Ирана и Ирака однозначно. В последние годы в Ираке усилились протесты против коррупции, безработицы и иностранного вмешательства, включая влияние Ирана. В октябре 2019 г. тысячи иракцев вышли на улицы с требованиями политических реформ и сокращения иранского влияния в стране. Протесты сопровождались столкновениями с полицией и гибелью сотен людей.

Иран резко осудил эти протесты и поддержал иракское правительство в его усилиях по подавлению массовых демонстраций. Это показало, что, несмотря на официальную риторику о близких отношениях, иранская политика в Ираке встречает сопротивление со стороны значительной части иракского населения, недовольного усилением иностранного влияния.

Ситуация в Ираке остается напряженной. Протесты в октябре 2023 г. против правительственных связей с Ираном снова вспыхнули, что свидетельствовало о растущем недовольстве населения.

Несмотря на негативную реакцию населения и международное давление, Иран продолжает сохранять прочные связи с иракскими политическими элитами. Поддержка проиранских сил помогла Тегерану закрепиться на ключевых позициях в правительстве Ирака, что позволяет ему эффективно контролировать часть внутренней политики страны, особенно в сфере безопасности и экономики.

Однако Ирак – это не единственная страна, где Иран активно проецирует свое влияние. Ливан также играет значимую роль в его региональной стратегии. В Ливане Иран играет важную роль благодаря своей поддержке шиитской группировки «Хезболла». Эта организация была создана в 1980-е гг. при поддержке Ирана и с тех пор стала одним из ключевых инструментов иранской внешней политики в Ливане⁴. «Хезболла» представляет собой уникальное сочетание политической партии и военной силы, которая оказывает значительное влияние как на внутреннюю политику Ливана, так и на региональные процессы.

---

³ Sullivan M. C. Iran's Hard Power Influence in Iraq // AEI's Iran Tracker. 10.04.2009. URL: <https://tinyurl.com/535schkz> (accessed: 03.09.2024).

⁴ Bouchnik-Chen R. G. Hezbollah is an Iranian Strategic Tool // BESA Center Perspectives Paper. 09.08.2021. URL: <https://tinyurl.com/39mxt45> (accessed: 27.01.2024).

Иран оказывает «Хезболле» постоянную финансовую, военную и организационную помощь, что позволяет этой организации поддерживать свое доминирующее положение в Ливане⁵. «Хезболла» действует как посредник интересов Ирана в стране и играет важную роль в борьбе с израильским влиянием на Ближнем Востоке. Война между «Хезболлой» и Израилем в 2006 г., в которой Иран активно поддерживал ливанскую группировку, продемонстрировала готовность Тегерана использовать своего союзника для продвижения собственных интересов в регионе.

Помимо военной роли, «Хезболла» также участвует в политической жизни Ливана, что делает ее важным элементом внутренней политической структуры страны. В 2005 г. «Хезболла» вошла в состав правительства Ливана, что еще больше укрепило ее позиции и позволило Ирану оказывать влияние на внутреннюю политику страны через своего союзника.

Политическое участие «Хезболлы» вызывает неоднозначную реакцию в Ливане. С одной стороны, она пользуется поддержкой значительной части шиитского населения, с другой – ее тесные связи с Ираном и участие в сирийском конфликте на стороне Башара Асада вызывают критику со стороны суннитских и христианских политиков, а также международного сообщества.

С началом событий «Арабской весны» и гражданской войны в Сирии в 2011 г. «Хезболла» стала активным участником этого конфликта, воюя на стороне режима Башара Асада, который также поддерживается Ираном [Ахмедов, 2023, с. 282–296]. Это участие стало еще одним примером того, как Иран использует своих союзников в регионе для продвижения интересов и достижения собственных целей. Через «Хезболлу» Иран смог усилить свое присутствие в Сирии и помочь своему стратегическому партнеру, что в свою очередь укрепило позиции Ирана на всем Ближнем Востоке.

Военное участие «Хезболлы» в сирийском конфликте сыграло значительную роль в сохранении власти Асада и стабилизации сирийского режима. Однако это также привело к потерям среди ливанских бойцов и усилило критику внутри Ливана со стороны оппозиции, недовольной вовлеченностью страны в региональные конфликты.

Кроме того, политическое влияние Ирана в Ливане вызывает обеспокоенность у ряда международных акторов, включая США и Израиль. США ввели санкции против «Хезболлы» и ее ключевых фигур, что затрудняет финансовую деятельность организации и наносит удар по ее

---

⁵ Levitt M. Hezbollah Finances: Funding the Party of God // The Washington Institute For Near East Policy. 13.02.2005. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/hezbollah-finances-funding-party-god> (accessed: 19.03.2024).

экономической базе⁶. Израиль также рассматривает «Хезболлу» как одну из главных угроз своей безопасности и не исключает возможность новых военных столкновений с этой группировкой.

Кроме крупных стран, таких как Ирак и Ливан, Иран активно действует и в малых государствах, таких как Бахрейн, где шиитское большинство становится важным фактором в его стратегии противодействия суннитским монархиям Персидского залива.

Факт того, что шииты составляют примерно 60–70% населения этой страны и при этом испытывают политическую и социальную маргинализацию со стороны правящей суннитской династии аль-Халифа, Иран использует для усиления своего влияния в стране, заявляя о поддержке шиитского населения и критикуя режим за подавление прав меньшинств⁷.

В связи с концепцией экспорта идеи исламской революции в соседние страны, шиитское большинство в Бахрейне стало восприниматься как потенциальные союзники в распространении шиитского ислама. Поддержка шиитского населения Бахрейна стала одним из направлений иранской внешней политики.

С 1980-х годов Иран начал активно поддерживать различные шиитские движения в Бахрейне, которые выступали против правящей суннитской элиты. Эта поддержка выражалась в финансовой, политической и, как предполагается, военной помощи. Основными шиитскими группами в Бахрейне, получавшими поддержку от Ирана, считаются такие организации, как «Аль-Вефак» и «Исламский фронт освобождения Бахрейна»⁸. Для Ирана Бахрейн – важный элемент в его стратегии укрепления позиций на Ближнем Востоке. Иран стремится ослабить влияние Саудовской Аравии и других суннитских монархий в регионе, поддерживая шиитские движения и выступая за их права. Влияние на шиитское большинство в Бахрейне предоставляет Тегерану важный рычаг в его региональной политике.

Поддержка Ираном шиитских движений в Бахрейне вызывает серьезное беспокойство у суннитских государств Персидского залива. Саудовская Аравия и другие страны ССАГПЗ рассматривают иранскую политику как вмешательство во внутренние дела Бахрейна и попытку дестабилизировать ситуацию в регионе.

---

⁶ Fanusie Y, Entz A. Hezbollah. Financial Assessment // Center on Sanctions & Illicit Finance. 09.2017. URL: <https://tinyurl.com/4eyzt5c9> (accessed: 21.03.2024).

⁷ Евстратов А. Шииты Бахрейна – угнетенное большинство // ПАИ IRAN.ru. 05.03.2013. URL: <https://tinyurl.com/582nkvcs> (дата обращения: 11.09.2024).

⁸ Исламский фронт освобождения Бахрейна // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 15.05.2021. URL: <https://iran1979.ru/islamskij-front-osvobozhdeniya-bahrejna/> (дата обращения: 04.04.2024).

Пик протестных настроений среди шиитов пришелся на 2011 г., когда в Бахрейне, как и во многих других арабских странах, начались антиправительственные демонстрации в рамках «Арабской весны». Протесты в Бахрейне носили ярко выраженный религиозный и социальный характер, поскольку шииты требовали расширения своих политических прав и прекращения дискриминации. Иран активно поддержал эти протесты на международной арене, критикуя правительство Бахрейна за насильственное подавление мирных демонстраций.

Однако действия Ирана вызвали резкую реакцию со стороны суннитских монархий Персидского залива. В марте 2011 г. Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты отправили войска в Бахрейн в рамках соглашений Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) для подавления протестов и поддержки правящего режима. Это событие продемонстрировало готовность суннитских стран региона к решительным действиям по защите своих союзников от иранского влияния.

США также оказывают поддержку правительству Бахрейна, поскольку на территории страны находится Пятая флотилия ВМС США, которая играет важную роль в обеспечении безопасности в Персидском заливе. Американские власти неоднократно критиковали Иран за попытки дестабилизировать регион через поддержку шиитских движений.

Ситуация в Бахрейне остается сложной и нестабильной. Шиитское большинство продолжает требовать политических реформ и расширения своих прав. В то же время правительство, опираясь на поддержку Саудовской Аравии и других суннитских монархий, жестко подавляет протестные настроения. Политическая маргинализация шиитского населения создает условия для радикализации и усиливает влияние Ирана, который выступает в роли защитника прав шиитов.

Для Ирана Бахрейн остается важным элементом его геополитической стратегии, и Тегеран, несмотря на международное давление, по-прежнему продолжает поддерживать контакты с бахрейнскими шиитскими организациями.

Поддержка движения «Ансар Аллах» (Хуситы) в Йемене стала для Тегерана важным элементом стратегии, направленной на ослабление регионального соперника – Саудовской Аравии, и расширение своего влияния на Аравийском полуострове⁹.

Йемен, расположенный на пересечении жизненно важных торговых путей и непосредственно граничащий с Саудовской Аравией, стал

---

⁹ Bayoumy Y., Ghobari M. Iranian support seen crucial for Yemen's Houthis // Reuters. 15.12.2014. URL: <https://www.reuters.com/article/us-yemen-houthis-iran-insight-idUSKBN0JT17A20141215/> (accessed: 09.04.2024).

местом значительного геополитического противостояния между Тегераном и Эр-Риядом. Гражданская война в Йемене, начавшаяся в 2014 г., трансформировалась в международный конфликт с участием крупных региональных держав и имеет корни в политической нестабильности, которая началась после так называемой «Арабской весны» 2011 г. После многолетнего правления Али Абдаллы Салеха политическая система Йемена оказалась неспособной обеспечить мирный переход власти, что привело к усилению межконфессиональных и межплеменных противоречий и захвату столицы Саны в 2014 г. В рамках этого противостояния Иран выступает в поддержку хуситов, повстанческого движения шиитского направления, исповедующего ответвление зейдитского ислама, тогда как Саудовская Аравия возглавляет коалицию арабских государств и с 2015 г. ведет военную кампанию против хуситов, стремясь восстановить власть международно признанного правительства Йемена.

В отличие от Ирака, где шииты составляют большинство и играют ведущую роль в политике, в Йемене Иран поддерживает шиитское меньшинство, стремясь подорвать влияние суннитских монархий.

Поддержка движения хуситов в Йемене является логичным шагом в контексте региональной безопасности и справедливого урегулирования гражданской войны в стране. Тегеран настаивает на том, что его действия направлены на обеспечение суверенитета Йемена и противодействие агрессии внешних сил, которые ведут к эскалации конфликта и гуманитарной катастрофе. Важно рассмотреть действия Ирана с точки зрения его легитимных интересов и принципов, основанных на суверенитете государств и справедливом распределении власти в регионе.

Иран, будучи крупнейшей шиитской державой региона, с самого начала видел в хуситах важного союзника в своем противостоянии с Саудовской Аравией и другими суннитскими монархиями Персидского залива. Поддержка Ираном движения «Ансар Аллах» включает в себя как военные поставки, так и политическую и финансовую помощь. Тегеран рассматривает хуситов в качестве «прокси-силы», позволяющей Ирану проецировать свою мощь в южную часть Аравийского полуострова и росить вызов влиянию Саудовской Аравии.

Поддержка хуситов и поставка оружия стала предметом резкой критики и неоднократным предметом обвинений со стороны международного сообщества. Саудовская Аравия и ее союзники рассматривают действия Ирана как грубое вмешательство во внутренние дела Йемена, которое лишь усугубляет конфликт.

ООН и другие международные структуры неоднократно призвали Иран прекратить поддержку движения «Ансар Аллах» и уважать эмбарго на поставки оружия. Несмотря на эти призывы, Иран продол-

жает оказывать помощь хуситам, что делает перспективы мирного урегулирования конфликта крайне неопределенными.

Международные обвинения в адрес Ирана, касающиеся его роли в Йемене, часто исходят из западных стран и государств Персидского залива, которые рассматривают Иран не только как геополитического конкурента, но и как некую дестабилизирующую силу в регионе.

Тегеран отвергает обвинения в дестабилизации и подчеркивает, что его поддержка хуситов – это реакция на внешнюю агрессию со стороны Саудовской Аравии и ее союзников¹⁰.

Иранская поддержка хуситов обусловлена необходимостью противодействия вмешательству Саудовской Аравии и ее союзников. Саудовская коалиция вмешалась во внутренние дела Йемена под предлогом восстановления международно признанного правительства, но фактически ее действия привели к разрушению инфраструктуры страны и гуманитарной катастрофе. Саудовская Аравия, используя свои ресурсы и поддержку западных стран, усиливает гуманитарный кризис в Йемене, и мирное урегулирование возможно только через отказ от военной эскалации.

Поддержка хуситов является также важной частью оборонной стратегии, направленной на предотвращение усиления враждебных режимов на южных границах. Саудовская Аравия и другие арабские монархии давно рассматривают Иран как конкурента за влияние в регионе и стремятся ослабить его позиции. С этой точки зрения, поддержка Тегераном хуситов – это необходимый шаг для сдерживания агрессивных намерений Саудовской Аравии и защиты интересов национальной безопасности.

Иранская поддержка хуситов укрепляет его позиции в регионе, но также усиливает международную изоляцию Тегерана, создавая дополнительные санкционные риски. С другой стороны, это помогает Ирану держать Саудовскую Аравию в состоянии затяжной войны, ослабляя ее экономику и ресурсы.

Иран также видит Йемен как ключевую точку на стратегической карте региона, поскольку страна расположена вдоль Баб-эль-Мандебского пролива – важного морского пути, через который проходит значительная часть мировой торговли нефтью. Для Тегерана важно не допустить контроля над этим маршрутом со стороны Саудовской Аравии или ее западных союзников, так как это создает риски для иранской безопасности и экономической стабильности.

---

¹⁰ Iran rejects US claims it is 'deeply involved' in Houthi attacks in Red Sea // Al Jazeera and News Agencies. 23.12.2023. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/12/23/us-accuses-iran-of-being-deeply-involved-in-houthi-attacks-in-red-sea> (accessed: 12.01.2024).

Иранские власти неоднократно заявляли, что поддержка движения «Ансар Аллах» не является вмешательством во внутренние дела Йемена, а представляет собой помощь народу Йемена в его борьбе за независимость и направлена на достижение справедливого и стабильного мирного урегулирования, которое бы учитывало интересы всех сторон, а не только интересы Саудовской Аравии и ее союзников.

Тегеран также настаивает на том, что разрешение йеменского кризиса должно быть достигнуто через диалог и политическое соглашение всех сторон конфликта. Иран поддерживает инклюзивный политический процесс, который бы обеспечил представительство всех этнических и религиозных групп Йемена, включая хуситов, в новом правительстве.

Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке, основанная на поддержке шиитских движений и прокси-групп, стала ключевым инструментом расширения его влияния и укрепления позиций в регионе. Иран стремится не только противостоять своим основным геополитическим соперникам, таким как США, Израиль и Саудовская Аравия, но и защитить свои интересы, проецируя силу через сложную сеть союзников и военизированных группировок. Эти действия, особенно в Ираке, Ливане и Йемене, позволили Ирану занять значительные позиции, но также привели к росту международной напряженности и санкционного давления.

В Ираке Ирану удалось воспользоваться политическим вакуумом после свержения режима Саддама Хусейна, укрепив влияние через поддержку шиитских партий и ополчений. Это дало Тегерану значительный контроль над политической системой страны, но вызвало недовольство среди части иракского населения, особенно на фоне массовых протестов против иностранного вмешательства. Поддержка шиитских военизированных группировок позволила Ирану противостоять влиянию США в Ираке, но также создала новые очаги напряженности с международными игроками.

В Ливане через поддержку «Хезболлы» Иран продолжает укреплять свои позиции как в военном, так и в политическом аспекте. Эта организация играет роль проводника иранской политики, активно противодействуя интересам Израиля и защищая интересы шиитского населения страны. Однако тесная связь «Хезболлы» с Ираном вызывает негативную реакцию как внутри Ливана, так и со стороны международного сообщества, особенно на фоне участия в сирийском конфликте.

Ситуация в Йемене является ярким примером того, как Иран использует поддержку повстанческих движений для сдерживания своих противников, таких как Саудовская Аравия. Поддержка хуситов позволяет Тегерану проецировать свою мощь на южные рубежи региона, но также

усиливает международное давление и изоляцию, в том числе через санкции со стороны Запада и ООН. Иранская стратегия в Йемене, несмотря на военные успехи хуситов, создает долгосрочные вызовы для мирного урегулирования конфликта.

При этом Иран не ограничивается только крупными игроками, такими как Ирак, Ливан или Йемен. Он также активен в Бахрейне, где поддержка шиитского большинства является важным элементом его борьбы против суннитских монархий региона, в первую очередь Саудовской Аравии. Это противостояние продолжает оставаться одним из ключевых факторов напряженности в Персидском заливе.

Таким образом, Иран демонстрирует умение эффективно использовать прокси-группы и свои идеологические связи для расширения своего влияния. Однако его внешняя политика сталкивается с множеством вызовов, таких как рост протестных настроений в странах его влияния, международное давление и санкции, а также экономические проблемы внутри страны. Несмотря на это, Иран продолжает следовать курсу на укрепление своего регионального влияния, стремясь сохранить баланс сил на Ближнем Востоке в свою пользу.

Литература / References

1. Ахмедов В. М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-е годы XXI вв.). М.: ИВ РАН, 2023. 374 с. [Akhmedov V. M. Middle East at the turn of the century (late XX – 20-ies of XXI centuries). Moscow: IOS RAS, 2023. 374 p. (in Russian)]. ISBN 978-5-907671-85-0.
2. Мамедов Р. Ш. Ирак в начале XXI века: на пути к новой государственности. М.: ИВ РАН, 2023. 256 с., [16] с. цв. ил. [Mamedov R. Sh. Iraq at the beginning of the XXI century: on the way to a new statehood. Moscow: IOS RAS, 2023. 256 p., [16] p. col. ill. (in Russian)].
3. Afshon. O. The Grand Strategy of Militant Clients: Iran's Way of War // Security Studies. 2019. Vol. 28, Issue. 1. Pp. 159–188. DOI: 10.1080/09636412.2018.1508862

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Евстратов А. Шииты Бахрейна – угнетенное большинство // ПАИ IRAN.ru. 05.03.2013. URL: <https://tinyurl.com/582nkvcu>. (дата обращения: 11.09.2024).
2. Исламский фронт освобождения Бахрейна // Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра. 15.05.2021. URL: <https://iran1979.ru/islamskij-front-osvobozhdeniya-bahrejna/> (дата обращения: 04.04.2024).
3. Рассеку Х. Сахме-техран-дар-шоруде-джанге-Иран-ва-Эрак-бахше-довом-хемаяте-расми-аз-хезбе-аль-даува (Вклад Тегерана в Ирано-Иракскую войну (часть вторая), официальная поддержка партии «Дава» [sahme-tehran-dar-shogoe-jange-iran-va-iraq-bakhshe-dovom-hemoyate-rasmi-az-hezbe-al-dauwa (Tehran's contribution to the Iran-Iraq war and official support to Da'Wa Party)] 05.09.2018. URL: <https://iranwire.com/fa/features/32910/> (accessed: 29.08.2024). На перс. яз.

4. Bayoumy Y., Ghobari M. Iranian support seen crucial for Yemen's Houthis // Reuters. 15.12.2014. URL: <https://www.reuters.com/article/us-yemen-houthis-iran-insight-idUSKBN0JT17A20141215/>. (accessed: 09.04.2024).
5. Bouchnik-Chen R. G. Hezbollah is an Iranian Strategic Tool // BESA Center Perspectives Paper. 09.08.2021. URL: <https://tinyurl.com/39mxt45> (accessed: 27.01.2024).
6. Fanusie Y, Entz A. Hezbollah. Financial Assessment // Center on Sanctions & Illicit Finance. 09.2017. URL: <https://tinyurl.com/4eyzt5c9>. (accessed: 21.03.2024).
7. Iran rejects US claims it is 'deeply involved' in Houthi attacks in Red Sea // Al Jazeera and News Agencies. 23.12.2023. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/12/23/us-accuses-iran-of-being-deeply-involved-in-houthi-attacks-in-red-sea>. (accessed: 12.01.2024).
8. Levitt M. Hezbollah Finances: Funding the Party of God // The Washington Institute For Near East Policy. 13.02.2005. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/hezbollah-finances-funding-party-god>. (accessed: 19.03.2024).
9. Shanahan R. The Islamic Da'Wa Party: Past Development and Future Prospects // Middle East Review. 02.06.2004. of International Affairs Journal. 8 (2). URL: <https://tinyurl.com/2e792bjx> (accessed: 18.09.2024).
10. Sullivan M. C. Iran's Hard Power Influence in Iraq // AEI's Iran Tracker. 10.04.2009. URL: <https://tinyurl.com/535schkz> (accessed: 03.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**Абросимов Александр
Владимирович** –

аспирант, лаборант-исследователь
Центра изучения стран Ближнего
и Среднего Востока Института
востоковедения Российской академии
наук, Москва, Россия

Abrosimov Aleksandr V. – PhD student,
research assistant at the Centre of Middle
East Studies, Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-067-074>

ПОЛИТИКА ИРИ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ

Владимир Муртузович Ахмедов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
shamyarabist@gmail.com, <https://orcid.org/00000-0002-4952-2964>

Аннотация. В статье исследуется политика Ирана в сирийском конфликте. Целью работы является выявление особенностей силового вмешательства ИРИ в сирийские события. Особое внимание уделено изучению наиболее важных аспектов политики Ирана в САР в условиях кризиса. В рамках системного подхода автор акцентировал внимание на исследовании роли исторического наследия сирийско-иранских отношений в политике Ирана в Сирии. Автор показывает роль силовых структур Ирана и шиитских милиций в сирийском кризисе. Дан анализ мотивов и факторов вооруженного вмешательства ИРИ в САР. Изучены особенности иранской вооруженной операции в Сирии. Рассмотрен характер взаимодействия регулярных иранских сил и специальных войск с милицеескими формированиями. Особое внимание автор уделит роли этнических и религиозных факторов в проведении войсковой операции ИРИ в САР. Проанализировано влияние войны в Газе на Сирию в контексте ирано-израильского противостояния на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Иран, сирийский кризис, Ближний Восток, шиитские милиции, Израиль, арабы

Для цитирования: Ахмедов В. М. Политика ИРИ в сирийском конфликте. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):67-74. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-067-074>

Original article. Politics studies

IRAN POLITICS IN THE SYRIAN CRISIS

Vladimir Akhmedov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
shamyarabist@gmail.com, <https://orcid.org/00000-0002-4952-2964>

Abstract. The article examines Iran politics in the Syrian crisis. Main research goal focuses on studying the reasons of the Iran's force envelopment in Syria. By adopting the historic approach, the author examines the role of Syria-Iran legacy in Iran's politics in Syria. The role of Iran's military and Shiites militias in Syrian crisis are shown. Given the analyses of Iran's imputes and motives in Syria, the author studies the specificity of Iran's military operation in this Arab country. The author observes the nature of Iran's interaction with Damascus's authorities as well as the character of cooperation between Iran's regular forces with paramilitary units. The role of sectarian factors in conducting Iran's policy in Syria is the subject of main author's attention. In context of Iran-Israel fighting on the Middle East, the author analyses how Gaza war affected Syria. The above-mentioned questions shape the urgency of presented research paper that investigates most of advanced statements and proves forwarded conclusions.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Keywords: Iran, Syrian Crisis, Middle East, Shiites Militias, Israel, Arabs

For citation: Akhmedov V. M. Iran Politics in the Syrian Crisis. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):67-74. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-067-074>

Занятая Тегераном позиция в отношении сирийского конфликта, кардинально отличалась от традиционной политики ИРИ в регионе. После ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Иран практически избегал прямого вооруженного участия в региональных конфликтах, тем более, дислокации своих войск на территории третьих стран. Кризис в САР показал, что Дамаск является критическим фактором национальной безопасности Ирана.

Факторы вмешательства ИРИ в САР

После прихода к власти в САР Х. аль-Асада (1970 г.) сирийско-иранские отношения получили заметный прогресс. Идеологическая близость и религиозная схожесть сирийской и иранской элит сыграли важную роль в развитии этого альянса. Продвинув представителей шиитских общин Сирии и Ливана к власти, Иран получил возможность укрепить свои позиции в Леванте. Влияние Ирана в Сирии заметно выросло после прихода к власти Б. аль-Асада в июне 2000 г. Именно в этот период Тегеран и Дамаск подписали серию взаимовыгодных военных и экономических контрактов, которые получили развитие в 2019–2022 гг. Это позволило Ирану проникнуть практически во все институты сирийского государства. Тегеран стал играть возрастающую роль в сирийском обществе и оказывал выгодное ему влияние на умонастроения правящей сирийской элиты. С учетом стратегического характера сирийско-иранских отношений, Иран не мог допустить в САР смены режима, на который Тегеран опирался в неблагоприятном арабском окружении.

Фактор географии играл не последнюю роль в определении решения о вмешательстве в САР. Удержание САР в орбите своего влияния означало для Тегерана наращивание стратегической глубины в регионе. В контексте иранской перспективы на Ближнем Востоке свободный доступ к сирийской территории играл важную роль в сохранении иранского влияния и поддержании регионального баланса сил на Ближнем Востоке в интересах ИРИ.

Участие в сирийском конфликте давало ИРИ уникальную возможность приобретения опыта боевых совместных операций двух силовых подразделений (КСИР – «Артеш»), которые отличались по своим тактическим задачам и социальному уровню личного состава. Впервые после

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

ирано-иракской войны Иран продемонстрировал в новых региональных реалиях свои возможности вести широкомасштабные военные операции за пределами национальной территории.

Этапы иранской операции в САР

Иранское участие в сирийских событиях прошло несколько этапов. После начала протестных движений весной 2011 г. Тегеран ограничивался материальной и гуманитарной поддержкой сирийского правительства. По мере развития кризиса Иран направил в САР несколько сотен своих военных советников из корпуса «Аль-Кодс» и разместил на сирийской территории армейские подразделения «Артеш». В Сирию были направлены около 7 тыс. контрактников из «Басидж» (Силы народного ополчения) и отрядов «Фатехин» (спецподразделения «Басидж»). Иран направил в Сирию бойцов ливанской «Хезболлы» (10–14 тыс. чел.) и шиитские милиции для поддержки сирийской армии, которая в результате серьезных потерь терпела поражения [Sam, Fitch, 2015]. Корпус «аль-Кодс» осуществлял общее командование и мониторинг деятельности всех подразделений иранских ВС и шиитских милиций в САР. Общая численность иранских военных в САР составляла немногим более 15 тыс. чел. На рубеже 2019–2020 гг. в рядах шиитских милиций Сирии сражалось около 53 тыс. бойцов из Ирака, Афганистана и Пакистана. Численность афганской бригады аль-Фатимиюн составляла 10–20 тыс. чел.¹ Общая численность проиранских милиций в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене, Афганистане и Пакистане составляла 250 тысяч бойцов. В 2021–2022 гг. Иран увеличил численность шиитских вооруженных формирований. В целях закрепления своего военного присутствия в САР Иран использовал новую тактику, которая предусматривала значительное расширение ареала действий шиитских милиций. Для охраны своих военных складов в районах Хомса, Хамы, Халеба, Дейр эз-Зора, Пальмиры, Иран создал новые отряды шиитских милиций. К марту 2022 г. отряды ливанской «Хезболлы», афганских милиций, «Асаиб Ахл аль-Хак», «Харакат ан-Нажба» (Ирак), «Бригады аль-Бакир» (САР) заметно нарастили численность своего личного состава и пополнили свои арсеналы новым вооружением. К началу апреля 2022 г. указанные милиции создали около 120 новых укрепрайонов на востоке Хомса, в Хаме, Ракаа, Дейр эз-Зоре, разместив там более 4,5 тыс. бойцов². В 2022 г. Иран и его шиитские мили-

¹ Фатамун-ишкер-сардаран-ба-адае-мдафе-харам (Фатимиюн – армия праведных бойцов-защитников святынь) // Mashрик Ньюз. URL: <https://www.mashregnews.ir/news/514104> (accessed: 12.08.2023). На перс.яз.

² Абдерразак, С., Карам, Ф. Ускоренное иранское размещение на земле Сирии..., и под землей. 04.07.2022. URL: <https://tinyurl.com/y2nemurw> (accessed: 12.08.2023). На араб.яз.

ции практически полностью контролировали значительные участки территории САР и соседние районы Ливана. Вооруженное участие Ирана в сирийском конфликте знаменовало коренной поворот в конфессиональной политике Тегерана на Ближнем Востоке. С учетом конфессиональных предпочтений и политических целей шиитских милиций, их интеграция в состав регулярных частей меняла идеологическую основу индокринации сирийских военных. Данное обстоятельство делало проблематичным создание в Сирии инклюзивного правительства и достижение национального согласия в обществе.

Шиитский фактор

В военной кампании ИРИ в САР «шиитский фактор» имел два основных измерения – военное и общественно-политическое. Как показано выше, Иран сформировал в САР милицейские отряды из афганских и иракских шиитов, сражавшиеся на стороне правящего режима. Важное место Иран отводил работе с местным населением в целях создания широкой социальной базы поддержки. Иран вел активную проповедническую деятельность среди сирийских племен на востоке страны, стремясь максимально «шиитизировать» их представителей. Иранские проповедники смогли обратить в шиизм одно из влиятельных сирийских племен Дейр эз-Зора – Баггара. Летом 2018 г. КСИР организовал вывод нескольких шиитских деревень из занятых оппозицией районов Идлиба, в обмен на разрешение ряду суннитских общин беспрепятственно оставить пограничные ливанские территории [Reuters, 2018]. В конце 2021 г. КСИР и шиитские милиции установили свои религиозные порядки в ряде районов САР (Дейр эз-Зор). В конце 2021 г. Иран официально возобновил религиозный туризм в САР. За годы вооруженного конфликта в САР Иран построил несколько десятков новых мечетей в ключевых центрах страны (Дамаске, Халебе, Хомсе, Дейр эз-Зоре, Дерья), восстановил и реставрировал шиитские святыни в Дамаске и Халебе. В итоге Иран расширил географию паломничества в Сирии и увеличил число паломников. В конце 2021 г. в Сирии был принят закон № 28 об укреплении роли Высшего исламского совета (ВИС), который ограничил права четырех суннитских мазхабов (ханбалитский, ханифитский, шафиитский, маликитский) на религиозную работу с населением и управление вакфами. В новом законе было прописано, что сунниты больше не являются религиозным большинством в САР и ставятся в один ряд с другими конфессиями, – алавитами, друзами, исмаилитами, шиитами, которые перестают считаться религиозными меньшинствами. Новый закон не только укрепил позиции Ирана в религиозной сфере, но и легитимировал его работу по «шиитизации» сирийского населе-

ния³. Иран использовал доверенных сирийских клириков, крупных строительных подрядчиков, серьезных дельцов в сфере торговли недвижимостью для продолжения процесса активной «шиитизации» населения столичных центров страны, главным образом Дамаска и его ближайших пригородов. Созданные Ираном за последние несколько лет заделы в сирийском обществе гарантируют Тегерану сохранение его позиций в САР в случае эвентуальной смены власти в процессе мирного транзита.

Вызовы иранской политике в условиях войны в Газе

Укрепление иранских позиций в САР оказало неоднозначное влияние на характер взаимоотношений ИРИ с крупными региональными и мировыми игроками на поле сирийского конфликта. Кризис в САР усилил ирано-израильскую конфронтацию. После начала войны в Газе Сирия превратилась в арену ирано-израильской вооруженной конфронтации, жертвами которой пали более десятка руководящих кадров КСИР и проиранских милиций⁴. Специальные службы Израиля работали по трем основным направлениям; срыв иранской ядерной программы, уничтожение ракетного потенциала «Хезболлы», ослабление иранского влияния на Ближнем Востоке.

Иран и его союзники наладили надежные каналы доставки оружия палестинским отрядам на Западном берегу, в Газе и Ливане. Иран стремится к тому, чтобы в случае крупномасштабной войны Израиль столкнулся с глубоко эшелонированным палестинским сопротивлением и ему пришлось отражать удары ИС из Ливана, Ирака, Йемена и Сирии (Голанские высоты). В начале августа 2024 г. Иран поставил своим союзникам в Ливане, Ираке и Йемене высокоточное ракетное вооружение и средства ПВО. Иран завершил сооружение новой военной базы в районе Тартус, строительство которой курировал генерал КСИР Р. Зераи до своей гибели в результате налета израильской авиации летом 2024 г.⁵

Распространение войны в Газе на другие ближневосточные государства вызвало отрицательное отношение в политических кругах арабских стран. Многие арабские политики сочли, что Иран использует арабские страны в качестве полигона для решения своей стратегической задачи –

---

³ Аль-Хейр М. Объявление шейха Усамы ар-Рифа’и муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г. А. Насера до Башара аль-Асада // Aljazeera. 21.11.2021. URL: <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/> (accessed: 10.09.2024). На араб.яз.

⁴ Баада-ихтияль-аль-арури-ва-тавилъ-халь-хизб-алла-мухтарак-истихибаратийан? (После убийства аль-Арури и Тавиля встает вопрос о разведывательном проникновении в Хезболлу) // Anadolu Ajansi. 09.01.2024. URL: <https://tinyurl.com/5a8c8996> (accessed: 12.01.2024). На араб.яз.

⁵ Амин М. Каида-аскарыйя-ираныйя-фи-сахедъ-аль-сурий-ли-каср-аль-ихтикар-аль-русй (Иранская военная база на сирийском побережье разрушает российскую монополию) // The New Arab. 14.08.2024. URL: <https://tinyurl.com/4h65r77d>. (accessed: 02.09.2024). На араб.яз.

вывода американских войск из Ирака и Сирии. В июне 2024 г. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) потребовал от сирийского режима выполнить обязательства по политическому урегулированию в соответствии с положениями Каирской декларации (август 2023 г.) на основе резолюции № 2254 Совета Безопасности ООН. Отсутствие внутривосточной устойчивости в САР чревато дестабилизацией обстановки в других странах Ближнего Востока. Напряженность в арабо-иранских отношениях, эскалация вооруженного конфликта между Израилем и силами «Исламского Сопротивления» в лице ХАМАС и «Хезболлы» тормозят процессы сирийской нормализации. После убийства летом 2024 г. главы Политбюро ХАМАС И. Хании в Иране и Генерального секретаря «Хезболлы» Х. Насруллы в Ливане США провели серию контактов с иранским руководством, пытаясь убедить Тегеран отказаться от помощи Израилю. Новый иранский президент М. Пезешкиан ищет сближения с Западом в целях разблокирования переговоров по ядерной программе ИРИ. По некоторым данным (нуждаются в дополнительной проверке – А. В.) М. Пезешкиан пытался остановить в сентябре 2024 г. отправку в Россию группы офицеров спецназа КСИР, которые должны были участвовать в операции по зачистке районов Курска от украинских боевиков. Однако он столкнулся с сильной оппозицией в ВСНБ в лице руководства КСИР и Артеш, которое опасается негативных последствий в результате подрыва отношений с Россией. Руководство КСИР настояло на отправке военных, сделав упор на то, что их офицеры будут помогать России в регионе, расположенном в пределах российских границ⁶.

Эскалация ирано-израильского противоборства в Ливане в сентябре – октябре 2024 г. шла вразрез с планами Москвы по окончательному завершению военной фазы конфликта и выводу иностранных войск из Сирии. В ходе визита в Тегеран в августе 2024 г. глава Совета Безопасности РФ С. К. Шойгу передал иранскому руководству несколько важных посланий российского руководства. Москва выразила готовность защитить Иран в случае внешней агрессии. Россия предостерегла Тегеран от того чтобы поддаться провокациям Б. Нетаньяху, который стремится сравнить США и ИРИ в крупномасштабной конфронтации в регионе. С. К. Шойгу подчеркнул нежелание Москвы втягивания Дамаска в конфронтацию вокруг Газы, в результате чего могут пострадать российские интересы в САР⁷.

---

⁶ Бизшикьян-ямнаа-аль-харас-мин-ирсаль-куват-иля-русия... (Пезишкян запретил КСИР направлять военных в Россию...) // Аль-Джарида. 02.09.2024. URL: <https://www.aljarida.com/article/73598> (accessed: 03.09.2024). На араб. яз.

⁷ Салаяса-расаиль-русийя-ли-иран-... (Три российских послания Ирану ...) // Аль-Модон. 07.08.2024. URL: <https://tinyurl.com/y8dnruub> accessed: 10.08.2024). На араб. яз.

Заключение

Сирийский кризис изменил характер ирано-сирийских отношений и привел к значительному укреплению позиции ИРИ в Леванте. Но эскалация вооруженной конфронтации в регионе после начала войны в Газе ставит под вопрос иранскую перспективу в САР и на Ближнем Востоке в целом. Сегодня кризисная политика ИРИ в арабских странах решает несколько стратегических задач. С помощью «Хезболлы» Иран укрепляет контроль над территорией Ливана и Сирии и одновременно стремится сохранить нормальные отношения с Саудовской Аравией, чтобы предотвратить распространение войны на юге Ливана и отработать возможный сценарий перемирия в Газе. Тегеран разработал дорожную карту урегулирования ситуации в Красном море и наладил отношения с военным командованием Судана, стремясь взять под контроль порт Судан.

В перспективе политика Ирана на Ближнем Востоке будет во многом определяться характером эволюции отношений между Ираном и САР, динамикой развития политических процессов в них, трансформацией их правящих элит. Отсутствие внутривластной устойчивости в САР и сохраняющаяся напряженность в арабо-иранских отношениях чревата дестабилизацией обстановки в других странах Ближнего Востока. Заметное влияние на региональную политику ИРИ будет оказывать и политика мировых держав на Ближнем Востоке. Несмотря на союзнические отношения Израиля и США, Тель-Авиву вряд ли удастся втянуть Вашингтон в войну с Ираном на Ближнем Востоке. От того, удастся ли в ближайшие месяцы договориться Вашингтону и Тегерану, будет зависеть развитие ситуации в палестино-израильском конфликте и перспектива «Большой войны» на Ближнем Востоке. В этом контексте усилия Москвы по укреплению каналов связи с Ираном и налаживанию ядерной дипломатии имеют решающее значение в процессе управления кризисом.

Литература / References

1. Reuters. Evacuation of Two Pro-Assad Syrian Villages Complete. 18.07.2018.
2. Sam D., Fitch, A. Iran Expands Role in Syria in Conjunction with Russia's Airstrikes. Wall Street Journal. 02.10.2015.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Абдерразак С., Карам Ф. Ускоренное иранское размещение на земле Сирии..., и под землей. 04.07.2022. URL: <https://aawsat.com/home/article/3577076/%D8%AA%D8%B3%D8%A7%D8%B1%D8%B9-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%88%D8%BA%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D9%86%D9%8A-%D9%81%D9%88%D9%82-%D8%A3%D8%B1%D8%A7%D8%B6%D9%8A-%D8%B3%D9%88%D8%B1%D9%8A%D8%A7-%D9%88%D8%AA%D8%AD%D8%A%D9%87%D8%A7> (дата обращения: 03.08.2024). На араб. яз.

2. Аль-Хейр М. Объявление шейха Усамы ар-Рифа'и муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г. А. Насера до Башара аль-Асада // Aljazeera. 21.11.2021. URL: <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/> (accessed: 10.09.2024). На араб. яз.
3. Амин, М. Каида-аскарийя-иранийя-фи-сахедь-аль-сурий-ли-каср-аль-ихтикар-аль-русй (Иранская военная база на сирийском побережье разрушает российскую монополию) // The New Arab. 14.08.2024. URL: <https://tinyurl.com/4h65r77d> (accessed: 02.09.2024). На араб. яз.
4. Баада-ихтияль-аль-арури-ва-тавиль-халь-хизб-алла-мухтарак-истихибаратийян? (После убийства аль-Арури и Тавиля встает вопрос о разведывательном проникновении в Хезболлу) // Anadolu Ajansı. 09.01.2024. URL: <https://tinyurl.com/5a8c8996> (accessed: 12.01.2024). На араб. яз.
5. Бизшикьян-ямнаа-аль-харас-мин-ирсаль-куват-иля-русия... (Пешишкян запретил КСИР направлять военных в Россию...) // Аль-Джарида. 02.09.2024. URL: <https://www.aljarida.com/article/73598> (accessed: 03.09.2024). На араб. яз.
6. Саяса-расаиль-русийя-ли-иран-... (Три российских послания Ирану...) // Аль-Модон. 07.08.2024. URL: <https://tinyurl.com/y8dnrudd> (accessed: 10.08.2024). На араб. яз.
7. Фатамун-ишкер-сардаран-ба-адае-мдафе-харам (Фатимюн – армия праведных бойцов-защитников святых) // Mashрик Ньюз. URL: <https://www.mashregnews.ir/news/514104> (accessed: 12.08.2023). На перс. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ахмедов Владимир Муртузович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Akhmedov Vladimir M. – PhD(Hist.), Senior Research Fellow, Assistant Professor, Center for The Study on General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8 + 339 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-075-090>

МЕГАРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ИРАНА

Владимир Иванович Белов

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
vyou@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6112-5550>

Аннотация. Исламская Республика Иран (ИРИ) в 2020-е гг. стремится обрести центральную позицию в новой модели международного энергетического сотрудничества в Азии, опираясь на свой стратегический потенциал. Фокус исследования направлен на выявление особенностей формирования энергетической дипломатии ИРИ, нацеленной на выстраивание перспективных международных партнерств и технологические инвестиции, что должно обеспечить Ирану позиционирование как одного из лидеров глобальных инновационных энергетических решений. В статье показано, что в условиях мегарегионализации Иран стремится к выработке целостной региональной стратегии развития иранской экономики. Развитие стратегического диалога между Ираном и странами БРИКС в нефтегазовом секторе указывает на сдвиг в сторону создания многополярного энергетического мира, ставит ИРИ в авангарде глобальных инновационных энергетических решений. Это стратегическое взаимодействие может стать катализатором реконфигурации глобальных альянсов и энергетической политики, что будет иметь далеко идущие последствия для глобальной энергетической безопасности и геополитики.

Ключевые слова: мегарегионализация, Иран, энергетическая дипломатия, нефтегазовая промышленность, нефтяные ресурсы, диверсификация, экономика сопротивления, региональное партнерство

Для цитирования: Белов В. И. Мегарегионализация и энергетическая дипломатия Ирана. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):75-90. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-075-090>

Original article. Politics studies

MEGAREGIONALISATION AND IRAN'S ENERGY DIPLOMACY

Vladimir Belov

RUDN University, Moscow, Russia,
vyou@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6112-5550>

Abstract. The Islamic Republic of Iran (IRI) in the 2020s seeks to gain a central position in a new model of international energy cooperation in Asia, building on its strategic potential. The focus of the study is on identifying the peculiarities of the formation of IRI's energy diplomacy aimed at building promising international partnerships and technological investments, which should ensure Iran's positioning as one of the leaders of global innovative energy solutions. The article shows that in the context of mega-regionalization Iran seeks to develop a holistic regional strategy for the development of the Iranian economy. The development of strategic dialogue between Iran and the BRICS countries in the oil and gas sector indicates a shift

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

towards the creation of a multipolar energy world, placing Iran at the forefront of global innovative energy solutions. This strategic interaction may become a catalyst for the reconfiguration of global alliances and energy policies, which will have far-reaching implications for global energy security and geopolitics.

Keywords: mega-regionalization, Iran, energy diplomacy, oil and gas industry, oil resources, diversification, resistance economy, regional partnership

For citation: Belov V. I. Megaregionalisation and Iran's Energy Diplomacy. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):75–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-075-090>

В мире происходит процесс кристаллизации новой глобальной стратегической ситуации, когда формируется новый миропорядок, отражающий многообразие всей планеты. Международные отношения также вступили в эпоху глобальных коренных изменений, новые мощные центры роста на Глобальном Востоке ищут пути гармоничного развития, что позволяет говорить о мегарегионализации как глобальном стратегическом мегатренде при характеристике развития региональной ситуации в Юго-Западной Азии. Мегарегионализация предполагает становление доминирующего государства (государств/союзов) как регионального центра притяжения, поэтому возможно говорить о формирующемся полицентризме в региональных международных отношениях. Определяя свое позиционирование в системе внутрорегиональных связей, доминирующий в них субъект международных отношений в силу своей глобальной ориентированности должен быть готов к эффективному решению проблемы сопряжения четырех основных пространств развития (Север – Юг – Запад – Восток). Возникающий при этом имидж становится основанием для появления в регионе того или иного аттрактора, понимаемого как принципиальная парадигма и модель построения перспективного будущего.

Иран и мегарегионализация

В формирующемся в 2020-х гг. многослойном идейно-политическом ландшафте, контуры которого динамичны, Исламская Республика Иран (ИРИ) стремится обрести центральную позицию в новой модели международного сотрудничества и развития в Азии, опираясь на свой геостратегический потенциал, выстраивая отношения стратегического партнерства с Китаем, Индией, Пакистаном, Саудовской Аравией, ОАЭ, Ираком, Сирией, Турцией, Египтом и Россией, участвуя в формировании межрегиональных торгово-экономических союзов (БРИКС, ШОС, ЕАЭС) и реализации масштабных евразийских проектов («Один пояс, один путь», МТК «Север – Юг»). Иран позиционирует себя как независи-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

мую и неприсоединившуюся региональную державу с исламской идентичностью. Претендуя на роль «мир-экономики» региона, стратегически Иран стремится обрести себя в качестве лидера Юго-Западной Азии, следующего путем создания новой исламской цивилизации¹. Обращение к активной региональной политике обосновывается в ИРИ ее потенциалом растущей силы в регионе, решающей вопросы на локальном, региональном и мировом уровнях.

Оформление регионализма во внешней политике Ирана связано с тремя сферами:

- 1) цивилизационная (ирано-шиитская цивилизация как неотъемлемая часть цивилизации Ближнего Востока);
- 2) геополитическая (связующее звено и военный лидер региона);
- 3) идеологическое (государственная идеология восходит к основаниям ислама шиитского толка).

Сочетание трех – цивилизационной, геополитической и идеологической – составляющих способствует усилению региональной роли Ирана и большей актуализации принципа регионализма во внешней политике ИРИ.

На локально-региональном уровне Иран, создающий «экономику сопротивления», учится совмещать локальное (отраслевое) и региональное, формирует, в том числе, новое видение энергетической дипломатии, в рамках которой нефтегазовый сектор рассматривается в качестве ключевого элемента целостной стратегии развития иранской экономики в контексте решения задачи ее диверсификации и выстраивания международных партнерств, особенно со странами БРИКС. Иран формирует новые экспортноориентированные центры экономического роста с привязкой к ключевым портам (глубоководный порт Чабахар и др.) на побережье Персидского залива и Каспийского моря.

Энергетическая дипломатия Ирана

Конкретные действия Правительства ИРИ по обеспечению национальных интересов в энергетической сфере получили название «Энергетическая дипломатия», поскольку реализуемые сценарии позиционирования на мировом энергетическом рынке рассматривались руководством страны сквозь призму геополитических интересов ИРИ и ее влияния в регионе Юго-Западной Азии и в мире [Qanbari, 2017]. Иранская энергетическая дипломатия возникает как результат взаимодействия Мини-

---

¹ Заявление «Второй шаг революции», обращенное к народу Ирана [Bayaniye jame dovome enghelab khatab be melate iran] // Информационная база Управления по сохранению и публикации трудов аятоллы Али Хаменеи. 11.02.2019. URL: <https://khl.ink/f/41673> (accessed: 11.11.2021). На перс. яз.

стерства иностранных дел (в части международного, включая информационные и политические аспекты, обеспечения внешнеэкономической деятельности), с профильными иранскими компаниями при окончательном решении за Министерством нефти ИРИ [Ajili & Roshan, 2014, с. 101]. Однако фактически во внешней политике ИРИ по-прежнему параллельно реализуются две логики целеполагания, определяемые различием в функциональной ответственности двух министерств – МИД и Миннефти – стремлением, прежде всего, обеспечить национальные (геополитические) и ценовые (экономические) интересы страны соответственно. В каждый конкретный момент позиция государства определяется в зависимости от баланса потенциалов данных министерств.

Следует отметить и тот факт, что возможности реализации иранской энергетической дипломатии через ОПЕК для Ирана существенно ограничены. Исламская Республика Иран находится под санкциями США и это обстоятельство обуславливает отсутствие экспортной квоты для Ирана.

Важной целью энергетической дипломатии является создание условий для становления ИРИ в качестве лидера глобальных инновационных энергетических решений: обеспечение нового баланса между традиционным экспортом нефти и инновационными энергетическими решениями, привлечение технологических инвестиций и обеспечение сдвига в профиле экспорта энергии.

В 2020-е гг. в ситуации глобальных изменений, происходящих на мировом рынке под влиянием технологического прогресса в производстве и геополитических сдвигов, Иран ищет пути реализации новой стратегии построения экономики сопротивления, в том числе методами энергетической дипломатии, рассматривая нефтегазовый сектор в качестве ключевого элемента целостной стратегии развития иранской экономики в контексте решения задач ее диверсификации и выстраивания международных партнерств, особенно со странами БРИКС.

В число главных задач энергетической дипломатии ИРИ, призванной обеспечить устойчивость и долговременную конкурентоспособность нефтегазового сектора ИРИ, входит: создание международных партнерств, особенно с не западными странами, такими как Россия [Islami, 2012, с. 191]; привлечение иностранных инвестиций в нефтегазовую отрасль²; поддержка модернизации инфраструктуры и обеспечение доступа к передовым технологиям, в том числе для завершения цепочек

---

² Документ Национальной энергетической стратегии страны, утвержденный 4/22/2016 Кабинетом министров. 1-е издание [Sanad-e melli rahbord energy-e keshvar mosavabe 4/22/2016 heyatte vaziran] // Организация программы и бюджета. 2017. URL: https://drive.google.com/file/d/1_sKIOSlJpLNLHj__320rCLUrKerWeQqe/view?usp=sharing (accessed: 28.09.2024). На перс. яз.

создания стоимости в нефтегазовой отрасли (п. 15)³; развитие экологической направленности отрасли; повышение эффективности деятельности компаний и госструктур по достижению заявленных национальных целей развития и др. Решение этих задач призвано обеспечить взаимосвязанность внешнеэкономической деятельности и внешней политики как целостной стратегии действий Исламской Республики Иран в регионе и в мире.

В контексте энергетической дипломатии и в рамках политики поворота на Восток Иран целенаправленно формирует геостратегический пояс с участием Китая, Индии, Пакистана, Афганистана, Саудовской Аравии, Турции, Египта и России. Здесь следует отметить инициативу Ирана по созданию регионального хаба «Шанхайская энергетика». С этим предложением на заседании Совета глав правительств стран ШОС 26 октября 2023 г. в Бишкеке выступил бывший первый вице-президент ИРИ Мохаммад Мохбер, предложивший включить в повестку дня ШОС вопрос о создании регионального хаба «Шанхайская энергетика» в целях торговли, обмена энергией и обеспечения энергетической безопасности, включая ископаемое топливо, электро- и возобновляемую энергию. Он также призвал создать фонд заинтересованных стран-инвесторов для совместного финансирования нефтехимических проектов и подчеркнул готовность страны оказывать инженерно-технические услуги и производить оборудование для нефтяной, газовой и нефтехимической сфер⁴.

Иранская дипломатия исходит из того, что в процессе глобализации страны становятся все более взаимосвязанными в экономическом и ресурсном отношении, что оказывает влияние и на межгосударственные отношения в целом. Поэтому поиск путей укрепления экономической взаимозависимости через поставки энергоносителей и электроэнергии рассматривается как эффективное направление противодействия санкционному давлению на Иран. Так, США были вынуждены сделать исключения из санкций для ряда соседних стран, которые импортируют электроэнергию из Ирана. В соседнем Ираке, например, иранский газ и электричество обеспечивают более трети энергетических потребностей страны, особенно на юге. Ирак настолько зависит от иранской энергии, что тогдашнему президенту США Д. Трампу пришлось сделать исключение из политики санкций «максимального давления» на Тегеран, чтобы

---

³ Культура экономики сопротивления в высказываниях Верховного лидера Исламской революции [Farhang-e eghtesade moghavemati dar bayanat rahbare moazame enghelabe eslami] // Информационная база Управления по сохранению и публикации трудов аятоллы Али Хаме-неи. 2014. URL: <https://khl.ink/f/25365> (accessed: 28.09.2024). На перс. яз.

⁴ Нефтяной экспорт Ирана побил пятилетний рекорд // Neftegaz.RU. 06.07.2023. URL: <https://neftegaz.ru/news/Trading/786111-neftyanoy-eksport-irana-pobil-pyatiletniy-rekord/> (дата обращения: 23.09.2024).

иракская сеть не рухнула. Тегеран также экспортирует электроэнергию в Афганистан, Пакистан и Турцию⁵.

Кроме того, в силу своего географического положения Иран может внести значительный вклад в развитие энергетической инфраструктуры и создание энергетических коридоров для экспорта энергоносителей на рынки стран Азии и Европы. В свою очередь сбалансированность энергетического рынка становится ключом к обеспечению устойчивой безопасности в регионе и делает ИРИ его энергетическим центром. Роль эффективного энергетического полюса на Ближнем Востоке и во всем мире, особенно в ситуации глобальной неопределенности, делает Иран значимым элементом формируемой новой системы глобальной энергетической безопасности [Пирзаде, 2024].

Еще одним важным измерением энергетической дипломатии считается участие ИРИ в продвижении глобальной климатической политики в качестве решающего игрока, что связано с фактом обладания мировыми запасами газа. Учитывая важность природного газа как экологически чистого источника энергии по сравнению с другими видами ископаемого топлива, Иран можно рассматривать как члена международного сообщества, как страну, приверженную сохранению окружающей среды, способствующую диверсификации используемых человечеством энергетических ресурсов и укреплению энергетической безопасности на региональном и глобальном уровнях⁶.

Политика «экономики сопротивления» (с 2013 г.) и энергетическая дипломатия как ее важнейший инструмент направлены, прежде всего, на создание в стране независимых от внешних поставок отраслей, «опору на внутренний рынок». Становясь участником БРИКС, Иран получает доступ к объединенным ресурсам, технологиям и рынкам стран-участниц, что открывает новые перспективы для реализации заявленных целей национального развития. Вступление в БРИКС Ирана, как и ряда арабских государств (Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия), позволяет говорить о создании на Ближнем и Среднем Востоке региональной платформы для диалога и сотрудничества между странами.

В Иране об энергетической дипломатии как самостоятельном направлении деятельности в рамках официальной дипломатии начали говорить в конце 1990-х гг., но сами иранские эксперты признают, что полноценного каркаса для ее эффективного функционирования не было

---

⁵ Shanahan R. Iran's energy diplomacy // Lowy Institute. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpretor/iran-s-energy-diplomacy> (accessed: 28.09.2024).

⁶ Иран и энергетическая дипломатия // Иранская дипломатия. 2023. [Iran va diplomasiye enerzhi // Diplomasiiye Irany. 1402]. URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2028783/> (accessed: 03.10.2024). На перс. яз.

создано вплоть до 2020-х гг. [Poorahmadi & Zolfaghari, 2020; Izadi J., Ki-roor J., 2009].

Иранские ученые определяют энергетическую дипломатию как совокупность действий и политики отдельных стран в энергетической сфере, направленных на достижение посредством международного взаимодействия двух целей: отраслевой и общеполитической [Hosseini Adeli, 2010, p. 59]. Как полагают российские исследователи, Иран имеет возможность укрепить основы энергетической дипломатии путем создания официальной комплексной программы энергетической дипломатии Исламской Республики Иран во внешней политике и организации межведомственной комиссии по вопросам энергетической дипломатии с участием МИД, Министерства нефти, Министерства экономики и финансов, Министерства промышленности, рудников и торговли Исламской Республики Иран. Характерно, что импорт энергии не включен в круг вопросов, решаемых в рамках энергетической дипломатии [Баскаков, Крылов, 2023].

Приоритеты развития нефтегазовой отрасли

Перспективы развития энергетической дипломатии в ИРИ связаны, прежде всего, с развитием нефтегазовой отрасли, которая с 2005 г. рассматривалась руководством Ирана⁷ как ключевой элемент устойчивого энергетического и экономического роста страны, как одно из важнейших условий превращения Ирана в региональную державу [Полищук, 2007]. В 2017 г. А. Хаменеи поставил задачу преобразования экономики нефти и рантье в экономику производительную и народную⁸. В 2021 г. в годовом отчете Министерства нефти Ирана был представлен комплексный подход к развитию национального нефтегазового сектора, по сути, сформировавший новую повестку для сферы энергетической дипломатии. Предусматривались усилия по использованию регионального и географического положения страны для покупки, продажи, обмена, переработки и транспортировки региональной нефти и газа на внутренние и мировые рынки, по привлечению внешних финансовых ресурсов, развитию производства нефтехимической продукции, по расширению фундаментальных и опытно-конструкторских исследований и подготовке

---

⁷ Видение Исламской Республики на горизонте 2025 года [Cheshm andaz-e jomhuri-e eslami-e iran dar ofogh 1404 hejri shamsi] // Университет мейбод. URL: https://meybod.ac.ir/userfiles/academic_research/files/academic_research_32.pdf (accessed: 09.09.2024). На перс. яз.

⁸ Встреча президента и членов правительственной делегации с лидером революции [Didar-e raeis-e jomhur va aeza-ye heyat-e dolat ba rahbar-e enghelab] // Информационная база Управления по сохранению и публикации трудов аятоллы Али Хаменеи. 26.08.2017. URL: <https://english.khamenei.ir/news/5082/Economic-orientation-of-Iran-must-divert-from-an-oil-economy> (accessed: 28.09.2024). На перс. яз.

кадров, а также созданию центра для импорта и экспорта энергетических технических знаний и услуг на международном уровне и продвижения технологий в сфере ресурсов, нефти, газа и нефтехимии [Годовой отчет, 2021, с. 56].

В разделе «Экономика» 7-го Пятилетнего плана развития ИРИ было подчеркнуто, что главным приоритетом должна стать целостная работа правительства с акцентом на повышение производительности всех факторов производства (человеческих ресурсов, капитала, технологий и менеджмента). Для нефтегазового сектора были поставлены задачи увеличения добычи сырой нефти и природного газа на общих месторождениях, повышение коэффициента переработки на независимых месторождениях, увеличение добавленной стоимости за счет завершения цепочки создания стоимости в нефтегазовой отрасли (п. 8)⁹.

В отчете за 2022 г. о деятельности 13-го правительства ИРИ в части Министерства нефти был изложен Стратегический подход иранского правительства к нефтяному сектору, ориентированный на долгосрочное планирование. В документе была подчеркнута роль правительства в стратегическом планировании и развитии нефтяного сектора на основе комплексного подхода к модернизации сектора и его адаптации к мировым энергетическим тенденциям. Была отмечена значимость диверсификации продукции отрасли через переход от традиционных нефтепродуктов к производным продуктам с более высокой добавленной стоимостью и необходимость специального мониторинга для управления экспортом нефтехимии и связанными с ним поступлениями в иностранной валюте, что имеет решающее значение для перенаправления получаемых значительных доходов в национальную экономику¹⁰.

Для расширения экспорта нефти¹¹ и для преодоления эмбарго в Иране созданы три консорциума, которые включают до 250 частных мест-

---

⁹ Общая политика седьмого пятилетнего плана. 12.09.2022 [Eblage seyasathai allie barnameye haftom ba uluviyate pishrafte ektesady touam ba edalat. 4001/06/21]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/news-content?id=50920> (accessed: 14.10.2024). На перс. яз.

¹⁰ Информатор на встрече в Шанхае: Иран готов создать всеохватывающий транзитный коридор для соединения участников Шанхая [Khabar dar neshaste shanghai: Iran baraye ijade yek koridore teranziti faragit jahate etesale azaye shanghai amadegi darad] // Tabnak. 27.10.2023. URL: <https://www.tabnak.ir/0052Mx> (accessed: 05.10.2024). На перс. яз.

¹¹ Нефть Ирана подразделяется на легкую (малосернистую) – 33% экспорта; иранская тяжелая – 43%; светлая – 24%. К первой группе (плотность 0,804–0,865 г/см³) относятся, например, нефти месторождений Ахваз, Доруд, Агаджари, Марун, Месджиде-Сулейман (Masjid-e-Suleiman), Нафт-Сафид (Naft Safid), Карандж (Karanj), Сирри-А (Sirri-A); ко второй (плотность 0,910–0,876 г/см³) – Абузар, Биби-Хакиме (Bibi Hakimeh), Мансури (Mansouri). Встречаются и сверхтяжелые нефти; это нефти месторождений Новруз (0,928 г/см³), Сорун (0,940 г/см³). Себестоимость иранской нефти составляет 10–12,6 долл./барр., а в ряде месторождений ниже 1 долл./барр. Основные нефтяные терминалы расположены на островах Харг, Лаван, Сирри, Ларак.

ных компаний. Иранский парламент в апреле 2013 г. одобрил законопроект, разрешающий частному сектору продавать до 20% от общего объема экспорта нефти страны, что составляет около 400 тыс. барр./сут. Согласно существующему соглашению между Министерством нефти Ирана и Союзом экспортеров нефти, нефтепродуктов и газа страны, Союз должен искать рынки сбыта, которые не охвачены Министерством.

В разработанном в Иране документе «Видение будущего нефтегазовой отрасли до 2040 года» прогнозируемый спад добычи нефти до 2,5 млн барр./сут. к 2040 г. имеет далеко идущие экономические последствия для страны, учитывая ключевую роль нефтяного сектора в ВВП Ирана и более глобальный формирующийся экономический ландшафт. Принципиальным здесь является то, что возникающая национальная модель развития нефтегазового сектора и шире – энергетической отрасли ИРИ предполагает своим главным источником развития исключительно иранский потенциал.

Потенциал нефтяного сектора

Иран по доказанным запасам нефти занимает 4-е место в мире (после Саудовской Аравии, Венесуэлы и Канады. Согласно данным международной статистики на начало 2023 г. доказанные запасы нефти составляли 208,6 млрд барр. (27,12 млрд т)¹². Несмотря на ограничения, Иран продолжает инвестировать в нефтяной сектор – как в проекты по разработке месторождений, так и в нефтехимическую промышленность, и таким образом наряду с другими членами ОПЕК продолжает обеспечивать стабильные и надежные поставки нефти потребителям по всему миру. В 2024–2025 гг. Иран может нарастить экспорт нефти и конденсата до 3 млн барр./сут., однако для большего увеличения импорта не существует производственных возможностей. Как прогнозировалось, для выхода на уровень 7% поставок нефти или 5,6 млн барр./сут. на мировом рынке в 2025 г. Ирану требовалось более 500 млрд долл. инвестиций (с 2010 г.) [Abbaszadeh Payam, Maleki Abbas, 2013]. Статистика добычи по годам (в 2012–2022 гг.) изменялась в диапазоне от 144,4 млн т (2020 г.) до 231,9 млн т (2017 г.), при основных причинах спада – пандемия COVID-19 и внешние санкции. По разным подсчетам, снижение добычи на 15% для Ирана эквивалентно потере около 20–25 млрд долл.

Все известные промышленные скопления нефти Ирана находятся в нефтегазоносном бассейне (НГБ) Персидского залива. В Иране разведан и отрабатывается только верхний, мел-кайнозойский этаж нефтеносности, глубокие горизонты на сухопутной территории Ирана в настоящее

---

¹² Eni World Energy Review 2023. URL: <https://www.eni.com/en-IT/publications.html> (accessed: 21.09.2024).

время не разведываются. Полномасштабному развитию поисково-разведочных работ в акватории Персидского залива препятствует отсутствие надлежащей техники. Нефтегазоносные комплексы в пределах Южно-Каспийского бассейна связаны с мезозойскими и кайнозойскими отложениями. В Южно-Каспийском бассейне выделяют три нефтегазоносные области: Кобыстано-Куринскую, Апшероно-Прибалханскую, Западно-Туркменскую и перспективную – Южно-Каспийскую котловины. Имеющимися запасами при современном уровне добычи страна обеспечена на 95 лет [Пичутин, 2023].

Коэффициент извлечения нефти в Иране очень низкий: в среднем менее 30%. Поэтому в настоящее время основные усилия НОС и Министерства нефти направлены не на поиск новых месторождений, а на повышение извлечения нефти на уже известных месторождениях, особенно смежных, то есть разрабатываемых совместно с другими странами, что характерно для Каспийского региона. Перед нефтедобывающей промышленностью поставлена задача: к концу текущего десятилетия за счет внедрения новых технологий добычи и технического перевооружения отрасли довести коэффициент нефтеотдачи в среднем по стране по крайней мере до 35%.

Реальность такова, что иранские нефтеперерабатывающие заводы всё еще не способны обеспечить все потребности Ирана. Дискуссии экспертов об идеальном уровне добычи нефти в Иране и оптимальных способах удовлетворения внутренних потребностей пока не завершены.

Национальная нефтехимическая компания (NPC) собирается ввести в эксплуатацию 11 новых нефтехимических заводов, что требует иностранных инвестиций и технологий. Строительство и модернизация нефтехимических предприятий осуществляется в рамках программы «второго скачка» развития нефтехимии, которая в целом предусматривает строительство 43 новых нефтехимических заводов в рамках государственного и частного секторов.

Мощность действующих заводов к 2025 г. предполагается увеличить в три раза, в т. ч. за счет увеличения производства этана на осваиваемых новых фазах месторождения «Южный Парс» и более активной переработки попутного газа. В планах Ирана до 2025 года построить еще 8 новых НПЗ и увеличить мощности по переработке нефти с 2,2 млн барр./сут. до 3,5 млн барр./сут. и увеличить выпуск нефтехимической продукции к 2026 г. до 133 млн т (приблизительно до 30 млрд долл.)¹³.

---

¹³ Нефтеперерабатывающие мощности Ирана вырастут на 50% за следующие 3–4 года // Neftegas.RU. 17.09.2021. URL: <https://neftegaz.ru/news/neftechim/697369-neftepererabatyvayushchie-moshchnosti-irana-vyrastut-na-50-za-sleduyushchie-3-4-goda/?ysclid=lq2eim13nk817677930> (дата обращения: 04.10.2024).

Нефтяной сектор экономики Ирана практически полностью контролируется государственной Национальной иранской нефтяной компанией (Sharkat Melli Naft Iran; National Iranian Oil Company, NIOC). Организационно разведка, добыча и переработка нефти осуществляются через дочерние компании, в некоторые из которых разрешен доступ частного капитала, в том числе иностранного¹⁴.

Новое измерение энергетической дипломатии

В силу этого становятся актуальными новые подходы в организации регионального энергетического сотрудничества, которые можно условно разделить на предложения 1) об обеспечении взаимной энергетической безопасности стран-экспортеров нефти и газа и 2) о создании широких стратегических региональных партнерств с участием ключевых государств и негосударственных игроков. В частности, широко обсуждается вопрос о создании многостороннего энергетического консорциума¹⁵. Создание многостороннего консорциума с участием России, Ирана и других региональных стран для разведки и разработки запасов нефти и газа в Каспийском море и Персидском заливе предлагается осуществить на комплексной основе, включая совместную разработку технологий, меры по охране окружающей среды, по справедливому распределению доходов, по разведке, добыче и перевалке нефтегазовых ресурсов. Консорциум может также способствовать сотрудничеству в области исследований и разработок возобновляемых источников энергии, таких как солнечная и ветровая энергия, для определения и поддержания устойчивого и диверсифицированного энергетического баланса в регионе. В число стран, в той или иной степени заинтересованных в присоединении к многостороннему энергетическому диалогу в регионе Персидского залива и Каспийского моря, входят Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Бахрейн, Ирак, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия. В таком широком составе консорциум может дополнить или даже заменить ОПЕК и его возможные газовые аналоги, став основой для нового мирового порядка в сфере энергетики.

По вопросу об использовании природных ресурсов в зоне Персидского залива Иран поддерживает дружественный и конструктивный

---

¹⁴ К таким компаниям относятся: National Iranian South Oil Company, Central Iranian Oil Fields Company, National Iranian Central Oil Company, National Iranian Offshore Oil Company, National Iranian Drilling Company, Khazar Oil Exploration and Production Company, North Drilling Company, Iran Petro Development Company, Pars Oil and Gas Company, Petropars и т. д.

¹⁵ Россия и Иран решили создать нефтегазовый консорциум, который будет контролировать 40% мировых запасов газа и 15% нефти. 04.06.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZHzC42GeMlzZkQEd> (дата обращения: 04.10.2024).

диалог с региональными странами в энергетической сфере, включая зону Араш (газовое месторождение). В зоне Персидского залива ожидаемая совместная работа может быть начата с разработки крупнейшего в мире месторождения Северное / Южный Парс, запасы которого оцениваются в 28 трлн куб. м газа и 45 млрд барр. нефти¹⁶. В Каспийском регионе перспективными являются поставки российского газа по газопроводу «Средняя Азия – Центр» для северных провинций Ирана.

Заключение

Регионализм рассматривается в Иране как новая стратегия в условиях постбиполярного мира, призванная создать условия для реализации «сильного Ирана в сильном регионе». Иран позиционирует себя в качестве ключевого центра евразийского транзита в регионе Юго-Западная Азия, системного элемента маршрутов Шелкового пути («Пояс, путь», МТК «Север – Юг», «Новый шелковый путь» и др.).

В условиях нарастающего санкционного давления в 2013 г. Рахбар ИРИ (Рахбар – Верховный лидер) аятолла Али Хаменеи призвал правительство к построению «экономики сопротивления», чтобы отреагировать на санкционное и внешнеполитическое давление. Реализуя комплексный подход в стратегии развития нефтегазового сектора Ирана как ключевого элемента построения экономики сопротивления, руководство ИРИ решает главную проблему – диверсификации иранской экономики. В свою очередь, политика индустриализации и развитие нефтегазовой отрасли имеют критическое значение для региональной стратегии Ирана. Развитие глобального энергетического сотрудничества в рамках БРИКС интересно Ирану технологическими инвестициями и международным партнерством, особенно с Россией и может стать импульсом для развития как транспортных потоков по МТК «Север – Юг», так и вовлечению в них сырья нефтегазовых и других месторождений в пределах транзитного коридора на территории Ирана.

Энергетическая дипломатия ИРИ нацелена на выстраивание перспективных международных партнерств и технологические инвестиции, что должно обеспечить Ирану позиционирование как одного из лидеров глобальных инновационных энергетических решений. Развитие стратегического диалога между Ираном и Россией, Ираном и странами БРИКС в том числе и в нефтегазовом секторе, усиливает их суверенные позиции и указывает на сдвиг в сторону создания многопо-

---

¹⁶ Иваткина М. Россия и Иран могут начать совместную разработку крупнейшего в мире месторождения // Абзац. 05.09.2024. URL: <https://absatz.media/news/89368-rossiya-i-iran-mogut-nachat-sovmestnuyu-razrabotku-krupnejshogo-v-mire-mestorozhdeniya> (дата обращения: 01.10.2024).

лярного энергетического мира. Этот шаг также может стать катализатором реконфигурации глобальных альянсов и энергетической политики, что будет иметь далеко идущие последствия для глобальной энергетической безопасности и геополитики.

Иран завершил первый и начал второй 40-летний этап исламской революции, о чем в день победы над шахским режимом 11 февраля 2019 г. объявил Верховный лидер Али Хаменеи в речи по случаю 40-летия Исламской Республики Иран.

24 сентября 2024 г. президент ИРИ Масуд Пезешкиан с трибуны ООН сделал заявление о вступлении Ирана в эру перехода к «эффективной и конструктивной роли» в меняющемся мире¹⁷, что во многом будет определяться его участием в мировой энергетической политике как глобального центра, обеспечивающих стратегический баланс геополитических интересов цивилизаций Востока и Запада, Севера и Юга.

Литература / References

4. Баскаков И. Д., Крылов Д. С. Энергетическая дипломатия Ирана в нефтегазовой отрасли. В субрегионе Персидского залива // Геоэкономика энергетики. [Baskakov I. D., Krylov D. S. Energy diplomacy of Iran in the oil and gas industry. In the Persian Gulf sub-region // *Geoeconomics of Energy*] 2023. No. 2. Pp. 40–59 (in Russian). DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_40.
5. Пичугин С. В. Нефтегазовый сектор Ирана. Доклад Геологоразведочной компании «ОЗГЕО». [Б.м.], 2023. 21 с. [Pichugin S. V. Oil and gas sector of Iran. Report of the Geological Exploration Company «OZGEO». {No place}, 2023. 21 p. (in Russian)].
6. Полищук А. И. О перспективах развития ИРИ до 2025 г. и Общих направлениях политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ // Роль и место Ирана в регионе. М.: ИВ РАН. 2007. [Polishchuk A. I. Prospects of IRI Development until 2025 and General Policy Directions of the 4th Five-Year Plan of Socio-Economic and Cultural Development of IRI // *The role and place of Iran in the region*. Moscow: IOS RAS, 2007. (in Russian)]. ISBN: 978–5–89282–322–7.
7. Аджили Х., Роушан А. В. Расследование энергетической дипломатии Исламской Республики Иран: президентство г-на Хатами и г-на Ахмадинежада [Ajili H., Roshan A. V. Barresiye diplomaciye enerzhie jomhuriye eslamiye Iran: doran riyasat jomhuriye aghayan Khatami va Ahmadinejad] // *Foreign policy quarterly*. 2014. № 1. P. 99–125. На перс. яз.
8. Годовой отчет о работе Министерства нефти 13-го правительства [Gozareshe amalkarde yek sale vezarate nafte doulate sizdahom]. Министерство нефти Ирана. 2021. 66 с.

---

¹⁷ Iran's President Tells the UN That His Country Wants to Play a 'Constructive Role' in World Affairs // U. S. News & World Report: News, Rankings and Analysis on Politics, Education, Healthcare and More. 24.09.2024. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2024-09-24/irans-present-tells-the-un-that-his-country-wants-to-play-a-constructive-role-in-world-affairs> (accessed: 25.09.2024).

- Изади Дж., Кипур Дж. Энергетическая дипломатия и необходимость ее использования для обеспечения национальных интересов Ирана в мире [Izadi J., Kipoor J. Diplomasīye enerzhi va lozume estefade az an baraye tamīne manafe meli Iran dar jahan] // *Foreign policy quarterly*. 2009. Vol. 1, № 4. P. 139–162. На перс. яз.
- Ислами М. Энергетическая дипломатия Ирана и России: области сближения и расхождения [Islami M. Diplomasīye enerzhi Iran va Russiye: zamine haye hamgaraei va vagaraei] // *Strategy for the 21st year*. 2012. № 64. P. 189–220. На перс. яз.
- Пирзаде А. Иран и энергетическая дипломатия [Pirzade A. Iran va diplomasīye enerzhi] // *Eghtesad va enerzhi*. 1403] // *Экономика и энергетика*. 2024, сентябрь. На перс. яз.
- Пурмохаммади Х., Золфагари М. Энергетическая дипломатия и национальные интересы Исламской Республики Иран [Poorahmadi H., Zolfaghari M. Diplomasīye enerzhi va manafe meliye jomhuriye eslamiye Iran] // *Political knowledge*. 2010. № 1. P. 5–40. На перс. яз.
- Энергетическая дипломатия и экономическое развитие [Qanbari L. Diplomasīye enerzhi va touseye eghtesadi] // *Foreign policy quarterly*. 2017. № 4. P. 181–208. На перс. яз.
- Abbaszadeh P., Maleki A., Alipour M., Maman Y. K. Iran's oil development scenarios by 2025 // *Energy Policy*. 15 February 2013. URL: [Irans Oil developments cenarios by2025 2012.pdf](#)
- Hosseini Adeli S. M. The contribution of energy diplomacy to international security; with special emphasis on Iran // *Iranian review of Foreign affairs*. 2010. No. 2. P. 57–95.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Иваткина М. Россия и Иран могут начать совместную разработку крупнейшего в мире месторождения // Абзац. 05.09.2024. URL: <https://absatz.media/news/89368-rossiya-i-iran-mogut-nachat-sovmestnuuyu-razrabotku-krupnejshego-v-mire-mestorozhdeniya> (дата обращения: 01.10.2024).
- Нефтеперерабатывающие мощности Ирана вырастут на 50% за следующие 3–4 года // *Neftegaz.RU*. 17.09.2021. URL: <https://neftegaz.ru/news/neftechim/697369-neftepererabatyvayushchie-moshchnosti-irana-vyrastut-na-50-za-sleduyushchie-3-4-goda/?ysclid=lq2eim13nk817677930> (дата обращения: 04.10.2024).
- Нефтяной экспорт Ирана побил пятилетний рекорд // *Neftegaz.RU*. 06.07.2023. URL: <https://neftegaz.ru/news/Trading/786111-neftyanoj-eksport-irana-pobil-pyatiletniy-rekord/> (дата обращения: 23.09.2024).
- Россия и Иран решили создать нефтегазовый консорциум, который будет контролировать 40% мировых запасов газа и 15% нефти. 04.06.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZHc42GeMlzZkQEd> (дата обращения: 04.10.2024).
- Видение Исламской Республики на горизонте 2025 года (Cheshm andaze jomhuriye eslamiye iran dar ofoghe 1404 hejri shamsi) // Университет мейбод. URL: https://meybod.ac.ir/userfiles/academic_research/files/academic_research_32.pdf (accessed: 09.09.2024). На перс. яз.

6. Встреча президента и членов правительственной делегации с лидером революции (Didare raeise jomhur va aezaye heyate doulat ba rahbare enghelab) // Информационная база Управления по сохранению и публикации трудов аятоллы Али Хаменеи. 26.08.2017. URL: <https://english.khamenei.ir/news/5082/Economic-orientation-of-Iran-must-divert-from-an-oil-economy> (accessed: 28.09.2024). На перс. яз.
7. Документ Национальной энергетической стратегии страны, утвержденный 4/22/2016 Кабинетом министров. 1-е издание [Sanade melli rahbord energye keshvar mosavabe 4/22/2016 heyatte vaziran] // Организация программы и бюджета. 2017. URL: https://drive.google.com/file/d/1_sKI0SIJpLNLHj__320rCLUrKer-WeQqe/view?usp=sharing (accessed: 28.09.2024). На перс. яз.
8. Заявление «Второй шаг революции», обращенное к народу Ирана [Bayaniye jame dovome enghelab khatab be melate iran] // Информационная база Управления по сохранению и публикации трудов аятоллы Али Хаменеи. 11.02.2019. URL: <https://khl.ink/f/41673> (accessed: 17.09.2024). На перс. яз.
9. Иран и энергетическая дипломатия // Иранская дипломатия. 2023 [Iran va diplomasiye enerzhi // Diplomasiye Irany. 1402]. URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2028783/> (accessed: 03.10.2024). На перс. яз.
10. Информатор на встрече в Шанхае: Иран готов создать всеохватывающий транзитный коридор для соединения участников Шанхая [Khabar dar neshaste shanghai: Iran baraye ijade yek koridore teranziti faragit jahate etesale azaye shanghai amadegi darad] // Tabnak. 27.10.2023. URL: <https://www.tabnak.ir/0052Mx> (accessed: 05.10.2024). На перс. яз.
11. Культура экономики сопротивления в высказываниях Верховного лидера Исламской революции [Farhange eghtesade moghavemati dar bayanat rahbare moazzame enghelabe eslami] // Информационная база Управления по сохранению и публикации трудов аятоллы Али Хаменеи. 2014. URL: <https://khl.ink/f/25365> (accessed: 28.09.2024). На перс. яз.
12. Общая политика седьмого пятилетнего плана. 12.09.2022 [Eblage seyasathai allie barnameye haftom ba uluviyate pishrafte ektesady touam ba edalat. 4001/06/21]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/news-content?id=50920> (accessed: 14.10.2024). На перс. яз.
13. Eni World Energy Review 2023. URL: <https://www.eni.com/en-IT/publications.html> (accessed: 21.09.2024).
14. Iran's President Tells the UN That His Country Wants to Play a 'Constructive Role' in World Affairs // U. S. News & World Report: News, Rankings and Analysis on Politics, Education, Healthcare and More. 24.09.2024. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2024-09-24/irans-present-tells-the-un-that-his-country-wants-to-play-a-constructive-role-in-world-affairs> (accessed: 25.09.2024).
15. Shanahan R. Iran's energy diplomacy // Lowy Institute. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpretor/iran-s-energy-diplomacy> (accessed: 28.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белов Владимир Иванович –
д-р ист. наук, профессор, профессор
кафедры востоковедения
и африканистики Российского
университета дружбы народов имени
Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Belov Vladimir I. – D.Sc. (Hist.),
Professor, Professor of the Department
of the Oriental and African Studies,
RUDN University, Moscow, Russian
Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 303.446.4
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-091-102>

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Елена Викторовна Дунаева

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
elena-vd@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3492-1361>

Аннотация. начало развития революционного движения в Иране в 1978–1979 гг. привлекло большое внимание российских (советских) исследователей-востоковедов, поскольку иранистика, имеющая более чем двухвековую историю, продолжила активно развиваться. Иранская революция и создание Исламской Республики Иран были оценены как уникальные события современности. В советский период иранисты не приняли термин «исламская революция», поскольку оценивали происходящее с идеологических позиций и не верили в возможность духовенства спешно управлять государством.

С начала 90-х гг. ряд оценок был пересмотрен, а начавшиеся в ИРИ процессы либерализации поставили на обсуждение вопросы социального развития и эволюции политической системы. Определенное внимание было уделено изучению противоречий между представителями религиозного фундаментализма и религиозно-политического модернизма. Отслеживалось развитие политических партий и организаций. Российские иранисты отмечали усиление консервативных тенденций во внутривнутриполитической жизни ИРИ с середины первого десятилетия XXI в. и нарастание внутривнутриполитического кризиса, проявлением которого стало снижение политической активности населения и нарастание протестных движений в обществе. Эти тенденции во многом объяснялись влиянием внешнего фактора, в первую очередь, введением санкций, а также стремлением консервативных сил воспрепятствовать развивающимся в обществе модернизационным процессам.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, шиитское духовенство, либерализация политической жизни, религиозный фундаментализм, религиозно-политический модернизм

Для цитирования: Дунаева Е. В. Российская историография по вопросам политического развития Исламской Республики Иран. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):91-102. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-091-102>

Original article. Politics studies

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON POLITICAL DEVELOPMENT OF ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Elena Dunaeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
elena-vd@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3492-1361>

Abstract. The beginning of the revolutionary movement in Iran in 1978–1979 attracted great attention of Russian (Soviet) orientalist researchers, as Iranian studies, which had more than

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

two centuries of history in Russia, continued to develop actively. The Iranian Revolution and the establishment of the Islamic Republic of Iran were appreciated as unique events of modern times. During the Soviet period, Iranologist did not accept the term Islamic Revolution because they evaluated the events from ideological positions and did not believe in the ability of the clergy to successfully govern the state.

Since the early 1990s, a number of assessments have been revised, and the processes of liberalization that began in IRI have brought the issues of social development and the evolution of the political system into discussion. Some attention was paid to the study of contradictions between representatives of religious fundamentalism and religious-political modernism. The development of political parties and organizations was traced.

Russian Iranologists noted the strengthening of conservative trends in the domestic political life of Iran from the middle of the first decade of the 21-st century and the growing internal political crisis, which manifested itself in a decrease in the political activity of the population, an increase in protest movements in society. These trends were largely due to the influence of an external factor, primarily sanctions, as well as the desire of conservative forces to prevent the modernization processes in society.

Keywords: Islamic Republic of Iran, Shiite clergy, liberalization of political life, religious fundamentalism, religio-political modernism

For citation: Dunaeva E. V. Russian Historiography on Political Development of Islamic Republic of Iran. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):91-102. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-091-102>

45 лет тому назад Иран стал ареной, на которой с невероятной быстротой разворачивались события, привлёкшие внимание всего мира. Народное революционное движение, имевшее антишахскую, антиимпериалистическую направленность, свергло один из самых древних и крепких монархических режимов. Революционное движение развернулось в стране, преодолевшей свою экономическую отсталость, вставшей на путь модернизации и динамично развивающейся.

Российская (советская) иранистика, внесшая серьёзный вклад в изучение истории, культуры, языков и социально-экономических проблем Ирана, уделила большое внимание изучению и детальному анализу как революционных событий, так и дальнейшему политическому развитию страны после становления Исламской республики.

Поскольку анализ изучения причин, хода и характера революции 1978–1979 гг. уже не раз проводился в российской историографии, в данной статье будут рассмотрены оценки российских авторов периода становления Исламской республики и развития политического процесса в ИРИ за прошедшие 45 лет.

После свержения власти шаха на повестку дня был поставлен вопрос о создании новой политической системы. Процесс складывания нового исламского режима начался уже в январе 1979 г. В последние

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

дни марта 1979 г. был проведен референдум о будущем государственном устройстве, на котором иранский народ поддержал идею исламской республики, которая и была провозглашена 1 апреля. В основе политического устройства лежал обоснованный аятоллой Хомейни принцип вelaye факих, а исламская республика рассматривалась как государство религиозного народовластия (мардомсалари-йе дини). Прошедшие четыре с половиной десятилетия показали живучесть этой уникальной модели политического устройства, функционирующей на основе собственной политической традиции, и ее способность отвечать как на внутренние, так и на внешние вызовы [40 лет..., 2020, с. 62–63].

В начале 80-гг. исследователи и политологи высказывали различные оценки относительно характера революции и вновь создаваемой государственной модели: основное понимание сути событий было основано на идеологическом подходе, утвердившемся в советском востоковедении. Однако в научной среде шли чрезвычайно активные дискуссии, выражались различные мнения и оценки. Детально отслеживались события, связанные со складыванием нескольких центров власти, созданием отрядов пасдаров, позднее объединившихся в Корпус стражей исламской революции, разработкой нескольких проектов новой конституции, спецификой «левых» и «правых» на иранском политическом поле. Иранисты изучали воззвания и документы, теоретические взгляды авторитетных представителей шиитского духовенства и других течений, участвовавших в революции, шаг за шагом анализировали события и изучали феномен иранской революции, а также процесс складывания новой системы государственного устройства, что нашло отражение в многочисленных публикациях, в основном в спецбюллетенях Института востоковедения РАН, которые носили закрытый характер.

Одной из первых работ, рассматривающих становление новой власти, стала работа известного ираниста С. Л. Агаева «Иран: рождение республики», в которой автор очень детально проанализировал события периода Временного революционного правительства, который он назвал периодом институционализации власти шиитского духовенства под руководством «бесспорного и общепризнанного лидера революции аятоллы Хомейни», а также период президентства А. Банисадра, смещение которого в июне 1981 г. окончательно закрепило за духовенством непосредственное руководство всей системой государственного управления [Агаев, 1984, с. 308], отмечая при этом, что это «традиционный, по сути, теократический режим, хотя и использующий современные парламентско-представительские формы» [Агаев, 1984, с. 18].

По его убеждению, «Иран стал единственной мусульманской страной, где исламские политические силы смогли взять власть на волне

подлинно всенародной революции», а Исламская республика представляла собой современный иранский революционный феномен [Агаев, 1984, с. 4].

Дальнейшее развитие политического процесса за первое послереволюционное десятилетие, в ходе которого была разработана и принята конституция, заложены основы новой политической системы, сформированы органы власти, проходила острая внутривластная борьба и укреплялись позиции духовенства во власти, а также наблюдалось выделение двух основных религиозно-политических течений внутри Партии Исламской Республики (ПИР), нашло свое отражение в наиболее фундаментальной коллективной монографии сотрудников Института востоковедения АН СССР под руководством А. З. Арабаджяна «Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки». Эта коллективная монография представляет собой комплексное исследование политических, социально-экономических причин антишахского движения, хода революционных событий, отражение внутривластной борьбы, становления системы новых органов власти, выстраивания внутренней и внешней политики, закладывания основ исламской экономики, которое было осуществлено впервые в мировой иранистике. Широта поднятых проблем, глубокое изучение документов и материалов СМИ, обоснованность выводов несомненно являются основными достоинствами этого исследования. В его подготовке приняли участия многие широко известные иранисты – С. М. Алиев, А. З. Арабаджян, Е. А. Дорошенко, О. И. Жигалина, В. Б. Кляшторина, Л. М. Кулагина, Н. М. Мамедова, Л. Е. Складаров, В. И. Юртаев и другие.

В то же время нельзя не отметить, что даже к 1989 г. в российской иранистике не сложилось единого подхода к оценкам иранских революционных событий. Термин «исламская революция» не использовался советскими иранистами, духовенство, хотя и было признано гегемоном революции, не рассматривалось как сила, которая может успешно управлять государством, и считалось «неспособным предложить обществу историческую перспективу» [Иранская революция, 1989, с. 454–458]. Нужно признать, что ряд выводов и оценок в этой работе был сделан под влиянием господствующих в тот период мировоззренческих установок, недостаточности изучения религиозно-идеологического аспекта революционных событий и недооценки идей политического ислама, неверия в устойчивость исламского режима и его возможность обеспечить развитие страны.

Для более глубокого понимания общественно-политической роли шиитского духовенства в иранском обществе, а также его участия в политических процессах известный иранист Е. А. Дорошенко, занимав-

шаяся изучением положения и деятельности иранского духовенства еще с начала 70-х гг. XX в., продолжила свои исследования, уделяя больше внимания анализу идеологических концепций шиизма, в основе которых лежит неразделимость ислама и политики, и отмечает потенциальные возможности шиизма как фактора развития самого духовенства, что и определило его роль в социально-политической истории Ирана. Она приходит к мысли о том, что «своеобразие революционного развития, происходившего на рубеже 70-х-80-х годов XX в. в Иране, динамика социальных, политических и культурных процессов, имевших место в этой стране и оказавших большое влияние на весь исламский регион Ближнего и Среднего Востока, говорит о потенциальных возможностях шиизма как элемента развития ...» [Дорошенко, 1998, с. 224]. Е. А. Дорошенко публикует в 1985 г. монографию «Шиитское духовенство в современном Иране», а позднее защищает докторскую диссертацию по теме «Шиитское духовенство в двух революциях 1905–1911 и 1978–1979 гг.», которая была опубликована уже после ее смерти в 1998 г. В этой работе автор прослеживает появление теорий исламского правления и их развитие и реализацию в условиях Исламской республики. Автор, признавая, что революционные события в Иране носили исламский характер и лидером их стало духовенство, в тоже время не использует в работе термин «исламская революция», более того, отмечает, что «революция 1978–1979 гг. ... явилась политической реакцией на автократический режим шаха и засилие империализма в Иране с неожиданным переходом от демонстраций к революции». Она обращает внимание и на отсутствие единства среди духовенства и существование различных подходов к формированию новой системы власти. В заключительных словах своей работы, относящихся уже к периоду после смерти имама Хомейни, Е. А. Дорошенко прогнозирует, что «борьба за политическую власть в Иране еще не закончена... она продолжается» [Дорошенко, 1998, с. 226]. С середины 80-х гг. разногласия среди духовенства по вопросам дальнейшего развития страны становятся очевидностью и приводят к его расколу на правых и левых, роспуску ПИР и размежеванию внутри основных политических организаций, а с 90-х гг. усиливается противостояние между сторонниками религиозного фундаментализма и религиозно-политического модернизма, которое не идет на спад и в последующие десятилетия. Таким образом, это предвидение оказалось чрезвычайно актуальным и полностью реализовалось в политической истории ИРИ.

В конце 80-х – начале 90-х гг. иранист Л. Е. Скляров, находившийся в период революционных событий в Иране, развивал идею о том, что свержение монархии – этот контрреволюция мелкой буржуазии и средних

слоев по отношению к революционным преобразованиям шаха, направленным на модернизацию страны. Он исходил из того, что «в Иране ... промышленно-капиталистический уклад был ведущим и структурообразующим, для подобной революции не было почвы» [Скляр, 1993, с. 237]. В своей работе «Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности», проанализировав концепцию исламской власти Хомейни и опыт ее реализации в первое послереволюционное десятилетие, он делает вывод о том, что «шахская диктатура была заменена хомейнистской диктатурой, ... которая являлась мелкобуржуазно-клерикальной диктатурой, цель которой заключалась в сохранении и упрочении традиционной мелкотоварной системы «базара» как гаранта сохранения и упрочения власти шиитских ортодоксов» [Скляр, 1993, с. 236]. Л. Е. Скляр, подводя итог деятельности захватившей власть в стране «узкой группы богословов, преданных диктатору Хомейни», отмечает, что «десятилетие «эпохи Хомейни» тяжело отразилось на стране, затормозило ее политическое, экономическое, социальное и культурное развитие, нанесло огромный материальный ущерб, привело к многочисленным человеческим жертвам» [Скляр, 1993, с. 234]. В то же время в действиях нового президента ИРИ А. А. Хашеми Рафсанджани, избранного на этот пост после смерти имама, автор увидел попытки вернуть Иран на закономерный путь социально-экономического развития вопреки жесткому курсу исламизации всех сфер жизни, проводимому Хомейни, причем в рамках исламской республики.

В российской иранистике большинство исследователей не разделяло идею Л. Е. Склярова в целом, оставаясь на позиции «иранской революции», носившей уникальный характер, хотя отдельные его утверждения и выводы считало достаточно обоснованными и реалистичными. Можно предположить, что работа, подготовленная в период распада СССР, краха социалистической системы, идеологического вакуума, была своеобразной попыткой пересмотреть с критической точки зрения ряд установок, сложившихся в иранистике в позднесоветский период.

90-е гг. – новый этап развития ИРИ, характеризующийся переходом к политике экономической либерализации, проведение которой начал избранный президентом ходжат-оль-ислам А. А. Хашеми Рафсанджани. Прагматичный либеральный курс президента в экономике и внешней политике заложил основы для начала общественно-политической либерализации. С. М. Алиев в своей монографии «История Ирана XX век», вышедшей в 2004 г., детально рассмотрел ключевые моменты политического развития Исламской республики с момента ее становления до начала XXI в. В заключительной части работы автор, отмечая возраставшие разногласия между левой и правой группировками в верхах, пишет:

«Современная политическая ситуация, которая сложилась после 1997 г., предвещает новые значительные коллизии в политической, религиозно-идеологической и культурной жизни ИРИ в наступающем XXI столетии» [Алиев, 2004, с. 548].

С середины 90-х гг. активизируется деятельность политических партий и организаций и начинается формирование партийной системы. В эти и последующие годы внимание иранистов, политологов, международных было сосредоточено на изучении основных тенденций либерализации исламского режима. На обсуждение были поставлены вопросы возможности его эволюции. Иранист Н. М. Мамедова, хотя основное внимание уделяла изучению вопросов социально-экономического развития ИРИ, в своих многочисленных статьях рассматривала специфику и процесс эволюции политической системы. Она видела демократический потенциал иранского общества, широко проявляющийся в ходе выборных кампаний, деятельности меджлиса. В сборнике статей ИВ РАН, подготовленном к 20-летию Исламской революции, Мамедова отмечала, что опыт развития Ирана в условиях исламского правления «уникален и чрезвычайно актуален с точки зрения мирового исторического процесса» [Мамедова, 1999, с. 52]. Соглашаясь, что исламский режим в первое десятилетие своего существования в условиях военного времени приобрел авторитарно-теократические черты, она также отмечала, что «постепенно правительство, подталкиваемое объективными потребностями иранской экономики, стало корректировать свою политику» и эволюционировать в сторону либерализации [Мамедова, 1999, с. 55]. В начале 2000-х гг. Н. М. Мамедова постоянно возвращалась к анализу политической проблематики, подчеркивала уникальный характер созданной государственной системы, прагматизм, который всегда отличал находящихся у власти представителей высшего духовенства, готовность к адаптации, отмечала нарастание тенденций к демократизации внутривнутриполитической жизни с приходом к власти М. Хатами [Иран: ислам и власть, 2001, с. 14, 52]. Чрезвычайно прозорливым представляется ее замечание относительно многочисленности вновь появившихся в этот период партий, формирующих различные блоки в парламенте. По мнению автора, наиболее предпочтительной для Ирана являлась бы биполярная политическая система [Иран: ислам и власть, 2001, с. 20].

Зарождение партий в Иране, характер деятельности политических организаций духовенства в ИРИ и попытки выстраивания партийной системы в конце 90-х – начале 2000-х гг. проследила Л. М. Раванди в своей работе «Политические партии и группировки в Иране». Оценивая процесс расширения политического участия населения, она отмечала, что партийная система в Иране не развита, она характеризуется фракцион-

ностью и оказывает слабое влияние на политическую жизнь общества за исключением предвыборного периода.

Анализируя внутривнутриполитическую динамику в ИРИ, исследователи едины во мнении, что взаимодействие двух основных идеолого-политических течений консервативного (осулгаран) и либерального направления (эслахталабан) определяло развитие политического процесса в ИРИ, а их попеременное преобладание в органах исполнительной и законодательной власти обеспечивало внутривнутриполитическую стабильность.

Вопреки существующим в конце 90-х гг. в западной историографии утверждениям о возможностях трансформации исламского режима в светский через усиление республиканской власти иранисты России подчеркивали сильную исламскую составляющую в политической системе, отмечая, что инициативы проведения курса на большую прозрачность политической жизни и экономическую либерализацию исходили от религиозных деятелей, наделенных властными полномочиями.

Стоит обратить внимание и на еще одно достаточно значимое утверждение Н. М. Мамедовой о том, что организации духовенства и ряд политических партий, тесно связанных с религиозными структурами, являются субъектами политического процесса, поэтому исламский фактор в определенной степени направляет и в то же время контролирует и ограничивает развитие политической системы, что и наблюдается в Иране с середины первого десятилетия XXI в.

Некоторая либерализация политической жизни при президенте М. Хатами привела к ослаблению исламской составляющей режима, выразившемуся в снижении влияния религиозных институтов на общество. Наблюдалось падение влияния организаций духовенства на политическую жизнь, что особо было заметно в ходе выборных кампаний. Шел процесс сегментации внутри идеологических течений, и обособились наиболее радикальные группировки как у реформаторов, так и у консерваторов. Начался процесс смены элит: к руководству политических организаций и государственных структур приходят более молодые поколения, в основном, участники ирано-иракской войны.

С приходом на пост президента М. Ахмадинежада, внутренняя политика которого была направлена на возрождение идеалов Исламской революции в обществе и укрепление исламских норм, при изучении политических процессов исследователи основное внимание уделили анализу внутреннего противостояния двух идеолого-политических течений.

В этой связи нельзя не отметить работы Н. А. Филина, поднимавшего темы легитимации власти в ИРИ, занимавшегося анализом фак-

торов устойчивости политической системы [Филин, 2012], специфики и углубления межэлитного конфликта и сделавшего вывод о том, что «периоды наибольшей конфликтной активности совпадают с предвыборными кампаниями» [Филин, 2013, с. 114]. По такому сценарию пошло развитие событий в 2009 г. Причем призывы наиболее радикальных сил к ликвидации системы вelaye-факих вызвали недовольство населения, которое вышло на демонстрации в поддержку духовного лидера. Эти события показали, что многие иранцы не стремятся к коренным переменам и выступают лишь за частичное реформирование политической системы. Этот вопрос был поставлен на повестку дня даже духовным лидером страны, однако давление внешних факторов – введение санкций в виду развития Ираном своей ядерной программы отодвинули решение этого вопроса.

Отслеживая предвыборные ситуации, анализируя конфликт внутриполитических интересов мусульманского консерватизма и религиозно-политического реформизма, который по своей сути отражает противостояние традиционности и тенденций модернизации, исследователь Е. В. Дунаева отмечала, что «любые действия исполнительной власти на пути либерализации наталкиваются на жесточайшее противостояние консерваторов ... которые, используя исламскую риторику ... требуют тотального контроля духовенства и КСИР над внешней и внутренней политикой» [Дунаева, 2017, с. 60]. Анализируя конфликт внутриполитических интересов мусульманского консерватизма и религиозно-политического реформизма, она отмечала, что «периодически их соперничество обострялось настолько, что переходило в серьезный конфликт, который, усугубляясь и вовлекая более широкие слои, в то же время не достигал уровня, который бы представлял угрозу стабильности режима» [40 лет Исламской Республике Иран, 2020, с. 65].

Иранисты обращают внимание, что в последнее десятилетие политический процесс демонстрирует многочисленные конфликты внутри общества и внутри власти. Наблюдается рост числа недовольных радикализацией внутренней политики и усиливается недоверие населения к власти, идет нарастание межэлитного противостояния с одной стороны и снижение у иранцев интереса к политической жизни – с другой. Эти тенденции проявились в оппозиционных движениях, количество и размах которых увеличился в последние пять лет. Недовольство общества властью демонстрируют и выборные кампании последних лет, в ходе которых наблюдается самая низкая со времен исламской революции явка на выборы [Дунаева, 2024]. Власти прибегают к насилию и не готовы адекватно реагировать на изменившиеся обществен-

ные отношения. Понимая, что внутривполитическая ситуация в Иране в последние годы развивается под влиянием ухудшающейся экономической ситуации как результата санкций, в то же время эксперты отмечают, что изменение социальной структуры общества и выход на политическую арену нового послереволюционного поколения будут оказывать все большее влияние на политические процессы в стране [Дунаева, Мамедова, Сажин, 2023].

Большинство иранистов осознают, что в настоящее время Исламская Республика Иран переживает глубокий кризис. Экономические проблемы как результат санкций, сложные отношения с западными государствами, резкое обострение ситуации на Ближнем Востоке накладываются на противостояние между властью и населением. Очевидно, что без проведения значительных преобразований внутри страны и усиления тенденций либерализации в политической и социально-культурной сферах такая ситуация будет представлять угрозу не только стабильности, но и самому существованию страны. В то же время 45-летний опыт развития Ирана, его достижения в экономике, социальной сфере, культуре, науке и технологиях демонстрируют возможность реализации проекта модели общественной модернизации в условиях исламской государственной системы, в основе которой лежит национальная культурно-религиозная традиция.

Литература / References

1. Агаев С. Л. Иран: рождение республики М.: Политиздат, 1984. 336 с. [Agaev S. L. Iran: Birth of a Republic. Moscow: Politizdat, 1984. 336 p. (in Russian)].
2. Алиев С. М. История Ирана XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. 645 с. [Aliyev S. M. Iran in the 20-th Century. Moscow: IOS RAS; KRAFT+, 2004. 645 p. (in Russian)].
3. Вылцан С. Е. Законодательная власть в Исламской Республике Иран. М.: Проспект, 2023. 176 с. [Viltsan S. E. Legislative power in the Islamic Republic of Iran. Moscow: Prospect, 2023. 176 p. (in Russian)].
4. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979. М.: ИВ РАН, 1998. 240 с. [Doroshenko E. A. Shia clergy in two Revolutions: 1905–1911 and 1978–1979. Moscow: IOS RAS, 1998. 240 p. (in Russian)].
5. Дунаева Е. В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности // Религия и общество на Востоке. 2017. Выпуск 1. С. 51–68. [Dunaeva E. V. Iran: Islamic Political Identity and Challenge of Modernity // Religion and Society in the East. 2017. Vol. 1. Pp. 51–68. (in Russian)].
6. Дунаева Е. В. Итоги выборной кампании в меджлис в Иране // Восточная аналитика. 2024. № 1 (15). С. 163–176. [Dunaeva E. V. Results of Parliamentary Elections in Iran // Eastern Analytics. 2024. No 1(15). Pp. 163–176. (in Russian)]. EDN: OPAVFQ

7. Дунаева Е. В., Мамедова Н. М., Сажин В. И. Иран: проблемы и протесты // Восточная аналитика. 2022. № 4 (13). С. 9–30. [Dunaeva E. V., Mamedova N. M., Sazhin V. I. Iran: Problems and protests // Eastern Analitics. 2022. No. 4 (13). Pp. 9–30. (in Russian)]. EDN: BNINHU
8. Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. М.: Наука, 1989. 557 с. [Iranian Revolution. Causes and lessons. Moscow: Nauka, 1989. 557 p. (in Russian)].
9. Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М.: ИВ РАН, 1999. 214 с. [Islamic Revolution in Iran: past, present, future. Moscow: IOS RAS, 1999. 214p. (in Russian)].
10. Мамедова Н. М. Тенденции демократизации во внутривнутриполитической жизни Исламской Республики Иран // Иран: ислам и власть. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2001. 280 с. [Mamedova N. M. Trends of democratisation in the internal political life of the Islamic Republic of Iran // Iran: Islam and power Moscow: IOA RAS; Kraft+, 2001. 280 p. (in Russian)].
11. Мамедова Н. М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 152–165. [Mamedova N. M. Political system of the Islamic Republic of Iran: peculiarities and possibilities of transformation // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 152–165 (in Russian)].
12. Скляр Л. Е. Иран 60-х-80-х годов. Традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. М.: Наука, 1993. 255 с. [Skliarov L. E. Iran in the 60s-80s: traditionalism versus modernity. Revolution and counterrevolution. Moscow: Nauka, 1993. 255 p. (in Russian)].
13. 40 лет Исламской Республике Иран. Коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2020. 358 с. [40 years of the Islamic Republic of Iran. Moscow: IOA RAS, 2020. 358 p. (in Russian)].
14. Раванди-Фадаи Л. М. Политические партии и группировки в Иране. М.: ИВ РАН, 2010. 216 с. [Ravandi-Fadayi L. M. Political parties and groups in Iran. Moscow, 2010. 216 p. (in Russian)].
15. Филин Н. А. Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979–2008): факторы устойчивости государственной власти. М.: РГГУ, 2012. 284 с. [Filin N. A. Socio-historical Development of the Islamic Republic of Iran (1979–2008): Factors of State Power Sustainability. Moscow: 2012. 284 p. (in Russian)].
16. Филин Н. А. Исследование конфликта элит в современном Иране // Власть. 2003. № 2. С. 112–115. [Filin N. A. Exploring elite conflict in contemporary Iran // Vlast. 2003. No. 2. Pp. 112–115 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дунаева Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук; доцент ИСАА МГУ, Москва, Россия

Dunaeva Elena V. – PhD (Hist.), Senior Researcher, Center of Middle East Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science; Associate Professor, Moscow Lomonosov University Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК (323 + 327) (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-103-114>

46-Й ГОД ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН: ВОЗМОЖНЫ ЛИ ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

Елена Викторовна Дунаева

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
elena-vd@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3492-1361>

Аннотация. После гибели президента И. Раиси в авиакатастрофе в июне 2024 г. в ИРИ проводились чрезвычайные президентские выборы. По итогам двухступенчатого голосования к руководству исполнительной властью пришел представитель либерального блока сил М. Пезешкиан. Тем самым было разрушено абсолютное доминирование представителей консервативного фланга во всех органах государственной власти. Президент и его команда пытаются предотвратить углубление тенденций исламского радикализма в политической и социально-культурной сферах. Силы, пришедшие в исполнительную власть, заявили о стремлении скорректировать внешнеполитический курс, добиваться снятия санкций, разрешить основные проблемы в общественной сфере. Представители высшей власти, допустив реформаторов к выборам, стремились повысить процент явки на выборы и укрепить доверие общества к власти. Президент и правительство сталкиваются с многочисленными сложностями в реализации поставленных задач. С одной стороны, наблюдается осложнение региональной ситуации, государства Запада в настоящее время не готовы идти на переговоры с Ираном. В сфере внешней политики активно продвигается взаимодействие ИРИ с Россией, Китаем, государствами БРИКС, ШОС и ЕАЭС. С другой стороны, радикальные консерваторы в парламенте и других органах власти активно противостоят курсу президента, на которого уже давят реформаторы и общественность, ожидая реализации данных на выборах обещаний.

Ключевые слова: президентские выборы, М. Пезешкиан, реформаторы, снятие санкций, вопрос хиджаба, радикальные консерваторы

Для цитирования: Дунаева Е. В. 46-й год Исламской Республики Иран: возможны ли изменения во внешней и внутренней политике. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):103-114. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-103-114>

Original article. Politics studies

THE 46th YEAR OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: WHETHER CHANGES IN FOREIGN AND DOMESTIC POLICY ARE POSSIBLE

Elena Dunaeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
elena-vd@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3492-1361>

Abstract. After the death of President I. Raisi in a helicopter crash in June 2024, an emergency presidential election was held in IRI. As a result of two-stage voting, the representative of the

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

liberal bloc of forces M. Pezeshkiyan came to the leadership of the executive power. Thus, the absolute dominance of representatives of the conservative wing in all bodies of state power was destroyed. The President and his team are trying to prevent the deepening of Islamic radicalism trends in the political and socio-cultural spheres. The forces that have come to executive power have declared their desire to adjust the foreign policy course, to seek the lifting of sanctions and to solve major problems in the public sphere. Iran's top officials, by allowing reformers into the elections, sought to increase voter turnout and restore public confidence in the authorities. The President and the government are facing numerous difficulties in realizing the set tasks. On the one hand, there is a complication of the regional situation, the Western states are currently not ready to negotiate with Iran. In the sphere of foreign policy, Iran is actively promoting interaction with Russia, China, BRICS, SCO and EAEU states. On the other hand, radical conservatives in parliament and other bodies of power are actively opposing the course of the president, who is already under pressure from reformers and the public, waiting for the implementation of his promises made during the elections' campaign.

Keywords: presidential elections, M. Pezeshkian, reformists, lifting sanctions, hijab issue, radical conservatives

For citation: Dunaeva E. V. The 46th Year of the Islamic Republic of Iran: Whether Changes in Foreign and Domestic Policy are Possible. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):103-114. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-103-114>

1 апреля 2024 г. Исламская Республика Иран отметила 45-ю годовщину своего создания, и в Иране, который только вступил в новый календарный 1403 г., названный духовным лидером «годом производственного рывка при активном участии народа», ставили задачи обеспечения более высокого экономического роста и укрепления принципа народовластия (мардомсалари) в экономике¹. В начале года проводились выборы в меджлис 12-го созыва, в котором радикально консервативные силы пытались упрочить свое положение с тем, чтобы создать плацдарм для реализации своего сценария на президентских выборах 2025 г. Однако более 100 мест получили независимые и либерально настроенные депутаты, фундаменталистам удалось занять лишь 85 мест из 290. В ожидании открытия работы парламента нового созыва шла активная борьба за место спикера.

Однако развитие событий пошло не по предвиденному сценарию. 19 мая 2024 г. в результате катастрофы вертолета погиб президент Ирана Ибрагим Раиси, министр иностранных дел М. Абдоллахиян и сопровождавшие их лица. В таком случае, согласно Конституции ИРИ, в течение 50 дней в стране должны проводиться выборы нового президента, которые и были назначены на 28 июня. За предыдущие три месяца в стране

¹ 1403 г. начался 21 марта 2024 г. Об укреплении республиканизма см.: Jashn-e tavallod-e 45 jomhuriye-eslami dar sal-e ertegha'e jomhuriyat dar toulid // IRIB news agency. URL: <https://www.iribnews.ir/00HawM> (accessed: 20.10.2024). На перс. яз.

уже были проведены двухэтапные выборы в парламент и Совет экспертов, и явка на эти выборы была самой низкой за весь период существования ИРИ². Если в ходе первого тура на выборы пришел лишь 41% имеющих права голоса, то данные об участвующих в голосовании по стране в процентном отношении от допущенных к выборам во втором туре (май) не сообщались, публиковалась лишь информация о количестве проголосовавших за того или иного кандидата. В Тегеране, в политическом центре страны, где предстояло довыбрать 16 кандидатов, уровень участия составил лишь 8%³. Отказ от участия граждан в выборных кампаниях демонстрирует их недовольство властью, и такая ситуация на выборах президента не могла не вызывать беспокойство высшего руководства страны, поскольку ставила под вопрос легитимность его выбора и демонстрировала негативное отношение иранцев к власти. Очевидно, что исходя из этого, в высших структурах было принято решение допустить к выборной кампании кандидатов от различных политико-идеологических течений, тем самым расшив для граждан возможность выбора, что могло бы повысить уровень явки и следовательно продемонстрировать более высокий уровень политического участия населения, а соответственно и поддержки режима.

Ввиду срочности проведения выборной кампании был разработан сокращенный график для выдвижения кандидатов – 5 дней, одобрения их кандидатур Наблюдательным советом, и 17 дней агитационной кампании. Претендовало на место президента 80 человек, 57 из них представляли консервативное крыло, среди которых было пять министров правительства И. Раиси, что свидетельствует об отсутствии согласованности в консервативном фланге и договоренностей о едином кандидате в отличие от кампании 2021 г. Свою кандидатуру выставил и М. Б. Галибаф, который одновременно баллотировался на место спикера нового меджлиса, который начинал работу 27 мая, т. е. за день до президентских выборов.

Стоит отметить, что в настоящее время консерваторы разделены на несколько течений: умеренно-консервативное, или традиционалисты (*sonnatgaran*), ориентирующиеся на партию Моталафе и Общество борющегося духовенства, неоконсерваторы, в основном сторонники М. Б. Галибафа – (*nouosulgaran*) и более радикальное – фундаменталисты (*tondravan*), ориентирующиеся на идеи укрепления власти духовного лидера. К консервативному флангу надо отнести и прореформаторски

---

² Подробнее о выборах в парламент см.: [Дунаева, 2024].

³ *Moghayase-ye meyzan-e mosharakat dar entekhabat dar Tehran* // *Entekhab.ir*. URL: <https://www.entekhab.ir/fa/news/781908/> (accessed: 20.10.2024). На перс. яз.

настроенных консерваторов или прагматиков (*osulgaran-e tahavvol-khah*), наиболее известным представителем которых можно считать Али Лариджани. Поскольку в настоящее время фундаменталисты укрепились в государственных структурах и требуют проведения жесткой линии на укрепление исламской составляющей во всех сферах политической и социально-культурной жизни, что не соответствует чаяниям большей части иранского общества, то усиливается противостояние внутри этого лагеря, и другие течения по целому ряду вопросов занимают позиции, схожие с либеральными.

Лагерь реформаторов и умеренных представляли шесть человек, одним из которых был М. Пезешкиан, который, будучи избранным в парламент от г. Тебриз⁴, шел на президентские выборы как самовыдвиженец. Он был известен в реформаторских кругах, поскольку уже пять раз избирался в парламент, занимал должность министра здравоохранения и медицинского образования второго правительства М. Хатами (2001–2005 гг.). К началу выборной кампании либеральные силы, которые были полностью вытеснены из всех органов власти после 2021 г., оказались раздроблены, их наиболее яркие фигуры не получили поддержки электората на парламентских выборах, так как в ходе второго срока президентства Х. Роухани упустили свою общественную базу, поскольку не смогли реализовать никаких данных в ходе агитационной кампании обещаний. Их политический курс, в ходе которого была сделана ставка исключительно на заключение СВПД и помощь стран Запада, привел к усилению исламского радикализма во внутренней политике. После периода президентства М. Хатами реформаторы не сумели представить никакой новой программы, отвечающей изменившейся ситуации в обществе, не сумели проявить себя в ходе протестной кампании 2022 г.

Часть реформаторских групп предлагала бойкотировать выборы, поддерживая тренд эмигрантских организаций, как это произошло в ходе парламентских выборов. Лишь вмешательство М. Хатами, который не поддерживал участие этого фланга в парламентских выборах, но выступил с призывом идти на выборы президента, изменило ситуацию. Партия «Неда-йе ираниян» (Голос иранцев), либеральная «Этедааль ва Тоусеэ» (Умеренность и развитие), бывшая опорой Х. Роухани, Фронт реформаторов, который в настоящее время возглавляет Азар Мансури – генеральный секретарь партии «Эттехад-е меллат» (Союз народа) и «Маджма-е нируха-йе хатт-е эмам» (Ассоциация сил – сторонников

---

⁴ М. Пезешкиан на провинциальном уровне не был допущен соответствующими комиссиями к парламентским выборам в марте 2024 г., и лишь после обращения верховного лидера к Наблюдательному совету в связи с недопущением большого количества кандидатов вопрос о его допуске был пересмотрен. Он был избран в меджлис в первом туре.

линии имама), которой руководит Сейед Хади Хаменеи (брат А. Хаменеи) после одобрения кандидатуры М. Пезешкиана Наблюдательным советом, выразили ему поддержку, сделав ставку на единого кандидата, поскольку именно в его лице видели возможность изменить курс страны. Его кандидатуру поддержали и партии Каргозаран-е сазендеги (Созидатели) и «Этемад-е мелли» (Доверие народа). Для организации предвыборной пропаганды и выработки программы была сделана ставка на авторитетные политические фигуры – М. Дж. Зарифа и популярного в молодежных кругах бывшего министра связи и информационных технологий М. Дж. Азери Джахарами. Наиболее авторитетные фигуры либеральной ориентации – Сейед Хасан Хомейни, Х. Роухани, а также А. Лариджани приветствовали кампанию М. Пезешкиана, сформировав коалицию сил «За Иран» с целью предотвратить дальнейшее укрепление идей фундаментализма⁵. Его кандидатуру поддержала религиозная прореформаторская организация – Ассоциация борющегося духовенства.

Делая ставку на М. Пезешкиана, этот неофициальный союз принял во внимание его этническое происхождение – азербайджанец, курд по материнской линии, говорящий на этих двух языках, что помогало привлечь эти этнические меньшинства к участию в кампании. Кроме того, М. Пезешкиан – известный врач, высокопрофессиональный практикующий кардиохирург, чье имя не фигурировало в коррупционных или политических скандалах. Он также отличается религиозностью, соблюдает все мусульманские обязанности и традиции, хорошо знает Коран. Всё это рассматривалось как дополнительный бонус, который может привлечь к нему внимание электората.

На выборы Наблюдательный совет допустил шесть кандидатов. Основными соперниками этого кандидата на выборах стали неоконсерватор М. Б. Галибаф и представитель радикально консервативного течения Саид Джалили, который был секретарем Высшего совета национальной безопасности в период президентства М. Ахмадинежада, он же вел безуспешные переговоры с группой 5+1. В настоящее время С. Джалили остается в этом совете представителем духовного лидера и входит в Совет по определению целесообразности. С. Джалили оказывал поддержку И. Райси в 2021 г., однако в последние полтора года резко критиковал деятельность его правительства за недостаточную твердость в решении

---

⁵ Hemayat-e gostar-de-ye eslahtalab va miyanerouha az pezeshekiyan // Ham-Mihan. URL: <https://hammihanonline.ir/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%AA%DB%8C%D8%AA%D8%B1-%DB%8C%DA%A9-14/17190-%D8%AD%D9%85%D8%A7%DB%8C%D8%AA-%DA%AF%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%AF%D9%87-%D8%A7%D8%B5%D9%84%D8%A7%D8%AD-%D8%B7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D9%85%DB%8C%D8%A7%D9%86%D9%87-%D8%B1%D9%88%D9%87%D8%A7-%D8%A7%D8%B2-%D9%BE%D8%B2%D8%B4%DA%A9%DB%8C%D8%A7%D9%86> (accessed: 22.10.2023). На перс. яз.

важных вопросов. Он считается сторонником наиболее консервативного курса, что и проявилось в ходе его предвыборной кампании.

В отличие от С. Джалили М. Б. Галифаб выступал с более прагматичных позиций, заявляя о необходимости проведения изменений в системе управления и в обществе, хотя воздержался от их конкретизации. Одновременно он договаривался о поддержке независимых кандидатов и либералов, фракция которых в новом меджлисе насчитывала более 90 человек, с тем чтобы выступить единым фронтом против радикалов, поддерживаемых С. Джалили, стремившихся получить место спикера и его заместителей в руководстве нового меджлиса.

Еще одним кандидатом на пост президента стал ходжат-оль-эслам Мустафа Пурмохаммади, министр внутренних дел в правительстве М. Ахмадинежада и министр правосудия в правительстве Х. Роухани. Он, являясь руководителем организации «Общество борющегося духовенства», которая традиционно выражала интересы консерваторов-традиционалистов, представлял умеренно консервативное течение. Его шансы были ограничены, поскольку в настоящее время это течение не имеет прочной социальной опоры, однако его лозунги также были направлены против радикализма.

Допущенные к участию в выборах Али Реза Закани (мэр Тегерана) и Амир Хосейн Гази-заде Хашеми (глава Фонда шахидов и поддержки ветеранов войны) отражали интересы радикальных консерваторов – последователей И. Раиси, но не имели реальных шансов на победу.

Основным лозунгом избирательной кампании М. Пезешкиана стало изречение: «Ради Ирана, с народом Ирана, на основе закона и справедливости». Программа этого кандидата была предельно сконцентрирована на экономических и социальных задачах: искоренение несправедливости в обществе, снижение уровня бедности, обеспечение для всех групп, слоев, этносов равных условий, борьба с инфляцией, ростом цен, коррупцией, защита прав и интересов женщин. Он много говорил о необходимости достижения единства всех политических сил страны и привлечения лучших представителей всех слоев общества и всех идеологических течений для решения проблем страны.

Стоит отметить, что в отличие от других кандидатов Пезешкиан в ходе встреч с населением часто прибегал к популистским высказываниям, называл себя голосом народа, заявлял, что представляет всех недовольных и сам стремится к изменениям. Однако он воздерживался от достаточно определенных обещаний и конкретизации цифр, которые могли бы быть достигнуты в результате работы его правительства.

Основным путем решения экономических трудностей он считал снятие санкций путем договоренностей с США и ЕС. Пезешкиан открыто

заявлял о необходимости корректив внешнеполитического курса и развития отношений со всеми государствами, при этом подчеркивал сохранение прочных связей с Китаем и Россией и своими соседями.

Штаб Пезешкиана осознавал необходимость привлечения молодежи, особенно тех групп, которые поддерживали протестные акции 2022 г., для обеспечения соответствующего уровня поддержки и мобилизации «серых» слоев электората. Запросы этих слоев также нашли отражение в программе кандидата. Он поднял вопрос о необходимости снять ограничения на скорость интернета, разрешить использование международных соцсетей. Во внутривнутриполитической сфере он пообещал отказаться от использования патрулей нравственности и пересмотреть политику наказания женщин, не соблюдающих исламские нормы дресскода.

В ходе кампании (и уже после выборов) Пезешкиан подчеркивал почитание духовного лидера, (он более других кандидатов упоминал имя А. Хаменеи), свою глубокую религиозность, многократно цитировал Коран, строго соблюдал религиозные традиции, демонстрировал свободу общения со всеми слоями населения, а также простоту своего образа жизни.

Президентские выборы проходили в два тура. В первом М. Пезешкиан получил 43% голосов, вторым был С. Джалили – 39%⁶. Оба вышли во второй тур. Предполагалось, что С. Джалили может получить голоса других участников, по крайней мере троих, поскольку все они представляют консервативный спектр течений. Таким образом выборы вышли на уровень биполярной конкуренции: умеренно либеральные силы vs радикально консервативные. Однако во втором туре Пезешкиана поддержала не только часть электората реформаторов, которая прониклась призывами его штаба и, связав с его именем надежды на перемены в стране, пришла на выборы. Проголосовали за него и сторонники умеренных консерваторов, а также последователи Галибафа. Уникальность этих выборов проявилась в том, что явка во втором туре была выше, чем в первом, на 10%: 49,8% и 39,9%. Отметим, что явка на прошлые президентские выборы (2021 г.) составила 48,7%⁷. Анализ участвовавших в голосовании показал, что 6% голосовавших в первом туре уже не пришли на второй тур. Таким образом, не 10, а 15–16% составили те, кто проявил интерес к этому выбору. Причем можно говорить о том, что Пезешкиан, набравший 53,7% голосов – это политический выбор иран-

⁶ Barrasi-natayej-e nahaii-ye-entekhabat // KhabarOnline. URL: khabaronline.ir/xmpdk (accessed: 21.10.2024). На перс. яз.

⁷ Darsad-e moshkrakat dar marhale-ye dovom-e entekhabat-e riyasat-e jomhuri-ye 1403 // Shargh. URL: <https://www.sharghdaily.com/fa/tiny/news-936148> (accessed: 8.10.2024). На перс. яз.

ского общества, выступившего против радикального консерватизма за перемены⁸.

Оценивая поддержку обществом либеральных заявлений нового президента и его стремления к улучшению экономической и нормализации внутривластной ситуации, нельзя игнорировать тот факт, что половина населения не пришла на выборы, что может свидетельствовать о том, что они не доверяют власти, не признают ни реформаторов, ни консерваторов и убеждены в том, что даже приход нового президента и его прореформаторски настроенной команды не сможет изменить положение. История ИРИ знала несколько попыток президентов расширить круг своих полномочий, с тем чтобы провести реформы, что наталкивалось на нежелание духовного лидера и Наблюдательного совета менять сложившийся порядок и законодательно закрепленные нормы. Очевидно, что М. Пезешкиан, хорошо осознавая свое положение в системе власти, будет стремиться сохранить поддержку со стороны духовного лидера и избегать какой-либо конфронтации с властными структурами и с КСИР, чью частичную поддержку он получил в ходе выборной кампании. Не вызывает сомнений тот факт, что решение о допуске либерального кандидата на выборы было принято властной верхушкой с тем, чтобы с его помощью предпринять шаги по снятию санкций, а также сгладить наиболее острые моменты, возникшие в социально-общественной сфере, приведшие к широкому протестному движению осени 2022 г., вернуть доверие общества и тем самым снять угрозы дестабилизации режима. Без одобрения верховной власти президент не сможет реализовать даже минимум своих обещаний.

Оценивая возможности президента по изменению внешнего или внутривластного курса, надо учитывать необходимость не только согласования любых инициатив и действий с канцелярией духовного лидера, но и достижения договоренности с меджлисом, в котором достаточно сильные позиции занимают представители радикально консервативной направленности. Именно меджлис утверждает все международные соглашения и внутренние акты: законы, бюджет и пр. В настоящее время при поддержке духовного лидера М. Пезешкиану, который столкнулся с первыми сложностями в ходе формирования кабинета, удалось получить согласие депутатов на утверждение всех представленных президентом министров, что произошло второй раз в истории ИРИ. Однако в ходе первичного их обсуждения в комиссиях парламента ряду кандидатур выразили неодобрение.

---

⁸ Masoud Pezeshkiyan nohhomin raiis-jomhur shod // Kayhan. URL: <https://kayhan.ir/001Dnb> (accessed: 11.10.2024). На перс. яз.

Утвержденный состав кабинета вызвал недовольство представителей и реформаторского лагеря, и консерваторов. Первые стремились включить как можно более кандидатур либерального спектра. Консерваторы же добивались паритета. Предложенный президентом после согласования с А. Хаменеи состав кабинета включает в себя двух представителей от реформаторов, центристов, работающих в команде Х. Роухани, консерваторов – бывших членов правительства И. Раиси и сторонника Галибафа. Введена в состав правительства одна женщина. Президент не называет себя реформатором, он акцентирует достижение единства и предполагает избежать внутри кабинета противостояния политических флангов. Некоторые политологи его рассматривают как мийан-роу – центристом, другие видят в нем эслахталаб-е осульгара – проконсервативно настроенного реформатора. Часть консерваторов считает его исключительно консерватором⁹.

М. Пезешкиан реализует линию на продвижение женщин в органы власти: они назначены на посты министра дорог и городского строительства, спикера правительства, вице-президентов по экологическим проблемам, а также делам женщин и семьи. Женщины назначены заместителем министра нефти, руководителем Организации приватизации, главой Совета по информационной политике правительства, заместителем главы Центрального банка по инновациям. Впервые женщина получила должность в Счетной палате и назначена аудитором в МИД ИРИ¹⁰.

Пезешкиан, следуя своим предвыборным обещаниям, продвигает на государственные должности представителей этнических и религиозных меньшинств. Впервые на должности губернаторов провинций (остандаров) назначены курд, суннит по вероисповеданию и араб. Подбирая глав администрации останов, президент делает ставку на лиц, родившихся и проживавших в этих останах, и избегает назначения военных в отличие от И.Раиси. Он заявил о намерении согласовывать руководителей государственных структур в останах с главой провинции¹¹.

⁹ Fiyaz Zahed: dar entekhabat-e ayande yek zan parghamdar-e efratyun ast // KhabarOnline. URL: khabaronline.ir/xmHXj (accessed: 08.10.2024). На перс. яз.

¹⁰ Hozur-e zanan dar doulat-e vefagh-e melli do raghami shod // Eco Iran. URL: <https://ecoiran.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%B3%DB%8C%D8%A7%D8%B3%D8%AA-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-109/72060-%D8%AD%D8%B6%D9%88%D8%B1-%D8%B2%D9%86%D8%A7%D9%86-%D8%AF%D8%B1-%D8%AF%D9%88%D9%84-%D8%AA-%D9%88%D9%81%D8%A7%D9%82-%D9%85%D9%84%DB%8C-%D8%AF-%D9%88-%D8%B1%D9%82%D9%85%DB%8C-%D8%B4%D8%AF> (accessed: 25.10.2024). На перс. яз.

¹¹ Javantarín va pirtarin ostandar-e doulat-e Pezeshkiyan // KhabarOnline. URL: khabaronline.ir/xmN4C (accessed: 25.10.2024). На перс. яз.

Представители этнических и религиозных меньшинств назначены на посты в аппарате президента. Пока не удалась попытка назначить депутата меджлиса А. Хосейн-заде – курда, суннита – на должность вице-президента по вопросам развития деревень, депрессивных районов и племен, так как депутаты парламента не утверждают его отставку, но президент настойчиво занимается этим вопросом.

Для реализации своего курса президенту необходимо договариваться с меджлисом, СОЦР, судебной властью – структурами, в которых господствуют консервативные убеждения. Пока он удачно ладит с главами судебной и законодательной власти. Однако радикальная часть меджлиса ставит препятствия на пути инициатив президента. В настоящее время активисты фундаменталистов М. Набавиян, Х. Ресаи пытаются добиться отправления в отставку М. Дж. Зарифа, возглавлявшего выборную кампанию Пезешкиана и штаб по подбору министров и назначенного вице-президентом по стратегическим вопросам. Именно с его именем связывают и выработку внешнеполитической линии президента. Радикалы не могут принять готовность президентской команды идти на переговоры с Западом для снятия санкций, вступить в группу стран ФАТФ, для чего уже инициирован вопрос об одобрении двух резолюций, искать компромиссов для урегулирования палестино-израильского конфликта, ситуации на границе Израиля и Ливана, а также снизить противостояние Ирана и Израиля.

В сложном положении находится президент и ввиду давления на него реформаторского крыла, которое добивается скорейшего решения вопросов об отмене ограничений в виртуальном пространстве и обязательности хиджаба и требует пересмотра Закона о хиджабе и нравственности, недавно принятого меджлисом и одобренного Наблюдательным советом. Лишь поддержка президента со стороны М. Хатами пока сдерживает критический настрой этого лагеря.

Находясь под давлением двух политических крыльев, новый президент пока удачно лавирует, пытаясь проводить свой курс, призывает к достижению национального единства и отказу от внутривнутриполитического противостояния, которое продолжается уже более 40 лет. Обострение ситуации в регионе Ближнего Востока лишь осложняет положение внутри страны, усиливает настроения беспокойства в обществе и во многом связывает руки президента, отвлекая от решения экономических и социальных проблем. Удастся ли ему найти «третий путь» и снивелировать резкое противостояние двух флангов, сохранить поддержку лидера и доверие большей части общества – покажет время.

Литература / References

1. Дунаева Е. В. Результаты парламентских выборов 2024 г. в ИРИ // Восточная аналитика. 2024. № 1. Т. 15. С. 163–176. [Dunaeva E. Results of Parliamentary Elections in Iran // Eastern Analytics. 2024. No 1. Vol. 15. Pp. 163–167. (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Darsad-e moshakat dar marhale-ye dovvom-e entekhabat-e riyasat-e jomhuri-ye 1403 (Процент участия во втором туре президентских выборов 1403) // Shargh. URL: <https://www.sharghdaily.com/fa/tiny/news-936148> (accessed: 08.10.2024). На перс. яз.
2. Fiyaz Zahed: dar entekhabat-e ayande yek zan parghamdar-e efratiyun ast (Фияз Захед: На следующих выборах женщина возглавит радикалов) // KhabarOnline. URL: khabaronline.ir/xmHXj (accessed: 08.10.2024). На перс. яз.
3. Jashn-e tavallod-e 45 jomhuriye-eslami dar sal-e ertegha'e jomhuriyat dar toulid (Праздник 45-летия Исламской республики в год усиления принципа республиканизма в производстве) // IRIB news agency. URL: <https://www.iribnews.ir/00HawM> (accessed: 20.10.2024). На перс. яз.
4. Javantar in va pirtarin ostandar-e doulat-e Pezeshkiyan (Самый молодой и самый возрастной остандары правительства Пезешкиана // KhabarOnline. URL: khabaronline.ir/xmN4C (accessed: 25.10.2024). На перс. яз.
5. Nemat-e gostar-de-ye eslahtalab va miyanerouha az pezeshkiyan (Широкая поддержка Пезешкиана реформаторами и центристами) // Ham-Mihan. URL: <https://hammihanonline.ir/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%AA%DB%8C%D8%AA%D8%B1-%DB%8C%DA%A9-14/17190-%D8%AD%D9%85%D8%A7%DB%8C%D8%AA-%DA%AF%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%AF%D9%87-%D8%A7%D8%B5%D9%84%D8%A7%D8%AD-%D8%B7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D9%85%DB%8C%D8%A7%D9%86%D9%87-%D8%B1%D9%88%D9%87%D8%A7-%D8%A7%D8%B2-%D9%BE%D8%B2%D8%B4%DA%A9%DB%8C%D8%A7%D9%86> (accessed: 22.10.2023). На перс. яз.
6. Hozur-e zanan dar doulat-e vefagh-e melli do raghami shod. (Количество женщин, получивших посты в правительстве народного единства, превысило десяток) // Eco Iran. URL: <https://ecoiran.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%B3%DB%8C%D8%A7%D8%B3%D8%AA-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-109/72060-%D8%AD%D8%B6%D9%88%D8%B1-%D8%B2%D9%86-%D8%A7%D9%86-%D8%AF%D8%B1-%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%AA-%D9%88%D9%81%D8%A7%D9%82-%D9%85%D9%84%DB%8C-%D8%AF%D9%88-%D8%B1%D9%82%D9%85%DB%8C-%D8%B4%D8%AF> (accessed: 25.10.2024). На перс. яз.
7. Masoud Pezeshkiyan nohhomin raiis-jomhur shod (М.Пезешкиан стал девятым президентом Ирана) // Kayhan. URL: <https://kayhan.ir/001Dnb> (accessed: 11.10.2024). На перс. яз.
8. Moghayase-ye meyzan-e mosharakat dar entekhabat dar Tehran (Сравнение уровня участия в выборах в Тегеране) // Entekhab.ir. URL: <https://www.entekhab.ir/fa/news/781908/> (accessed: 20.10.2024) (на перс.яз.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дунаева Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук; доцент ИСАА МГУ, Москва, Россия

Dunaeva Elena V. – PhD (Hist.), Senior Researcher, Center of Middle East Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science; Associate Professor, Moscow Lomonosov University Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 29.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 28.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 29.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-115-124>

ПОЛИТИКА ИРАНА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ ПОСЛЕ 44-ДНЕВНОЙ ВОЙНЫ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

Антон Геннадьевич Евстратов

Институт востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван, Армения,
anton_nastoyashiy@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7438-0185>

Аннотация. В статье излагаются основные направления и особенности внешней политики Исламской республики Иран на Кавказе в свете изменения региональных реалий по итогам 44-дневной войны в Нагорном Карабахе.

Ключевые слова: Иран, Арцах, Армения, Азербайджан, война

Для цитирования: Евстратов А. Г. Политика Ирана на Южном Кавказе после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):115-124. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-115-124>

Original article. Politics studies

IRAN'S POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS AFTER THE 44-DAY WAR IN NAGORNO-KARABAKH

Anton Evstratov

Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia,
anton_nastoyashiy@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7438-0185>

Abstract. The report briefly outlines the main directions and features of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran in the Caucasus in light of the change in regional realities following the 44-day war in Nagorno-Karabakh.

Keywords: Iran, Artsakh, Armenia, Azerbaijan, war

For citation: Evstratov A. G. Iran's Policy in the South Caucasus after the 44-Day War in Nagorno-Karabakh. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):115-124. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-115-124>

Иран, с начала 90-х гг. XX в. будучи единственной соседней с Южным Кавказом страной, имеющей дипотношения со всеми тремя государствами региона, вплоть до последнего времени старался выстраивать там максимально равноудаленную региональную политику. Краеугольным ее камнем являлось неприятие силовых вариантов решения конфликтов¹.

¹ Каледжи В. Восемь принципов добрососедства. Политика Ирана в отношении нагорно-карабахского конфликта // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vosem-printsipov-dobrososedstva-politika-irana> (дата обращения: 05.07.2024).

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

В этом контексте ИРИ даже стремилась к роли посредника между армянской и азербайджанской сторонами в Нагорном Карабахе, что, впрочем, не увенчалось успехом в 1992 г.² В этом принципиальное отличие позиции ИРИ от подходов других мусульманских стран. В частности, в Нагорно-Карабахском конфликте Турция, Пакистан и Саудовская Аравия однозначно поддержали азербайджанскую сторону.

Более того, в ходе Первой карабахской войны Исламская республика оказывала гуманитарную помощь как Азербайджану, так и Армении. Тот же подход применял Тегеран в 90-е гг. и к Грузии. Всё это позволило ИРИ стать единственной соседствующей с регионом державой, имеющей дипотношения с каждым его государством.

Эта равноудаленность и осторожность Тегерана в региональной политике на Южном Кавказе во многом также обусловлена географией, т. к. только Иран граничит с наиболее проблемной его территорией – Нагорным Карабахом, что несет постоянный риск последствий войны для иранской территории. Этим фактом объясняется и интерес Исламской республики к посредничеству между армянской и азербайджанской сторонами в их конфликте. Первая такая попытка имела место еще в 1992 г., перед взятием Армией обороны Арцаха³ г. Шуши в Нагорном Карабахе. Позже, и в ходе обострения («пятидневной войны») 2016 г., и в дни войны 2020 г., иранская сторона неизменно призывала стороны конфликта к прекращению огня и переговорам⁴.

Еще одной причиной миротворческих инициатив Тегерана на территории региона является его транспортная привлекательность для ИРИ, стремящейся преодолеть последствия западных санкций и выйти из экономической изоляции. Здесь Азербайджан привлекателен для Ирана наличием железнодорожного сообщения с РФ, Грузия имеет порты на Черном море, а Армения после своего вступления в ЕАЭС – единственная страна данного объединения, граничащая с Исламской республикой.

Кроме того, Азербайджан с самого получения независимости от СССР стал ориентироваться не на конфессионально близкий, шиитский Иран,

² Маркедонов С. Иран в Нагорном Карабахе: особый миротворец // Press-Unity. URL: <https://pressunity.org/archives/4048?ysclid=m0v2xgxebe631065373> (дата обращения: 05.04.2024).

³ Воинские формирования непризнанной мировым сообществом «республики Арцах», существовавшей на территории Азербайджанской Республики с 1991 г. по 2023 г.

⁴ Каледжи В. Восемь принципов добрососедства. Политика Ирана в отношении нагорно-карабахского конфликта // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vosem-printsipov-dobrososedstva-politika-irana> (дата обращения: 05.07.2024).

а на Турцию. Более того, именно с появлением на карте Азербайджанской республики произошло значительное усиление пантюркистской риторики не только в Баку и Анкаре, но и в северных провинциях самой Исламской республики. Это мешало и мешает сближению ИРИ с Азербайджаном, диктуя Тегерану необходимость тесного взаимодействия с Арменией, в некотором смысле уравнивающей пантюркистские инициативы Баку. Нельзя также забывать о том, что именно территория Армении препятствует появлению на северных границах Исламской республики сплошной «дуги» из тюркских государств – от Анатолии до Каспийского моря.

В последние годы не менее критичным для ИРИ фактором взаимодействия с Азербайджаном являются стратегические отношения последнего с Израилем – главным противником Ирана на Ближнем Востоке. Между тем, именно Израиль осуществил поставки ВС Азербайджана БПЛА и ряда других видов вооружений, обеспечивших в значительной степени их успех в войне 2020 г. Также Иран неоднократно обвинял Азербайджан в размещении на его территории израильской агентуры, осуществляющей как шпионаж, так и диверсионную деятельность [Евстратов, 2022, с. 134].

Баку, в свою очередь, с самого начала опасался идеологической экспансии политического ислама из Ирана, что рассматривается азербайджанской политической элитой как угроза светскому характеру руководимого ей государства. Более того, именно идеология, по мысли азербайджанского руководства, может обеспечить зависимость Азербайджана с преимущественно шиитским населением от Ирана, являющегося на данный момент основным центром шиитского ислама.

Вместе с тем ИРИ с самого обретения республиками Южного Кавказа независимости крайне болезненно относился и продолжает относиться к любому проникновению в регион не относящихся к ним сил. Речь идет о противодействии, к примеру, появлению в Нагорном Карабахе международных миротворцев. Исключение здесь делалось только для РФ, имевшей миротворческие контингенты, либо прямо военные базы в районе Нагорного Карабаха, Армении, частично признанных Южной Осетии и Абхазии (а ранее также и в Грузии и Азербайджане).

Названные факторы важны для понимания действий Исламской республики на Южном Кавказе в динамике – с начала 90-х гг. до последнего времени.

Так, в сочетании с попытками помирить стороны в Нагорно-Карабахском конфликте, Иран после начала ими боевых действий стал представлять как гуманитарные, так и околовоеенные грузы (в частности,

горюче-смазочные материалы) и Азербайджану, и Армении. Более того, после установления согласованной блокады Республики Армения (РА) Баку и Анкарой, ИРИ, поставляя товары по Мегринскому коридору, обеспечил Еревану фактически «дорогу жизни». Курирование данного проекта осуществлял депутат Верховного совета Армении Игорь Мурадян, специально направленный для этой цели в Тегеран, где он вел прямые переговоры с тогдашним иранским президентом Али-Акбаром Хашеми-Рафсанджани⁵.

Более того, Иран не высказал принципиальных возражений на контрнаступление АО НКР, позволившее армянским вооруженным силам взять под контроль участок границы с Исламской республикой протяженностью в 132 км по реке Аракс⁶.

Также ИРИ на полях организации «Исламская конференция» принципиально противодействовала попыткам Азербайджана, Турции и примкнувшего к ним Пакистана придать карабахскому конфликту характер религиозного.

Лояльности Ирана к Армении не мешала ни смена в стране властей (вплоть до революции 2018 г.), ни попытки Еревана сотрудничать со странами Европы и США. При этом надо понимать, что многое из вышеперечисленного можно наблюдать и в случае политически нестабильного начала своего независимого существования с Азербайджаном, а также с Грузией.

Вместе с тем, форсирование армяно-иранских отношений местами притормаживалось позицией Еревана, являвшегося союзником России и вынужденного временами учитывать международные санкции против ИРИ. И это – несмотря на то, что в экономическом взаимодействии сторон, центр тяжести был и остается за Ираном – доля экспортируемых им товаров примерно в семь раз выше стоимости импортируемых.

Серьезно возросло значение Армении для Исламской республики в 2016 г., когда во время президентства Хасана Роухани, ряд государств ЕС сняли с Ирана санкции. Тогда Иран намеревался выводить свои товары в грузинские порты Черного моря через Армению. Для этой цели было инициировано строительство автомагистрали Север-Юг от КПП Мегри до грузинской границы, которое, впрочем, не закончено до сих пор. Примечательно, что армяно-иранское сближение тех лет не было прервано активностью американской дипломатии (в частности, усилиями

---

⁵ Сваранц А. Иран блокирует проект «Зангезурского коридора»? // Новое восточное обозрение. 09.09.2024. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/09/09/iran-blokiruet-proekt-zangezurskogo-koridora/> (дата обращения: 09.09.2024).

⁶ Там же

советника президента США Дж. Болтона, прибывшего в 2018 г. в Ереван), ни Бархатной революцией в Армении⁷.

Азербайджан в те же годы, несмотря на увеличивавшиеся объемы экономического сотрудничества, продолжал расходиться с Ираном по все новым политическим вопросам. Помимо упомянутых выше идеологических и геополитических противоречий, с начала 90-х гг. стороны не смогли достичь соглашения по разграничению шельфа Каспия, Азербайджан закрыл на своей территории офисы проиранского движения «Хезболла», а также обрушил репрессии на активистов проиранской Исламской партии Азербайджана и религиозных лидеров страны. Также преследования коснулись активистов Тальшского национального движения, искавших точки соприкосновения как с Россией, так и с Ираном⁸.

Такого рода политика не раз вызывала возмущение иранской стороны. Так, в 2011 г. глава Генштаба Ирана Хасан Фирузабади обвинил президента Алиева в противоречащей исламу политике, подавлении мусульман и службе интересам «сионистов», а также предрек тому «мрачный конец»⁹.

Надо отметить и экономические проблемы между странами, т. к., с одной стороны, Исламскую республику не устраивало участие в разработке нефтегазовых месторождений Азербайджана британского капитала, а с другой – Баку, в свою очередь, всячески ограничивал иранское участие в данной отрасли¹⁰.

При этом стороны оказались буквально обречены на активное сотрудничество в рамках целого ряда глобальных транспортных проектов. Это и российская инициатива «Север – Юг», и китайский проект «Один пояс – один путь», невозможные без упрощения ирано-азербайджанской логистики и кратного расширения ее возможностей и мощностей.

Вплоть до 2020 г. можно проследить и смягчение политических позиций Ирана в отношении Азербайджана по карабахскому вопросу. Так, в 2019 г. начальник Генштаба ВС ИРИ Хосейн Багери в ходе встречи с азербайджанским лидером Ильхамом Алиевым заявил о поддержке своей страной территориальной целостности Азербайджана¹¹. Впро-

---

⁷ Сваранц А. Иран блокирует проект «Зангезурского коридора»? // Новое восточное обозрение. 09.09.2024. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/09/09/iran-blokiruet-proekt-zangezurskogo-koridora/> (дата обращения: 09.09.2024).

⁸ Там же.

⁹ Иран и Азербайджан повздорили из-за интервью // Georgiantimes. URL: <https://www.georgiantimes.info/news/62744.html?ysclid=m2j5n6wkp570887865> (дата обращения: 09.09.2024).

¹⁰ Сваранц А. Иран блокирует проект «Зангезурского коридора»? // Новое восточное обозрение. 2024. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/09/09/iran-blokiruet-proekt-zangezurskogo-koridora/> (дата обращения: 09.09.2024).

¹¹ Там же.

чем, несмотря на очевидный политический посыл такого заявления, оно не противоречило официальной позиции Исламской республики, не признающей не только армянскую республику Арцах, но и Абхазию и Южную Осетию, объявившие независимость от Грузии. Вместе с тем, Багери ни словом не упомянул собственно Нагорный Карабах, что позволило трактовать его заявление двояко.

Вторая карабахская война 2020 г. изменила расстановку сил на Южном Кавказе, оказав влияние и на позиции Исламской республики. Еще в ходе данного конфликта ИРИ сконцентрировала значительное количество своих войск на своих северных границах. Что же касается итогов войны, то они, несмотря на относительно осторожные официальные заявления, оказались для Ирана негативными.

Во-первых, истончилась перегородка, состоявшая из армянской республики Арцах и армянской провинции Сюник, разделявшая упомянутую выше «пантюкистскую дугу» на севере ИРИ. Во-вторых, сама перспектива складывания этой дуги стала куда ближе, т. к. родился настойчиво лоббируемый турецкой и азербайджанской сторонами проект экстерриториального «Зангезурского коридора» через армянский Сюник. В-третьих, серьезно изменился в пользу Азербайджана и союзной ему Турции баланс сил в регионе. Кроме того, реализация проекта «Зангезурского коридора» снизит транзитное значение ИРИ для Турции и Азербайджана, на данный момент снабжающего свой эксклав Нахичевань через иранскую территорию, а в перспективе способна полностью вытеснить ИРИ с Южного Кавказа¹². Не зря указанный проект в иранском общественно-политическом дискурсе называется «Туранский коридор НАТО».

Азербайджанская сторона активно взаимодействовала с Ираном по данному вопросу – в частности, следует отметить встречу 2021 г. в Ашхабаде между президентами двух государств, где стороны с одной стороны прояснили позиции, но, с другой, не достигли полного взаимопонимания¹³. Впрочем, уже в июле 2022 г. Верховный лидер ИРИ Али Хамеanei сделал заявление о недопустимости изменения границ в регионе по итогам своих встреч с российским лидером Владимиром Путиным и президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом¹⁴. Здесь необходимо отметить, что это заявление было направлено не только на ситуацию с Нагорным Карабахом, но и на международно признанные земли, собственно, Армении (в провинциях Сюник и Гегаркуник), подвергши-

---

¹² Варданян Ж. Почему граница с Арменией важна для Ирана? // *RegionalPost*. 2022. URL: <https://regionalpost.org/ru/articles/pochemu-granitsa-s-armeniyey-vazhna-dlya-irana.html> (дата обращения: 01.08. 2024).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

еся оккупации азербайджанскими войсками. Данное обстоятельство является критичным для ИРИ еще и по экономическим причинам, т. к. из-за активности азербайджанских войск на восточных границах Армении часть дороги Горис-Капан, используемой иранскими дальнобойщиками для доставки грузов, перешла под контроль Азербайджана. Последний немедленно установил на участке свой пост и принялся собирать пошлины с иранских водителей и штрафовать не согласных с новыми реалиями [Евстратов, 2022, с. 135]. Ситуацию удалось купировать лишь строительством альтернативного отрезка через территорию, подконтрольную Армении.

Тезис трехстороннего заявления о разблокировке транспортных коммуникаций в регионе, подписанного лидерами Армении, Азербайджана и России по итогам Второй карабахской войны 10 ноября 2020 г., несет определенные выгоды и Ирану. В частности, речь идет о возможном открытии железной дороги Иран-Нахичевань-Армения. Тем не менее за четыре года существования текста заявления стороны не продвинулись в данном вопросе, и все политические усилия концентрируются в основном на проблеме Зангезурского коридора.

Вместе с тем давление Азербайджана и Турции на Армению неоднократно вызывало достаточно жесткие высказывания со стороны иранских политиков, а самой принципиальной реакцией на демарши Анкары и Баку стало открытие иранского консульство в г. Капан, административном центре провинции Сюник. Тем не менее в ходе и после окончательной ликвидации непризнанной республики Арцах осенью 2023 г. Иран не выступил против данных событий, оставшись неофициальным гарантом лишь международно признанной территории республики Армения.

Серьезным раздражителем остается израильский фактор, о котором Исламская республика неоднократно напоминала. Так, в апреле текущего года соответствующее заявление сделал посол ИРИ в Армении Мехди Собхани¹⁵. Заявление вызвало ожидаемо негативную реакцию в Азербайджане, что показало неспадающую актуальность ирано-израильского противостояния, в том числе и на Южном Кавказе

Что касается попыток наладить новые форматы взаимодействия с государствами региона, то Исламская республика в целом положительно относится к формату 3+3 (Армения, Азербайджан, Грузия + Россия, Турция, Иран). Впрочем, говорить о каких-либо реальных очертаниях данного формата на деле пока не приходится.

---

¹⁵ Ласи-заде Э. Ложь и провокация посла Ирана в Армении // Caliber. URL: <https://caliber.az/post/lozh-i-provokaciya-posla-irana-v-armenii> (дата обращения: 02.08.2024).

Все эти противоречивые действия в политической сфере сопровождаются значительным ростом экономического взаимодействия Ирана как с Арменией, так и с Азербайджаном¹⁶.

В последние годы целый ряд армянских политиков связывают с Исламской республикой ожидания военно-технического сотрудничества¹⁷. Эти ожидания диктует целый ряд факторов – наличие общей границы, общий интерес в противодействии пантюркизму и азербайджано-турецкому союзу, снижение уровня российско-армянского политического взаимодействия. Дополнительными факторами выступают невысокая цена иранского оружия, широкая его номенклатура и серьезные потери, понесенные армянскими вооруженными силами в 2020 г. Однако высокий уровень ирано-российских отношений вряд ли позволит ИРИ потеснить РФ на армянском рынке вооружений. Тем не менее территория Ирана может быть использована для поставок в Армению оружия из других стран – например, из Индии или Франции, которые уже заключили с Ереваном пробные военные контракты.

Подводя итог, можно отметить ряд сложившихся подходов Исламской республики Иран к взаимодействию со странами Южного Кавказа.

1. Максимально жесткая и принципиальная позиция по вопросу вывода из-под суверенитета Армении «Зангезурского коридора» (т. е. такого рода перспектива ставит под контроль Азербайджана и Турции иранский транзит в Армению и далее в Грузию)
2. Противодействие активности Израиля в Азербайджане (ранее – одного из главных поставщиков оружия ВС Азербайджана).
3. Охрана нерушимости границ региональных государств (прежде всего это касается границ Республики Армения, часть территории которой до сих пор под оккупацией ВС Азербайджана).
4. Готовность к формату 3+3 в решении определяющих региональных проблем Южного Кавказа.

В рамках данных направлений ИРИ через своих официальных представителей не раз крайне жестко высказывалась в адрес наиболее мощного в военном отношении государства региона – Азербайджана, а в последнее время также и РФ¹⁸. В этом же контексте стоит воспринимать и открытие иранского консульства в Капане, а также зондирова-

---

¹⁶ Сажин В. Иран и проблема Нагорного Карабаха // *Международная жизнь*. 13.10.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/printable/27745?ysclid=m1p3d1mtqk180917433> (дата обращения: 5.07.2024).

¹⁷ Мелконян С. Роль Ирана в диверсификации внешней политики Армении // *Armenpress*. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1131846> (дата обращения: 05.07.2020).

¹⁸ Сваранц А. Иран блокирует проект «Зангезурского коридора»? // *Новое восточное обозрение*. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/09/09/iran-blokiruet-proekt-zangezurskogo-koridora/> (дата обращения: 09.09.2024).

ние сторонами почвы по подготовке проекта поставок иранского оружия Еревану. Вместе с тем ИРИ продолжает увеличивать объемы торговли с АР и РА, а также в сотрудничестве с РФ вести работу по разблокированию региональных транспортных коммуникаций, особенно актуальных в свете интеграции ИРИ с ЕАЭС и БРИКС.

Литература / References

1. Евстратов А. Г. Итоги 44-дневной Карабахской войны для Ирана: выгоды и риски // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2022. № 3(32). С. 133–136. [Evstratov, A. G. Results of the 44-day Karabakh war for Iran: benefits and risks // Problems of social and humanitarian sciences. 2022. No. 3 (32). P. 133–136. (In Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Азербайджан и Иран повздорили из-за интервью // Georgiantimes. URL: <https://www.georgiantimes.info/news/62744.html> (дата обращения: 05.08.2024).
2. Варданян Ж. Почему граница с Арменией важна для Ирана? // RegionalPost. URL: <https://regionalpost.org/ru/articles/pochemu-granitsa-s-armeniyevazhnadlya-irana.html> (дата обращения: 01.08. 2024).
3. Иран и Азербайджан повздорили из-за интервью // Georgiantimes. 2011. URL: <https://www.georgiantimes.info/news/62744.html?ysclid=m2j5n6wkpd570887865> (дата обращения: 09.09.2024).
4. Каледжи В. Восемь принципов добрососедства. Политика Ирана в отношении нагорно-карабахского конфликта // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vosem-printsipov-dobrososedstva-politika-irana>. (дата обращения: 05.07.2024).
5. Ласи-заде Э. Ложь и провокация посла Ирана в Армении // Caliber. URL: <https://caliber.az/post/lozh-i-provokaciya-posla-irana-v-armenii> (дата обращения: 02.08.2024).
6. Маркедонов С. Иран в Нагорном Карабахе: особый миротворец // Press-Unity. 2020. URL: <https://pressunity.org/archives/4048?ysclid=m0v2xgxeb631065373> (дата обращения: 05.04.2024).
7. Мелконян С. Роль Ирана в диверсификации внешней политики Армении // Armenpress. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1131846> (дата обращения: 05.07.2020).
8. Сажин В. Иран и проблема Нагорного Карабаха // Международная жизнь. 13.10.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/printable/27745?ysclid=m1p3d1mtqk180917433> (дата обращения: 05.07.2024).
9. Сваранц А. Иран блокирует проект «Зангезурского коридора»? // Новое восточное обозрение. URL: <https://journal-neo.su/ru/iran-blokiрует-proekt-zangezurskogo-koridora/> (дата обращения: 09.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Евстратов Антон Геннадьевич –
канд. ист. наук, доцент Института
востоковедения Российско-
Армянского университета, Ереван,
Армения

Evstratov Anton G. – PhD (Hist.),
Associate Professor, Institute of Oriental
Studies, Russian-Armenian University,
Yerevan, Armenia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 323 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-125-138>

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА» И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН (1979–2023 гг.)

Марина Самуиловна Каменева

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
kamenevamarina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3680-0301>

Аннотация. На протяжении 45 лет существования Исламской Республики Иран иранская культура и проводимая в стране культурная политика испытали на себе влияние различных факторов, но они неизменно оставались важным компонентом государственно-политической и идеологической доктрины иранской власти. Анализ фактологического материала показывает изменения содержания понятия «иранская культура» и трактовки культурной политики, которые исторически совпадают с приходом к власти нового президента, кроме первого десятилетия после исламской революции, традиционно связываемого с именем имама Хомейни. Они прошли путь от абсолютизации исламской составляющей при ярко выраженной антизападной направленности к сочетанию исламского и собственно иранского компонентов при возможном культурном диалоге с Западом, и, наконец, к определенному возврату к идеям и лозунгам, характерным для первого десятилетия после исламской революции, который пока нельзя считать окончательно сформировавшимся. Изменения в иранском политическом дискурсе могут повлечь за собой и определенные сдвиги в проводимой культурной политике.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, культура, культурная политика, ислам, идеология, Запад, иранское общество

Для цитирования: Каменева М. С. Трансформация содержания понятия «культура» и культурной политики в Исламской Республике Иран (1979–2023 гг.). *Восточная аналитика*. 2024;15(4):125–138. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-125-138>

Original article. Politics studies

THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF THE NOTION OF «CULTURE» AND CULTURE POLICY IN THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN (1979–2023)

Marina Kameneva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
kamenevamarina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3680-0301>

Abstract. Over the 45 years of the existence of the Islamic Republic of Iran, Iranian culture and the cultural policy pursued in the country have been influenced by various factors, but they have invariably remained an important component of the state-political and ideological doctrine of the Iranian government. The analysis of the factual material shows the changes

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

in the content of the concept of «Iranian culture» and the interpretation of cultural policy, which historically coincide the new president's assumption of power, except the first decade after the Islamic Revolution, traditionally associated with the name of Imam Khomeini. They have made the way from the absolutization of the Islamic component with a clearly expressed anti-Western orientation to the combination of Islamic and Iranian components with a possible cultural dialogue with the West, and, finally, to a certain return to the ideas and slogans characteristic of the first decade after the Islamic Revolution, which cannot yet be considered completely formed. Changes in the Iranian political discourse may entail certain shifts in the cultural policy pursued.

Keywords: Islamic Republic of Iran, Islam, culture, culture policy, Islam, ideology, West, Iranian society

For citation: Kameneva M. S. The Transformation of the Concept of the Notion of «Culture» and Culture Policy in the Islamic Republic of Iran (1979–2023). *Eastern Analytics*. 2024;15(4):125–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-125-138>

Иранская культура и культурная политика, проводимая руководством Ирана, были и остаются важным компонентом государственно-политической и идеологической доктрины страны. В современном Иране они в значительной степени неотделимы от официально принятой идеологической концепции и сосуществуют в иранском политическом дискурсе в тесном контакте друг с другом.

Прошло 45 лет со времени образования ИРИ, и отношение ее властных структур к своей культуре и культурной политике и их роли в общественной жизни претерпели изменения. Как показывает анализ фактологического материала, эти изменения исторически совпадают с приходом к власти нового президента. Исключение составляет лишь первое десятилетие после исламской революции, которое традиционно связывают с именем имама Хомейни, его идеями и установками относительно путей развития обновленной иранской культуры. При этом, следует иметь в виду три фактора влияния – исламский, собственно иранский и западный, поскольку именно от них зависит ответ на вопрос – «куда идет иранская культура» и «в каком направлении развивается культурная политика в стране».

После революции 1979 г. установление в Иране теократического режима привело к исламизации жизни иранского общества, которая коснулась не только политики, экономики, социальных отношений, но, возможно, даже в большей степени идеологии и культуры. Сразу после исламской революции имам Хомейни поставил перед нацией задачу изменения и обновления существующей иранской культуры.

В концепции культурного развития ИРИ, которая была предложена имамом Хомейни, доисламский период как бы исключался из контекста

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

ста истории и современности. В его представлении иранская культура этого периода – это культура, пропитанная духом ислама и базирующаяся на мусульманских традициях. Она отвергает не только собственные иранские доисламские ценности, но и культурное наследие Запада, его влияние на развитие иранской культуры [Кляшторина, 1990]. Хомейни при оценке происходивших в стране явлений фактически использовал всего два критерия – отношение к исламу и отношение к Западу. Именно с этими критериями соотносились его предложения, касающиеся будущего культурного развития молодой исламской республики [Каменева, 1982, с. 255–256], которые отвечали настроениям, царившим в это время в иранском обществе, и встречали понимание и поддержку с его стороны.

Иранская культурная революция была начата в соответствии с Указом имама Хомейни, изданным в июне 1980 г., на фоне предварительного закрытия в первых числах месяца сначала на неопределенный срок, потом, как оказалось, на два долгих года всех высших учебных заведений страны как возможных потенциальных рассадников либерализма и несогласия с проводимым официальным курсом [Ettelaat, 1980]. И в дальнейшем, в непростые для страны политические моменты, высшие учебные заведения страны всегда оставались в поле зрения иранской власти. Как показало будущее, такая политическая установка оказалась достаточно прагматичной.

Задачи, поставленные в рамках культурной революции, полностью отражали взгляды Хомейни на будущее развитие иранской культуры. Впоследствии они были реализованы в проводимой руководством страны культурной политике, одним из важных направлений которой стал процесс исламизации или, скорее, арабизации ее культурно-языковой области. Как пишет известный иранский ученый и дипломат М. Санаи, характеризуя этот исторический отрезок, «основным достижением культуры послереволюционной явились возвеличивание ее исламской составляющей и преуменьшение роли древних, национальных иранских традиций» [Sanai, 2011, s. 255].

Для реализации идей культурной революции была создана соответствующая инфраструктура. В 1980 г. был основан Штаб культурной революции, перед которым были поставлены две основные задачи – разработка стратегии для университетов с привлечением компетентных представителей сферы высшего образования и подготовка квалифицированных и верных исламу кадров преподавателей высшей школы¹. Все

---

¹ Tashkil-e Setad-e enghelab-e farhangi be farman-e emam. URL: <http://www.imam-khomeini.ir/fa/n22641/> (accessed: 05.08.2021). На перс. яз.

семь членов Штаба являлись единомышленниками и сподвижниками Хомейни.

В дальнейшем в 1984 г. на базе Штаба был образован Высший совет культурной революции (ВСКР), который стал арбитром в решении вопросов культуры, образования, научно-исследовательской работы и который до настоящего момента осуществляет свою деятельность в этом направлении². Важная роль отводилась также созданному в 1987 г. Министерству культуры и исламской ориентации, основным направлением деятельности которого стали реализация культурной политики в соответствии с законами ИРИ и контроль за ее осуществлением. Оно стало своеобразным фильтром происходящих в культурной и социальной сферах процессов. Министерство приняло на себя также надзорные функции в этих сферах и ответственность за информационную политику³.

Антизападный тренд в культурной политике руководства ИРИ не помешал молодой республике уже тогда не обрывать свои связи с мировым сообществом. Культура стала тем связующим звеном, благодаря которому исламская республика сохранила контакты с Западом. Именно в первое десятилетие после исламской революции зародилось направление в культурной политике, которое принято называть в иранистике ее международным аспектом и под которым обычно понимается включенность Ирана в систему международных культурных связей. Важной и основной на тот период составляющей международного аспекта культурной политики и его задачей было продвижение идей исламской революции за пределы Ирана. Иранская культура и в значительной степени персидский язык стали ее эффективными инструментами.

Последовавшие далее годы и десятилетия характеризовались изменениями в подходах к иранской культуре и культурной политике, что было связано с развитием и трансформацией иранского общества и ситуации вокруг страны.

Изменения в трактовке понятия «иранская культура» и в культурной политике начались с конца 1980-х гг. Это период президентства А. А. Хахеми Рафсанджани и М. Хатами (соответственно 1989–1997, 1997–2005 гг.). В эти годы в самом Иране и вокруг него произошло много важных и знаковых для страны событий, к которым прежде всего следует отнести кончину имама Хомейни, завершение ирано-иракской войны и начало созидательного периода в стране, сопровождавшегося ослаблением жесткого идеологизированного курса иранского руководства

---

² Ta'sis-e Shoura-ye ali-ye enghelab-e fahangi ba a'za-ye jadid be farman-e emam. URL: <http://www.imam-khomeini.ir/fa/n25169/> (accessed: 03.11.2020). На перс. яз.

³ Официальный сайт Министерства культуры и исламской ориентации. URL: <https://www.farhang.gov.ir>.

и поиском, особенно при М. Хатами, оптимального для Ирана пути налаживания связей с Западом.

Не случайно, что в эти годы, а именно в 2001 г. появилась концепция диалога цивилизаций – программа культурного и цивилизационного диалога между восточным и западным миром. Она была сформулирована и представлена мировому сообществу бывшим в тот период президентом ИРИ М. Хатами, с именем которого нередко ассоциируется «иранская перестройка» [Хатами, 2011].

На фоне модернизации иранского общества и формирования новых культурных доктрин менялись подходы и к термину «иранская культура», и к проводимой культурной политике. В исламизированной концепции культурного развития страны начал проступать собственно иранский элемент, отождествляемый с доисламским прошлым страны. В это время были впервые озвучена идея о том, что жители Ирана являются одновременно и иранцами, и мусульманами, а персидский язык наряду с арабским рассмотрен как язык ислама и мусульманской цивилизации, второй язык исламского мира, что поднимало его престиж как важного компонента иранской культуры, причем не только в Иране, но и за его пределами. Это получило реальное отражение в многочисленных актах культурной политики иранской власти, в том числе и в дальнейшем развитии ее международного аспекта. С целью унификации деятельности в сфере культуры за рубежом и создания правильного представления об иранской исламской культуре и цивилизации у мирового сообщества в 1995 г. была образована специальная структура – Организация культуры и исламских связей⁴. В своих уставных документах она названа центром народной дипломатии. Под руководством этой организации шел активный процесс открытия культурных представительств ИРИ по всему миру (Москва – 1999 г.). Культурный фактор все больше становился важной и действенной составляющей внешней политики ИРИ.

2005–2013 гг. – это годы президентства М. Ахмадинежада, приверженца, особенно в свой первый президентский срок, идей исламской революции и жесткого критика либеральных идей и западных ценностей. Это период отхода от диалога цивилизаций, теряющего свои позиции в иранском общественном и политическом сознании.

Вместе с тем М. Ахмадинежад не отказывался от идеи сохранения сочетания доисламской и исламской составляющих в трактовке понятия «культура» и в реализации культурной политики его кабинетом.

---

⁴ Сайт Организации культуры и исламских связей. URL: <http://www.icro.ir/index.aspx?fkeyd=&siteid=261&pageid=32272> (accessed: 05.02.2015) на перс. яз.; URL: <http://www.farhang.gov.ir/fa/intro/subordinate/culture-organization> (accessed: 05.02.2015). На перс. яз.

Одним из подтверждений этому стал Шестой пятилетний план, принятый в 2011 г., где проблемы иранской культуры были вынесены на первое место под заголовком «Исламская иранская культура».

Более того, во время второго президентского срока наблюдалось повышение внимания со стороны М. Ахмадинежада к собственно иранскому фактору, свободному от религиозной окраски и обозначаемому в иранистике термином «*iraniyat*». Прямых подтверждений этому факту не наблюдалось, имелся лишь целый ряд косвенных свидетельств – к примеру, инициатива Ирана по празднованию Ноуруза в межрегиональном масштабе, обращение к проблемам культурного наследия, высокая оценка персидской классической литературы, например, творчества Фирдоуси, его особое внимание и интерес к периоду правления в Иране династии Ахеменидов и некоторые другие. В СМИ появлялась даже информация о наступлении нового этапа в деятельности президента и его команды. Однако любая попытка президента в какой-то степени гиперболизировать собственно иранский фактор встречала резкую критику духовенства [Каменева, 2013, с. 169–171].

Несмотря на достаточно жесткую антизападную позицию М. Ахмадинежада, включенность Ирана в мировые глобализационные процессы способствовала неконтролируемому усилению западного влияния, в том числе и в области культуры, что находилось в противоречии с официально проводимой культурной политикой. К примеру, рос престиж английского языка и уровень владения им, особенно среди молодежи. В эти годы также продолжал активно реализовываться международный аспект культурной политики.

В 2013 г. к руководству Ираном пришел новый президент Х. Роухани и сформированное им правительство. Содержание термина «культура» и культурной политики не претерпело фундаментальных изменений. Это по-прежнему исламская иранская культура. Но прослеживались и новые веяния в ее развитии.

В иранском обществе, особенно среди молодежи, не просто сохранилось, а усилилось внимание и уважительное отношение к доисламскому прошлому своей страны, его традициям и религиозным культам. Так, к примеру, в более широких масштабах начал отмечаться зороастрийский праздник зажигания огня, иранцы по выходным и праздничным дням начали чаще посещать памятные места, связанные с доисламской цивилизацией на территории страны [Дунаева, 2016, с. 84–85].

Вместе с тем и во властных структурах, и в иранском обществе росло понимание необходимости укрепления связей с Западом и осуществления шагов в этом направлении. Снижался, хотя и постепенно и дозированно, накал антизападных настроений, чему способствовали

венские договоренности 2015 г. по ядерной программе Ирана. Как результат создавшейся благоприятной международной ситуации вокруг Ирана в иранском общественном сознании возродился интерес к теме диалога цивилизаций.

Х. Роухани совершил ряд визитов в Европу, прежде всего во Францию и Италию, и провел встречи с высокопоставленными европейскими политиками на разных международных площадках, во время которых обсуждались также планы двустороннего культурного сотрудничества⁵. Активизировалось взаимодействие ИРИ в сфере культуры с международными организациями, и наиболее эффективными были ее контакты с ЮНЕСКО и Организацией исламского сотрудничества (ОИС) [Каменева, 2016, с. 181–190]. Западные цивилизационные ценности становились всё более популярными среди простых иранцев в их повседневной жизни – в сфере отдыха и развлечений, сети общественного питания, моды и употребления косметики иранскими женщинами, а также в других областях [40 лет..., 2020, с. 146–148]. Все эти отступления от общепринятых исламской морали и нравственности находили позитивный отклик в иранском обществе, что в целом находилось в тренде с официально проводимым президентом и его правительством курсом.

Однако именно этот тренд в иранском политическом дискурсе стал причиной возникновения противоречий в отношениях между иранскими либералами, к которым относили президента Х. Роухани, и консерваторами во главе с антизападником аятоллой Хаменеи. Они проявились в отдельных актах культурной политики. Наиболее яркими из них можно считать дискуссию по поводу продуктивности использования английского языка в системе среднего образования в Иране в 2016 г., официальную позицию ИРИ относительно присоединения к Документу 2030 по стандартам устойчивого развития, разработанному ЮНЕСКО, решение о запрещении преподавания английского языка в школах Ирана после волнений конца 2017 – начала 2018 гг. и некоторые другие [40 лет..., 2020, с. 144–146].

В 2021 г. в Иране прошли очередные выборы президента, и новый кабинет возглавил Эбрахим Раиси. В политической жизни Исламской Республики Иран это означало уход со сцены иранских реформаторов/либералов и приход им на смену консервативного правительства и президента.

Изменившийся политический вектор сказался и на положении внутри страны, и на внешнеполитической деятельности нового иранского

---

⁵ Roadmap of development of ties between Iran and Italy // Official site of Iran's president. URL: <http://www.president.ir/en/91585> (accessed: 27.01.2016); <http://www.president.ir/en/91675> (accessed: 28.01.2016).

руководства. Он повлек за собой и определенные изменения в сфере культуры, культурной политики. При этом, руководством Ирана не раз подчеркивалось, что, главное направление политики нового президента и его кабинета в отношении культуры остается неизменным. Однако начали меняться акценты в культурной политике. В ней наметились новые/старые тенденции, которые в значительной степени напоминали ситуацию в этой сфере в первое десятилетие после исламской революции, но пока в несколько более мягком, умеренном, не абсолютно исламизированном варианте.

Новые тенденции в культурной политике президента Э. Раиси и его правительства прежде всего проявились достаточно оперативно в процессе подбора министров культурного блока нового кабинета, который вызвал наибольшие трудности и разногласия. Кандидаты на отдельные посты предлагались по несколько раз, и главным критерием для назначения на тот или иной пост были не профессиональные качества, а приверженность исламу и исламским ценностям.

Постепенно становилось всё более очевидным, что главной задачей иранской власти являлось сохранение исламской составляющей культурной политики как ее самой важной компоненты. Подтверждений этому факту можно найти немало в деятельности президента и верховного лидера. К ним можно отнести достаточно жесткую реакцию власти на выступления и протестные акции, которые начались после гибели молодой иранки Махсы Амини, а впоследствии продолжились под лозунгами, призывающими к отмене ношения хиджаба. Об этом же свидетельствовали активизировавшиеся выступления духовного лидера и президента перед молодежью – студентами и даже школьниками. Руководство страны всегда придавало большое значение работе с молодежью, в первую очередь образованной, и со временем эта традиция только укрепилась. По мнению аятоллы Хаменеи и президента Э. Раиси, в сложившейся политической обстановке в стране проблема общества не в хиджабе, а в сохранении сильного и независимого Ирана и «...борьба за университеты очень важна, так как они при правильном раскладе сил могут стать одним из главных препятствий на пути господства империализма»⁶.

С целью укрепления позиций ислама в иранском обществе, в первую очередь среди учащейся молодежи, в январе 2024 г. был создан специальный орган – Совет исламизации университетов. Планировалось, что этот Совет будет заниматься претворением в жизнь целей

---

⁶ Payam-e ghodrat va moghavemat. URL: <https://www.farsi.khamenei.ir.14.11.2022> (accessed: 02.11.2022). На перс. яз.

и задач второго этапа исламской революции, о котором все чаще говорили представители власти и который, по их мнению, приведет «к высотам исламской цивилизации». Причем, что очень симптоматично, на должность руководителя этого нового органа был назначен ректор Университета имама Хосейна⁷.

Что касается среднего звена в системе образования, то в последние годы стала очевидной проблема нехватки учительских кадров. В связи с этим были проведены испытания на занятие вакантных должностей школьного учителя, и по информации пресс-службы Министерства образования ИРИ на январь 2024 г., 3500 успешно выдержавших эти испытания были люди духовного звания⁸.

Вместе с тем, все более очевидной становилась антизападная направленность культурной политики, которая, первоначально проявляясь в завуалированном виде, в дальнейшем приобретала всё более отчетливую форму. События, которые происходили вокруг хиджаба, стали своеобразным катализатором для иранской власти для проверки на прочность и незыблемость исламских устоев, желания и способности власти пойти на определенные уступки обществу в плане демократизации этих устоев и открытости перед западными цивилизационными ценностями.

Всё чаще в выступлениях руководителей страны и в публикациях иранских СМИ стали прибегать к слову «враг» – «doshman» и к выражению «культурная война» – «jang-e farhangi». При этом имелась в виду (хотя прямо, как правило, это не заявлялось), борьба с проникновением в страну западных культурных ценностей.

Антизападные настроения руководства ИРИ проявились также в том, что в высших эшелонах власти неожиданно была реанимирована дискуссия по поводу прозападного, по мнению иранских властей, Документа 2030 по стандартам устойчивого развития, разработанного ЮНЕСКО, где решающая роль отводится образованию. Она стала продолжением дискуссии 2017 г., закончившейся в итоге победой консерваторов с предложением иранского аналога Документа ЮНЕСКО под названием «Фундаментальные преобразования в сфере образования», о воплощении в жизнь которого до сих пор ничего неизвестно. В 2023 г. эта дискуссия приняла активный характер и, получив отражение в СМИ, стимулировала антизападные выступления в стране. Они были на руку

---

⁷ Rais-e Daneshgah-e imam Hosein dahir-e miz-e eslami shodan-e daneshgahha shod. URL: <https://www.didbaniran.ir/fa/news/-175703> (accessed: 15.03.2024). На перс. яз.

⁸ Pas az bargozari-ye azmun-e estekhdami-ye moallemi motavajjeh shodim ke ci hezar-o-panjah nafar pazirofteshodegan ruhani hastand. URL: <https://aftabnews.ir/fa/news/888903> (accessed: 20.03.2024). На перс. яз.

иранской власти и, вероятно, были запрограммированы ею при организации этой кампании.

В противовес отрицанию западных цивилизационных ценностей, как это уже нередко бывало в Иране, предлагались свои собственные ценности, преимущественно не свободные от религиозной окраски и прекрасно укладывающиеся в предлагаемую культурно-идеологическую доктрину страны. Они были изложены в Обращении Высшего совета культурной революции по поводу кончины Махсы Амини, которое можно рассматривать как программу действий в сфере культуры, образования и функционирования общественных институтов в стране. В нем отмечена важная роль религии, семейных ценностей и знания как основы иранского общества; поднимается тема врага/врагов исламской революции, которые преследуют цели принижения исламских ценностей, проповедуют идеалы общества, где господствуют удовольствие и отчужденность⁹.

Важная роль в реализации культурной политики отводилась, как и прежде, упомянутому выше Высшему совету культурной революции (ВСКР). В связи с новыми стоявшими перед ВСКР задачами руководство страны приняло решение поставить на место руководителя организации нового человека, который будет отвечать повестке дня и реализовывать новые, а фактически уже давно известные, направления в сфере культуры, науки, образования. Вместо доктора Сеида Реза Амели на пост главы организации был предложен 56-летний философ по образованию, доктор богословия в области мусульманских наук Абдольхосейн Хосроу Панах. Как считается в иранском политическом дискурсе, произошла замена руководителя, близкого по своим взглядам к иранским либералам, на функционера-консерватора, что полностью отвечало активно навязываемой властью иранскому обществу культурно-идеологической доктрине¹⁰.

Седьмой пятилетний план, принятый в июне 2024 г. и включающий разделы «Культура и социальные вопросы» и «Наука, технологии и образование», также содержит призывы оказывать внимание «революционным исламским ценностям» и исходить в реализации поставленных задач из «преданности исламским идеалам», на фоне выражения «обеспокоенности культурным нашествием»¹¹.

---

⁹ Bayaniyye-ye hoshdaramiz-e Shoura-ye ali-ye enghelab-e farhangi dar vakoneh be fout-e Mahsa Amini // Aftabnews. URL: <https://aftabnews.ir/fa/news/795558> (accessed: 12.10.2023). На перс. яз.

¹⁰ Abdolhoseyn Hosrow Panah, filsufi ba 52 ketab dar 56 salegi // Aftabnews. URL: <https://aftabnews.ir/fa/news/818708> (accessed: 12.02.2023). На перс. яз.

¹¹ Ghanun-e barname-ye haftom-e pishraft-e Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. URL: <https://shenasname.ir/barname7...> (accessed: 10.07.2024). На перс. яз.

Приведенные выше факты свидетельствуют о позиции власти. Однако иранское общество (конечно, не всё, а в основном население крупных городов, особенно молодежь) настроено иначе. Многие выступают против исламских норм и догм и открыты к восприятию западных ценностей. Однако не надо забывать, что немало и тех, кто по разным причинам поддерживает официальную власть.

При неизменности содержания понятия «культура» и культурной политики стали появляться настораживающие факты негативного отношения власти к отдельным доисламским символам. Так, было принято решение об изъятии изображения Тахте Джамшид – древней столицы иранского государства времени правления династии Ахеменидов с иранских денежных купюр, что было подвергнуто осуждению в иранских СМИ¹².

Другим событием, привлечшим внимание иранской общественности, стали активизировавшиеся именно при правлении кабинета Э. Раиси работы по превращению мечети Шах-Черах в Ширазе в центр религиозного паломничества. Вокруг нее с этой целью стали сноситься исторические постройки XIX в. Известно, что планы по расширению территории вокруг мечети существовали уже давно, но в период президентства Х. Роухани их реализация под влиянием протестов со стороны деятелей культуры были приостановлена. У многих иранцев не вызывает сомнения, что с расширением мечети Шах-Черах Шираз, жители которого славятся тем, что в значительной степени свободны в повседневной жизни от следования исламским догмам, станет исламским центром наподобие Мешхеда, куда придет религиозная культура.

Знаковым событием для иранского общества стало решение ВСКР внести на новый 1403 г. изменения в официальный иранский календарь. Они коснулись переименования исконно иранских и очень любимых всем народом праздников – отмечаемого в декабре праздника самой длинной ночи – Шаб-е Йалда и праздника последней среды года перед Ноурузом (иранским Новым годом) – Чахаршамбе Сури¹³. При этом было предложено их называть соответственно «Днем пропаганды культуры гостеприимства и укрепления родственных связей» и «Днем проявления уважения к соседям». Как было отмечено ВСКР, такие изменения согласуются с иранской исламской культурой и традициями страны.

Это можно рассматривать как отдельные факты, а не как свидетельство наступления нового этапа в проводимой в ИРИ культурной поли-

---

¹² Jazb-e tasvir-e Takht-e Jamshid az ru-ye eskenas din ra taghviyyat nemikonad. URL: <http://etemadonline.com/574752> (accessed: 05.10.2022). На перс. яз.

¹³ Taghyir-e nam-e Shab-e Yalda va Chaharshambe Suri dar taghvime-rasmi-ye keshvar. URL: <https://jahaneghtesad.com/article> (accessed: 25.10.2023). На перс. яз.

тике, однако некая тенденция в этом направлении явно просматривалась.

19 мая 2024 г. в результате крушения вертолета погиб президент Ирана Эбрахим Раиси. В конце июня – начале июля в соответствии с конституцией страны в два тура прошли выборы нового президента. Им стал иранский (с большими оговорками) реформатор Масуд Пезешкиан, политик с серьезными этническими корнями. По мнению аналитиков, он может привнести этнический фактор во внутреннюю политику, который, что не исключено, также проявится в иранской культуре.

Литература / References

1. Дунаева Е. В. Новые политические и социокультурные реалии современного Ирана. Вызовы или перспективы // Иран во втором десятилетии XXI: вызовы и перспективы. М.: ИВ РАН, 2016. [Dunaeva E. V. IRI's New Political and Sociocultural Realities: Challenges or Prospects // Iran in the Second Decade of the XXI Century: Challenges and Prospects. Moscow: IOS RAS, 2016. (in Russian)].
2. Каменева М. С. Хомейни о современном культурном развитии Ирана // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. М.: Наука, 1982. [Kameneva M. S. Khomeini on the contemporary cultural development of Iran // Modern Islam: Problems of Politics and Ideology. Moscow: Nauka, 1982. (in Russian)].
3. Каменева М. С. О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А. З. Арабаджяна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013. [Kameneva M. S. Three Approaches to the Notion of «Culture» in the IRI // Iran during M. Ahmadinejad's Presidency. Moscow: IOS RAS, Tsentr strategicheskoy konyunktury, 2013. (in Russian)].
4. Каменева М. С. Иран и международные организации: культурный аспект // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М.: ИВ РАН, Издатель Воробьев А. В., 2016. [Kameneva M. S. Iran and International Organizations: Cultural Aspect // Iran in the Second Decade of the XXI Century: Challenges and Prospects. Moscow: IOS RAS, Izdatel Vorobyev A. V., 2016. (in Russian)].
5. Кляшторина В. Б. Иран 60–80-х годов. От культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М.: Наука, 1990. 205 с. [Klyashtorina V. B. Iran in the 1960–1980s. From cultural pluralism to islamisation of spiritual values. Moscow: Nauka, 1990. 205 p. (in Russian)].
6. 40 лет Исламской Республике Иран. М.: ИВ РАН, 2020. 358 с. [40 years of the Islamic Republic of Iran. Moscow: IOS RAS, 2020. 358 p. (in Russian)]. ISBN: 978–5–89282–991–5
7. Хатами Мохаммад. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: РОССПЕН, 2001. 237 с. [Khatami Mohammad. Islam, dialogue and civil society. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2001. 237 p. (in Russian)].
8. Sanai Mehdi. Ravabet-e Iran va Asya-ye Markazi: ravandha va cheshmandazha. Tehran: Markaz-e chap va entesharat-e Vezarat-e omur-e khareje, 2011. 351 s. [Санай Мехди. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. Тегеран: Центр публикаций Министерства иностранных дел, 2011. 351 с.].

Периодические издания / Periodical

1. Ettelaat. 20.06.1980.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Abdolhoseyn Hosrow Panah, filsufi ba 52 kitab dar 56 salegi...(Абдольхоссейн Хосроу Панах, философ, написавший за 56 лет жизни 52 книги...) URL: <https://aftabnews.ir/fa/news/818708> (accessed: 12.02.2023). На перс. яз.
2. Bayaniyue-ye hoshdaramiz-e Shoura-ye ali-ye enghelab-e farhangi dar vakonesh be fout-e Mahsa Amini (Обращение Высшего совета культурной революции по поводу кончины Махсы Амини). URL: <https://aftabnews.ir/fa/news/795558> (accessed: 12.10.2023). На перс. яз.
3. Ghanun-e barname-ye haftom-e pishraft-e Jomhuri-ye Eslami-ye Iran (Седьмой пятилетний план развития Исламской Республики Иран) URL: <https://shenasname.ir/barname7> (accessed: 10.07.2024). На перс. яз.
4. Jazb-e tasvir-e Takht-e Jamshid az ru-ye eskenas din ra taghviyyat nemikonad (Изъятие изображения Тахте Джамшид с денежных купюр не укрепляет основы религии). URL: <http://etemadonline.com/574752> (accessed: 05.10.2022). На перс. яз.
5. Pas az bargozari-ye azmun-e estekhdami-ye moallemi motavajjeh shodim ke se hezar-o-ransad nafar pazirofteshodegan ruhani hastand. (После проведения испытаний на занятие вакантных должностей школьного учителя 3500 успешно выдержавших экзамен были люди духовного звания). URL: <https://aftabnews.ir/fa/news/888903> (accessed: 20.03.2024). На перс. яз.
6. Payam-e ghodrât va moghavemat. (Послание-призыв Хаменеи к стойкости и сопротивлению). URL: <https://www.farsi.khamenei.ir.14.11.2022> (accessed: 02.11.2022). На перс. яз.
7. Rais-e Daneshgah-e emam Hosein dabir-e miz-e eslami shodan-e daneshgahha shod (Ректор Университета имама Хосейна возглавил Совет исламизации университетов). URL: <https://www.didbaniran.ir/fa/news/-175703> (accessed: 15.03.2024). На перс. яз.
8. Roadmap of development of ties between Iran and Italy // Official site of Iran's president. URL: <http://www.president.ir/en/91585> (accessed: 27.01.2016); URL: <http://www.president.ir/en/91675> (accessed: 28.01.2016).
9. Sazeman-e farhang va ertebatat-e eslami. URL: <http://www.icro.ir/index.aspx?fkeyd=&siteid=261&pageid=32272> (accessed: 05.02.2015); <http://www.farhang.gov.ir/fa/intro/subordinate/culture-organization> (accessed: 05.02.2015). На перс. яз.
10. Tashkil-e Setad-e enghelab-e farhangi be farman-e emam (Указ имама Хомейни «О создании Штаба культурной революции»). URL: <http://www.imam-khomeini.ir/fa/n22641/> (accessed: 02.09.2024). На перс. яз.
11. Ta'sis-e Shoura-ye ali-ye enghelab-e fahangi ba a'za-ye jadid be farman-e emam (Указ имама Хомейни «О создании Высшего совета культурной революции»). URL: <http://www.imam-khomeini.ir/fa/n25169/>. (accessed: 02.09.2024). На перс. яз.
12. Taghyir-e nam-e Shab-e Yalda va Chaharshambe Suri dar taghvim-e rasmi-ye keshvar (Изменение наименования праздников Шабе Йалда и Чахаршамбе Сури в официальном календаре страны) // [Газета Джахан Эхтаз]. URL: <https://jahaneghtesad.com/article> (accessed: 25.10.2023). На перс. яз.

13. Vezarat-e farhang va ershad-e eslami. URL: <https://www.farhang.gov.ir> (accessed: 10.07.2024). На перс. яз..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Каменева Марина Самуиловна – канд. филол. наук старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Kameneva Marina S. – PhD (Philology), Senior Research Fellow, Centre of Middle East Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-139-146>

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В КОНТЕКСТЕ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Василий Анатольевич Папава

Независимый исследователь, Тбилиси, Грузия,
vasiko.papava@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-2845-8318>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы национальной безопасности Ирана с периода победы Исламской антишахской революции 1979 г. С этого периода национальная безопасность ИРИ подверглась множеству тяжелых испытаний: страны Запада наложили на Тегеран жесточайшие санкции; в ряде регионов страны начались центробежные тенденции, вылившиеся в кровавые столкновения с властями; с начала 80-х гг. с подачи стран Запада и ряда региональных правительств активизировалась террористическая деятельность разных группировок, принявшая угрожающие масштабы; военная агрессия баасистского Ирака против Ирана вылилась в 8-летнюю войну, по завершении которой страна находилась в полной международной изоляции. Однако ужесточение санкционного режима против Ирана заставило правительство страны разработать меры, которые были направлены на стимулирование внутренних источников развития. За годы санкций Тегеран сумел построить независимую от Запада экономику, что, в свою очередь, стало залогом проведения независимой внешней и региональной политики.

Ключевые слова: Ближний Восток, военный конфликт, национальная безопасность, геополитика, Иран

Для цитирования: Папава В. А. Национальная безопасность Исламской Республики Иран в контексте ситуации на Ближнем Востоке. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):139-146. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-139-146>

Original article. Politics studies

NATIONAL SECURITY OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN IN THE CONTEXT OF THE MIDDLE EAST SITUATION

Vasily Papava

An independent researcher, Tbilisi, Georgia,
vasiko.papava@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-2845-8318>

Abstract. The article examines issues of national security in Iran since the victory of the Islamic anti-Shah revolution in 1979. Since then, the national security of the Islamic Republic of Iran (IRI) has faced many severe challenges. Western countries have imposed harsh sanctions on Tehran, and in several regions of the country, centrifugal tendencies have emerged, resulting in violent clashes with the authorities. Since the early 1980s, terrorist activities by various groups, supported by Western countries and some regional governments, have intensified and reached alarming levels. Baathist Iraq's military aggression against Iran led to an eight-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

year war, after which the country found itself in complete international isolation. However, the tightening of sanctions forced the Iranian government to develop measures aimed at stimulating domestic sources of development. Over the years of sanctions, Tehran has managed to build an economy independent of the West, which has become key to pursuing an autonomous foreign and regional policy.

Keywords: Middle East, Military conflict, National Security, Geopolitics, Iran

For citation: Papava V. A. National Security of the Islamic Republic of Iran in the Context of the Middle East Situation. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):139-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-139-146>

Национальная безопасность является одной из важнейших целей любой страны, которая сталкивается с различными и сложными угрозами в современном мире. Эти угрозы затрагивают многие аспекты национальной безопасности стран, такие как культурный, экономический, социальный, экологический, информационный и террористический.

Исламская Республика Иран (ИРИ) – государство, занимающее стратегически важное геополитическое положение на Ближнем Востоке – подвергается множеству внешних и внутренних угроз. Для обеспечения национальной безопасности руководство страны уделяет пристальное внимание выявлению и количественной оценке угроз национальной безопасности и борьбе с ними.

Из-за ограниченности времени, финансовых и человеческих ресурсов для борьбы с этими потенциальными угрозами военно-политическое руководство ИРИ стремится точно расставить приоритеты угроз.

Еще в период правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви вопрос национальной безопасности стал приоритетным: «организация разведки и безопасности страны» (САВАК) считалась основным аппаратом обеспечения внутренней безопасности, а внешняя разведка САВАК служила весьма эффективным инструментом укрепления региональных позиции Ирана [Saikal, 2009].

После победы антишахской революции в 1979 г. Исламская Республика Иран столкнулась с множеством региональных кризисов, которые напрямую угрожали ее национальной безопасности. Хотя за последние 40 лет политикам, военным и руководителям национальной безопасности страны удалось преодолеть различные кризисы и достичь определенного уровня стабильности политической системы в беспокойном и напряженном регионе Ближнего Востока, следует особое внимание обратить на те нынешние угрозы, которые напрямую затрагивают вопросы национальной безопасности, такие как эскалация региональ-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

ных конфликтов в Ираке, Йемене и Сирии, напряженные отношения с Израилем и создание кризисных ситуации на периферии Ирана.

Внешняя региональная политика Исламской Республики Иран основана на определенных устойчивых идеологических убеждениях, в которых основной упор делается на угрозе национальной безопасности. С момента свержения прозападного шахского режима в 1979 г., ИРИ столкнулся с мощным внешним давлением, которое было вызвано неприятием Западом и его региональными союзниками новой геополитической ситуации, созданной с победой антишахской революции. В постшахский период Тегеран стал проводить независимую от Запада внешнюю и региональную политику, которая была в корне противоположной политике шаха.

С 1980-х гг. иранское руководство начало оказывать большую финансовую и материально-техническую помощь шиитским и другим движениям (исламистского и антизападного толка)¹ [Marcin Andrzej Piotrowski (24.10.2023)], а также различным исламским просветительским и благотворительным обществам, которые внешне были вполне лояльными и даже аполитичными, а в действительности они представляли долгосрочные базы для реализации политики экспорта исламской революции, т. е. служили инструментом расширения влияния Ирана в регионе.

Одной из основных тенденций современного геополитического устройства мира является увеличение числа стран, которые действуют в рамках своей национальной идентичности и пытаются защитить свои геополитические интересы в быстро меняющейся международной обстановке. В рамках этого процесса наблюдается рост геополитической нестабильности на мировой арене, что сопровождается усложнением международных отношений и усилением конкуренции между державами в борьбе за мировое или региональное лидерство.

Любое государство на международной арене продвигает свои национальные интересы и принимает меры по обеспечению безопасности, и Иран не следует считать исключением из этого правила.

Исламская Республика Иран является государством, которое проводит независимую внешнюю политику и оказывает непосредственное влияние на региональную и глобальную политику.

Тегеран – очень важный геополитический игрок в регионе. Рост нестабильности на Ближнем Востоке, вызванный вторжением США и его союзников в Афганистан (2001 г.) и Ирак (2003 г.), и последовавшая волна

---

¹ Marcin Andrzej Piotrowski. Iran's Relations with Hezbollah and Hamas Evolving // PISM. 24.10.2023. URL: <https://www.pism.pl/publications/irans-relations-with-hezbollah-and-hamas-evolving> (accessed: 10.10.2024).

кровавых революций и конфликтов в период «арабской весны» привели к значительному усилению региональных позиций Ирана, который умело использовал образовавшийся геополитический вакуум.

Следует учесть, что Иран имеет древнюю государственную традицию лидерства в регионе, начиная с империи Ахеменидов, когда власть персов простиралась от реки Инд до Средиземного моря, от Индии до Балкан и от Египта и Аравии до Кавказа. Именно в то время Иран, выражаясь современным научным языком, был одной из величайших держав и наиболее продолжительных империй в мировой истории.

Иран своим опытом национального величия и многовековыми стратегическими традициями выделяется среди других стран Ближнего Востока. Таким образом, политическая культура Ирана способна мыслить глобально, оказывать прямое влияние на соседние страны и играть активную роль в регионе. Несомненно, территориальные, демографические и ресурсные возможности предоставляют Тегерану возможность выступать в качестве активного игрока на политической арене Ближнего Востока. В этом контексте одним из главных краеугольных камней внешней политики Исламской Республики является солидарность и поддержка шиитов региона.

Политика национальной безопасности Ирана является продуктом многих факторов, иногда конкурирующих: идеологии исламской революции, восприятия иранскими лидерами угроз существующей системе и стране, иранских национальных интересов и т. д.

Военно-политическое руководство Ирана:

- стремится сдержать или сорвать усилия США, либо других стран по вторжению в страну или организовать беспорядки внутри страны с целью смены режима;
- стремится воспользоваться существующими возможностями региональных конфликтов для ослабления той структуры власти на Ближнем Востоке, которая, по утверждению Тегерана, благоприятствует Соединенным Штатам, Израилю, Саудовской Аравии и другим суннитским режимам.
- утверждает, что поддержка, оказанная Соединенными Штатами арабским режимам-суннитам, выступающим против Ирана, привела к усилению радикальных суннитских исламистских группировок и породила террористические группировки, в которых доминируют сунниты, как в свое время было «Исламское государство»² [Katzman, 2021].

---

² Ramin Mostaghim. Iranians Rally to Support Iraq; Some Blame U. S. for Sunni Insurgency. // Los Angeles Times. 24.06.2024. URL: <http://www.latimes.com/world/middleeast/la-fg-iran-volunteers-militants-iraq-20140624-story.html> (accessed: 10.10.2024).

Лидеры Ирана в первую очередь увязывают вопросы национальной безопасности с восприятием угроз исламскому режиму и национальным интересам, исходящих от Соединенных Штатов и их союзников³.

Высший руководитель Ирана, великий аятолла Али Хаменеи, неоднократно заявлял, что Соединенные Штаты никогда не признавали исламскую революцию и стремятся свергнуть ее путем поддержки внутренней оппозиции режиму, введения жестких экономических санкций и поддержки региональных противников Ирана [Reuters, 2014]. Во время своих выступлений Али Хаменеи часто предостерегает население страны от западного «культурного влияния» – социального поведения, которое, по его утверждению, не соответствует общественным и исламским ценностям Ирана. По данным официальных лиц США, «Верховный лидер Али Хаменеи сохраняет глубокое недоверие к намерениям США в отношении Ирана» [Report..., 2017].

Иранские лидеры утверждают, что сохранение Соединенными Штатами крупного военного присутствия в регионе Персидского залива и в других странах вокруг Ирана отражает намерение оказать давление на Тегеран или напасть на него, если Иран будет проводить политику, которую в Вашингтоне сочтут враждебной⁴.

В течение многих лет вопрос региональной мощи и рост влияния Ирана является горячей темой для глубокого анализа региональных и международных политических структур и СМИ. В этом отношении, в частности, геополитические соперники и противники Тегерана всегда пытались создать негативный образ региональной мощи и влияния Ирана и представить его как актора, подрывающего международный мир и стабильность на мировой арене.

С подачи целого ряда западных и региональных СМИ каждое действие Ирана на Ближнем Востоке в целом изображается как опасное событие для народов и стран региона и, конечно же, международного мира и безопасности. Целью подобных публикаций является создание в общественном мнении ментального образа, в процессе которого формируются негативные впечатления о региональной мощи и влиянии Исламской Республики Иран.

В этом контексте следует отметить, что в данных публикациях основной упор делается на поддержке ряда исламистских организаций и группировок, которые в ряде стран признаны террористическими. Это

---

³ Candid Discussion with Karim Sadjadpour // Foreign Policy Association. 06.05.2013. URL: <http://foreignpolicyblogs.com/2013/05/06/a-candid-discussion-with-karim-sadjadpour/> (accessed: 10.10.2024).

⁴ Erik Slavin. Iran Emphasizes Nuclear Reconciliation, Criticizes U. S. Military Posture in Persian Gulf // Stars and Stripes. 05.03.2014. URL: <https://www.stripes.com/migration/iran-emphasizes-nuclear-reconciliation-criticizes-us-military-posture-in-persian-gulf-1.271204> (accessed: 10.10.2024).

ливанская шиитская военно-политическая организация «Хезболла», иракская шиитская организация «Хашд аш-Шааби», суннитская организация «ХАМАС» и т. д. Но в то же время не делается акцент на те организации, которые вели или ведут террористическую деятельность против властей ИРИ. Среди них – боевая террористическая организация левых «Моджахедин-э Халк», «Федаин-э Халк», «Форкан» (идеологически соединяла шиитскую версию исламизма с воинствующим антиклерикализмом, выступала за «ислам без духовенства») [Cohen, 2015].

Так, в июне 1981 г. иранскими боевиками «Моджахедин-э Халк» был произведен взрыв в штаб-квартире Исламской республиканской партии, унесший жизни 72 высших чинов правительства, включая лидера ИРП и председателя Верховного суда аятоллу Мохаммада Бехешти, 2-го лица в стране [Colgan, 2013]. В августе того же года в результате организованного «Моджахедин-э Халк» взрыва в канцелярии премьер-министра погибли президент Мохаммед Раджаи, премьер-министр Мохаммед Бахонар и министр внутренних дел Вахид-Достгерди [Katzman, 2001].

И такую одиозную организацию в январе 2009 г. убрал из списка террористических Европейский союз [Runner, 2009], а в 2012 г. – США⁵.

Также террористическую деятельность против военно-политического руководства ИРИ вела суннитская боевая организация «Джундалла», организовавшая множество громких терактов против представителей иранских властей и высшего офицерства КСИР⁶.

Что касается военной мощи Ирана, то следует сказать, что Тегеран близок к возможности создания ядерного оружия, что, в свою очередь, коренным образом изменит баланс сил на Ближнем Востоке и, скорее всего, положит начало настоящей региональной гонке вооружений. Осознавая подобный сценарий развития событий, страны Запада задаются вопросом, стоит ли ужесточать свою политику в отношении Ирана.

Арабские государства, составляющие большинство стран Ближнего Востока, не готовы признать роль регионального лидерства за неарабской страной из-за цивилизационных, исторических, религиозных и культурных отличий. Точно так же Турция, которая за последние десятилетия сумела укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, будет всячески препятствовать превращению Ирана в крупную региональную державу. Кроме того, нерегиональные глобальные игроки, в первую

---

⁵ Iranian Dissidents Convince U. S. to Drop Terror Label // The New York Times. 21.09.2012. URL: https://www.nytimes.com/2012/09/22/world/middleeast/iranian-opposition-group-mek-wins-removal-from-us-terrorist-list.html?_r=0 (accessed: 10.10.2024).

⁶ Report: Bomb Kills 18 Revolutionary Guardsmen in Iran // The Washington Post. 14.02.2007. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/02/14/AR2007021400039.html> (accessed: 10.10.2024).

очередь США, рассматривают Иран как государство, которое не должно занимать роль центрального игрока в регионе.

За последние два десятилетия Иран достиг значительного прогресса в военной сфере и сфере безопасности, однако, немаловажным вызовом сохранения стабильности в самой стране являются экономические вопросы, решить которые, в виду напряженных отношений с Западом правительство ИРИ пытается решить путем установления близких торгово-экономических отношений с восточными странами, с государствами Центральной Азии и с Российской Федерацией.

По сравнению со своими региональными соперниками, Иран гораздо более уязвим в финансовом и экономическом отношении (в первую очередь из-за жесткого режима санкции), и проведение активной политики поддержки шиитских меньшинств на Ближнем Востоке влечет за собой значительные финансовые затраты. Тем не менее, в условиях жестких международных санкции Тегерану удалось создать относительно внушительный военный потенциал, стабилизировать экономику и укрепить обороноспособность страны.

Поэтому, совокупность ключевых геополитических и геостратегических факторов, связанных с наличием глубоких исторических, культурных, религиозных и цивилизационных конфликтов, а также явное противостояние региональных держав и глобальных игроков, являются теми факторами, которые всеми средствами будут стремиться к тому, чтобы не позволить Ирану сформировать полноценную мощную державу и создать независимую от Запада региональную подсистему на Ближнем Востоке под своим контролем.

Литература / References

1. Cohen, R. A. *Revolution Under Attack: The Forqan Group of Iran*. Palgrave Macmillan, 2015. 204 p. ISBN 978-1137502490
2. Colgan, J. *Petro-Aggression: When Oil Causes War*. Cambridge University Press, 2013. 167 p.
3. Katzman, K. *Iran: The People's Mojahedin Organization of Iran // Iran: Outlaw, Outcast, Or Normal Country? 2001*.
4. Katzman, K. *Iran's Foreign and Defense Policies*. Congressional Research Service, 2021. 55 p.
5. *Report on the Military Power of Iran*. United States Department of Defense, 2017. URL: https://man.fas.org/eprint/dod_iran_2016.pdf.
6. Reuters, 08.02.2014 (Khamene'i: «U. S. Would Overthrow Iranian Government If It Could – Media»).
7. Runner, Ph. *EU ministers drop Iran group from terror list*. EUobserver. 26.01.2009.
8. Saikal, A. *The Rise and Fall of the Shah: Iran from Autocracy to Religious Rule*. 2009. 328 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Candid Discussion with Karim Sadjadpour // Foreign Policy Association. 06.05.2013. URL: <http://foreignpolicyblogs.com/2013/05/06/a-candid-discussion-with-karim-sadjadpour/> (accessed: 10.10.2024).
2. Erik Slavin. Iran Emphasizes Nuclear Reconciliation, Criticizes U. S. Military Posture in Persian Gulf // Stars and Stripes. 05.03.2014. URL: <https://www.stripes.com/migration/iran-emphasizes-nuclear-reconciliation-criticizes-us-military-posture-in-persian-gulf-1.271204> (accessed: 10.10.2024).
3. Iranian Dissidents Convince U. S. to Drop Terror Label // The New York Times. 21.09.2012. URL: https://www.nytimes.com/2012/09/22/world/middleeast/iranian-opposition-group-mek-wins-removal-from-us-terrorist-list.html?_r=0 (accessed: 10.10.2024).
4. Marcin Andrzej Piotrowski. Iran's Relations with Hezbollah and Hamas Evolving // PISM. 24.10.2023. URL: <https://www.pism.pl/publications/irans-relations-with-hezbollah-and-hamas-evolving> (accessed: 10.10.2024).
5. Ramin Mostaghim. Iranians Rally to Support Iraq; Some Blame U. S. for Sunni Insurgency // Los Angeles Times. 24.06.2024. URL: <http://www.latimes.com/world/middleeast/la-fg-iran-volunteers-militants-iraq-20140624-story.html> (accessed: 10.10.2024).
6. Report: Bomb Kills 18 Revolutionary Guardsmen in Iran // The Washington Post. 14.02.2007. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/02/14/AR2007021400039.html> (accessed: 10.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Папав Василий Анатольевич –
независимый исследователь,
Тбилиси, Грузия

Papava Vasily A. – an independent
researcher, Tbilisi, Georgia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-147-159>

КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ ИРАНА И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Александр Иванович Полищук

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
polyshuk20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2296-4858>

Аннотация. В статье рассматривается культурный фактор в отношениях Исламской Республики Иран с постсоветскими республиками Центральной Азии. В его основе лежит культурная близость, позволяющая включать эти страны в ареал «Большого Ирана» с общим цивилизационным компонентом, историческими традициями и интеллектуально-художественным наследием. Концепция «Большого Ирана» во внешней политике ИРИ сложилась в 90-е гг. XX в. после постепенной смены экспансионистского лозунга «экспорта исламской революции» на лозунг «экспорта ирано-исламской культуры». В свою очередь, республики Центральной Азии в поисках национальной идентификации опираются на авторитет великих предков, многие из которых имеют прямое отношение к культуре «Большого Ирана». У каждой из стран Центральной Азии свои культурные особенности и внешнеполитические предпочтения. Тем не менее, общие с Ираном культурные авторитеты прошлого, общие праздники, совместные исследования «общей истории» помогают создавать атмосферу для решения важных вопросов политического и экономического взаимодействия.

Ключевые слова: Иран, страны Центральной Азии, «Большой Иран», персидская культура, культурная общность

Для цитирования: Полищук А. И. Культурный фактор в отношениях Ирана и государств Центральной Азии. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):147-159. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-147-159>

Original article. Politics studies

THE CULTURAL FACTOR IN RELATIONS BETWEEN IRAN AND CENTRAL ASIAN STATES

Alexander Polishchuk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
polyshuk20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2296-4858>

Abstract. The article examines the cultural factor in the relations of the Islamic Republic of Iran with the post-Soviet republics of Central Asia. It is based on cultural proximity, which allows these countries to be included in the area of «Greater Iran» with a common civilizational component, historical traditions and intellectual and artistic heritage. The concept of «Greater Iran» in Iranian foreign policy emerged in the 90s of the twentieth century. after a gradual change from the expansionist slogan of «export of the Islamic revolution» to the slogan of «export of Iranian-Islamic culture» In turn, the Central Asian repub-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

lics, in search of national identification, rely on the authority of their great ancestors, many of whom are directly related to the culture of «Greater Iran.»

Each of the Central Asian countries has its own cultural characteristics and foreign policy preferences. Nevertheless, cultural authorities of the past that are common with Iran, common holidays, and joint research into a «common history» help create an atmosphere for resolving important issues of political and economic interaction. Keywords: Saudi Arabia, Qatar, Kuwait, United Arab Emirates, OECD DAC, Israel, Gaza Strip

For citation: Polishchuk A. I. The Cultural Factor in Relations between Iran and Central Asian States. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):147-159. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-147-159>

Отношения Исламской Республики Иран и пяти постсоветских стран Центральной Азии (ЦА) стали активно складываться в начале 90-х гг. XX в. Именно в этот период бывшие советские республики стали полноправным субъектом международных отношений, а политика Ирана переживала модификацию – «замену радикального идеализма на прагматический реализм» [Уостнидж, 2014, с. 133]. Напомним, что после Исламской революции 1979 г., в результате которой к власти пришло шиитское духовенство, во внутренней и внешней политике главным стал лозунг: «Ни Запад, ни Восток – Исламская Республика». На протяжении всего первого послереволюционного десятилетия диалог Ирана с внешним миром был затруднен, а в области идеологии и культуры была предпринята попытка радикально отмежеваться от идеологического влияния чуждой исламу культуры, включая богатейшие пласты иранского культурного наследия.

Лозунг «ни Запад, ни Восток» был направлен прежде всего против западной буржуазной идеологии и культуры, а также против коммунистической идеологии СССР и Китая. Негативное же отношение к собственно иранской культуре было призвано дискредитировать проводимую шахом политику поддержки национального элемента в культуре в противовес ее исламской составляющей. В отрицании собственной культуры шиитские идеологи дошли до запрета персидской классической поэзии, признанной во всем мире кладезем мудрости, мерилom общечеловеческих морально-этических ценностей и образцом поэтического мастерства. Негативное отношение руководства ИРИ к собственной культуре, которая для народов Центральной Азии веками была образцом для подражания, а также провозглашаемый шиитскими властями лозунг «экспорта исламской революции» вызывали у руководства советских республик Центральной (Средней) Азии настороженность и нежелание поддерживать гуманитарные контакты с ИРИ.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Постепенно шиитские власти и дипломатический корпус ИРИ начали приходить к пониманию бесперспективности такой политики для развития страны и отношений с соседями. Во многом этому способствовала изнурительная ирано-иракская война (1980–1988), которая показала Тегерану невозможность утверждения своего влияния в регионе исключительно силовыми методами. И лозунг экспорта исламской революции еще самим ее вождем Хомейни в конце 80-х гг. был заменен на «экспорт исламской культурной революции», а в период прагматичной дипломатии президента А. А. Хашеми-Рафсанджани (1989–1996) внешнеполитический курс был скорректирован как «экспорт культуры исламской революции». С приходом к власти президента М. Хатами (1997–2005) дипломатами стал использоваться лозунг «экспорт ирано-исламской культуры» [Соболева, Карими Риаби, 2021, с. 132].

При этом само понятие «ирано-исламская культура» претерпело значительную трансформацию. Как отмечалось выше, в первые годы после революции основным содержанием культурной политики руководства ИРИ было снижение внимания к древней, доисламской культуре Ирана в пользу традиций и практики официального ислама шиитского толка. С подачи Высшего совета культурной революции под запретом оказались широкое празднование Ноуруза, а также вся суфийская поэзия с ее смелыми символическими образами – вина и женской красоты. Однако незадолго до кончины имама Хомейни публике стало известно, что он сам пишет стихи, погружаясь в глубины эрфана – в печати появился его сборник «Бе суй-е эшк» («В сторону любви»). Публикацию этих стихов нельзя считать случайной. Возможно, «имам Хомейни восхотел остаться в памяти иранцев не только, а может быть не столько как создатель концепции и теории «веляйте факих» (правление мусульманского богослова-правоведа), но и как носитель иранской культурной традиции, и обеспечить свой «эсламийят» своим же «иранийятом», обеспечить сбалансированность этих начал» [Арабаджян, 1998, с. 33].

Усиленное внимание стало уделяться изучению и распространению персидского языка и литературных памятников на нем. В декабре 1990 г. в литературную жизнь ИРИ была возвращена эпическая поэма Фирдоуси «Шахнаме», запрещенная исламскими властями в 1979 г. [Кляшторина, 1998, с. 121]. «Сегодня правящая элита ИРИ отчетливо осознает значимость самого института “культурного наследия” в жизни общества и активно использует его во внутренней и внешней политике, в частности, в регионе стран Западной и Центральной Азии» [Кляшторина, 1998, с. 122].

Хотя содержание термина «ирано-исламская культура» претерпело значительную эволюцию, значение культурного фактора во внутренней и внешней политике Ирана за 45 лет несколько не ослабело. Работа

«по расширению влияния культурных ценностей ИРИ» детально расписана в долговременном «Плане культурной инженерии», который по указанию Верховного лидера ИРИ Али Хаменеи был утвержден Высшим советом культурной революции в 2014 г. В статье 6 раздела 13 иранская культура (в самом широком смысле) рассматривается как «мягкая сила» Ирана и инструмент «укрепления культурного фронта исламской революции» в регионе и мире [Полищук, 2019].

В то же время государства ЦА, получившие независимость с распадом СССР, стали строить свою новую национально-идентификационную политику, опираясь на традиционные ценности досоветского периода и авторитеты великих предков, среди которых исторические и легендарные личности далекого прошлого: правители, полководцы, поэты, ученые. Многие из них не были этническими персами, но в своих научных и литературных трудах они активно использовали персидский язык наряду с арабским и своими родным языками.

В выстраивании отношений с новыми независимыми республиками Центральной Азии ИРИ с середины 90-х годов стала широко применять аргумент культурной общности, включая народы ЦА в ареал «*Большого Ирана*» и «*исламской цивилизации*» в контексте «Диалога цивилизаций» при президенте Хатами. «Центральная Азия имеет с Ираном социокультурную, религиозную и историческую общность с давними традициями. Распространение персидского языка в этом регионе в различные исторические периоды придавало этим взаимоотношениям особую окраску» [с. 15]. Отношения ЦА с Ираном «сложились еще до появления ислама и даже до христианства. Большая часть территории нынешней Центральной Азии в древности была частью Ирана» [Санаи, 2002, с. 16]. «Школы Мавераннахра и Хорасана получили особое развитие и стали колыбелью великих ученых, используя систему обучения и воспитания, заимствованную именно у древних иранцев» [Санаи, 2002, с. 17]. «Шёлковый путь явился средством распространения иранской культуры, искусства и языка на всей территории Центральной Азии и особенно в городах, расположенных между Бухарой и Кашгаром. Можно обоснованно говорить о том, что иранская культура проявлялась во всех сферах жизни народов Центральной Азии, как во время вхождения Мавераннахра в Иран, так и после его отделения» [Санаи, 2002, с. 17]. Эти утверждения принадлежат бывшему послу Ирана в России Мехди Санаи, который с середины 90-х гг. работал в Казахстане, где стал первым руководителем Культурного представительства Ирана¹.

---

¹ В августе 2024 г. Мехди Санаи назначен заместителем руководителя администрации Президента ИРИ Масуда Пезешкиана по политическим вопросам [Экс-посла Ирана в РФ назначили..., 2024].

Это представительство при Посольстве Ирана в Казахстане было открыто в Астане в 1997 г. под эгидой созданной двумя годами ранее *Организации культуры и исламских связей ИРИ*, инструмента практического осуществления иранской культурной политики за рубежом. В 1999 г. было открыто Культурное представительство Ирана в Туркменистане. Первые 4 года его руководителем был Абузар Эбрахими Торкаман, возглавивший с 2008 г. такое же представительство в Москве, а в 2013 г. – ОКИС. Культурный центр ИРИ в Кыргызстане был открыт только в 2010 г., но с 2002 г. там действует Общество дружбы «Кыргызстан – Иран», деятельность которого заметно укрепила киргизско-иранские культурные связи.

В ИРИ сознавали, что мусульмане всех постсоветских республик ЦА традиционно исповедуют ислам суннитского толка, поэтому, ставя цель культурного сближения с этими странами, Иран не стал делать акцент на религиозной составляющей своей культуры. Деятельность иранских культурных центров там сосредоточена на организации выставок традиционного искусства, Дней памяти великих «общих» поэтов (таких как Рудаки, Саади, Хафиз, Руми, Хайям) и ученых (Ибн Сина, аль-Газали, Улугбек, Бируни); праздновании Ноуруза, организации курсов персидского языка, привлечения внимания к туристическим достопримечательностям Ирана и его объектам под эгидой ЮНЕСКО.

В Узбекистане традиционно настороженно относятся к иранскому присутствию в регионе, и Культурное представительство Ирана в Ташкенте носит скромное название «Культурный *отдел* при Посольстве». В своей деятельности он ограничивается предоставлением книг и оборудования узбекским университетам, где изучают персидский язык. Сохранение дистанции объясняется не только опасениями распространения шиитской идеологии в исторически суннитской среде, но тем, что Узбекистан позиционирует себя хранителем тюркского единства и наследником империи Тамерлана, не пользующегося доброй памятью в Иране. При этом в Самарканде и Бухаре проживает значительное персоязычное меньшинство, которое не без оснований считает себя частью «иранзамин» (земли Ирана).

Наиболее близким Ирану в культурном плане является Таджикистан, который с момента обретения независимости стал активно развивать культурные связи с ИРИ. Меморандум о культурном сотрудничестве между ИРИ и Республикой Таджикистан был подписан еще в 1993 г. Иран спонсировал открытие книжных магазинов, создание памятников Омару Хайяму и Фирдоуси в Душанбе. Иранское посольство содействовало восстановлению по всей стране библиотек, содержащих в своих фондах материалы по персидскому языку и литературе, и факультетов,

на которых преподавался фарси. Иран не ограничивал сотрудничество с Таджикистаном только гуманитарной сферой: он сыграл конструктивную роль в прекращении гражданской войны в РТ, предоставив свою площадку для переговоров и не приняв сторону таджикской (формально «происламской») оппозиции. Иран способствовал возрождению таджикской экономики, помогая восстанавливать ГЭС Сангтуда-2 и построить туннель Анзоб на Памире [Mahmoudi, 2007].

В нынешней сложной международной обстановке Иран стремится к добрососедским отношениям со всеми странами Центральной Азии для поддержания региональной безопасности и сохранения имиджа надежного партнера и сильного независимого игрока, претендующего на роль одного из цивилизационных полюсов многополярного мира. Иран не игнорирует интересы России в странах Центральной Азии, активно участвуя в международных мероприятиях РФ (торгово-экономических выставках, научно-практических конференциях, международных спортивных состязаниях, кинофестивалях, медиафорумах). В 2023 г. Иран официально стал членом ШОС, а с января 2024 г. вошел в БРИКС, включившись во все региональные культурные программы по линии этих организаций.

«Иран всегда был важным игроком в Центральной Азии. Естественно, если бы не западные санкции, Иран, *опираясь на свое культурное и историческое влияние* (курсив мой – А. П.), современные достижения в научных, технологических, промышленных, медицинских и других сферах, мог бы играть более активную роль. Но, конечно, есть и другие факторы. Центральная Азия является одним из немногих регионов, где Иран достаточно четко учитывает интересы России и кажется, что он пока не считает растущее влияние Китая в Центральной Азии противоречащим своим интересам. Ведь присутствие этих двух важных игроков делает регион более предсказуемым и безопасным для Ирана с точки зрения внешних угроз» [Бекмухаммад, 2024].

Во время визита в Иран на инаугурацию новоизбранного президента ИРИ Масуда Пезешкиана президент Таджикистана Эмомали Рахмон встретился с Духовным лидером Ирана Али Хаменеи. В ходе встречи Рахмон «подчеркнул *историческую и культурную общность двух стран* (курсив мой – А. П.), и выразил твердую решимость Таджикистана «продолжать укреплять связи в духе взаимопонимания и партнерства» [Аслонова, 2024].

Хаменеи, в свою очередь, выразил мнение, что «Иран нацелен на расширение отношений с государствами региона, особенно с теми, с которыми у Ирана есть *общие языковые, исторические и религиозные корни*» (курсив мой – А. П.). Духовный лидер Ирана отметил важность

персидского языка как общего культурного наследия для Ирана, Таджикистана и Афганистана, подчеркнув необходимость активного поддержания и развития этого языка. В этом контексте он поблагодарил главу Таджикистана за усилия по популяризации персидского языка в стране и выразил надежду на дальнейшее распространение древней персидской письменности» [Необходимость расширения..., 2024].

Заметную роль в продвижении иранской культуры в ЦА играет Международный Фонд иранистики, созданный в ИРИ в 1998 г. Фонд, имеющий свои отделения во всех республиках ЦА, регулярно проводит поэтические вечера и лекции по персидской литературе, при нем функционируют курсы персидского языка. Курсы и мастер-классы по каллиграфии, выставки известных иранских каллиграфов и художников-миниатюристов, проведение концертов иранских музыкантов, показы иранских фильмов способствуют созданию привлекательного образа ИРИ и хорошего эмоционального фона для восприятия современного Ирана.

Культурные представительства при посольствах ИРИ совместно с Фондом иранистики выступают региональными координаторами ежегодной международной премии ИРИ «Книга года». Этот конкурс позволяет выявить наиболее значимые научные труды по иранистике и исламоведению во всем мире. В 2004 г. этой премии удостоился профессор Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша (г. Душанбе) Низам Нурджанов за свой двухтомный труд «Традиционный театр таджиков» [Низом Нурҷонов, 2022].

В 2016 г. «Книгой года» в Иране стала книга «Ханафитский мазхаб в истории Центральной Азии», автором которой был Аширбек Муминов, заведующий кафедрой религиоведения Евразийского национального университета им. Льва Гумилева (г. Астана) [Итоги премии... 2016].

Целенаправленная государственная поддержка иранистики в странах ЦА, работа по «совместному освоению общего культурного наследия» помогает Ирану расширять влияние среди представителей интеллигенции этих стран, а через них – в широких общественных кругах. Авторитетные ученые, разрабатывая концепцию национальной идентификации своих республик, апеллируют к идеям культурной общности с Ираном. Например, профессор КазУМОиМЯ имени Абылай хана Сафар Абдулло, литературовед-полиглот таджикского происхождения, считает искусственным само понятие «таджикский язык» и выступает за «восстановление исторического названия языка – фарси». Замену существующей до 1924 г. арабской графики латиницей, а затем кириллицей (в Таджикской ССР) ученый называет «варварским актом», в результате которого «народ был оторван от своих предков, от своих корней, а также лишен непосредственного письменного общения с миллионами персо-

язычных людей, которые жили за пределами Советского Союза [Сафар Абдулло... 2019].

Идея замены кириллицы на арабскую графику в Республике Таджикистан на сегодня (2024) не принята, однако, согласно *Программе развития государственного языка РТ на 2012–2016 гг.*, многие правила написания и нормы произношения были скорректированы на основе исторической орфографии и орфоэпии таджикского языка. Об этих изменениях подробно пишет филолог Халима Хушкадамова, преподаватель таджикского языка в ИСАА МГУ. Анализируя дискуссию по поводу идеи отказаться от кириллицы, исследователь отмечает: «Пользователи сети по-разному относятся к замещению существующей графики арабицей, однако в одном у них общая позиция: необходимо повсеместно организовать изучение языка предков, освоение персидской каллиграфии» [Хушкадамова, 2018, с. 125].

Одним из важных событий культурной жизни Ирана является широкое празднование Новруза (Нового года), который по календарю иранской солнечной хиджры наступает 1 фарвардина, совпадая с Днем весеннего равноденствия 21 марта. Новруз (под разными названиями) отмечается многими иранскими, тюркскими и кавказскими народами как праздник весеннего обновления. Но именно в Иране во времена Ахеменидов Новрузу впервые был придан официальный государственный статус под эгидой зороастрийской религии. Несмотря на «неисламскую» природу, Новруз уже в начале 90-х гг. XX в. был объявлен в Исламской Республике Иран одним из главных национальных праздников. А в 2005 г. правительством ИРИ была подана заявка в ООН на включение Новруза в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. Вслед за Ираном к этому предложению присоединились еще 11 стран, в том числе Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, где тоже широко отмечают праздник весны Новруз (Навруз, Наурыз). Новруз был включен в Список ЮНЕСКО 30 сентября 2009 г., а 23 февраля 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о праздновании «Международного дня Навруз» 21 марта [Международный день...]. Деятели культуры и дипломаты из Ирана всегда являются желанными гостями во всех странах Центральной Азии на торжествах, посвященных этому празднику.

В поисках «национального кода» и базовых точек культурного развития постсоветские страны Центральной Азии опираются на деяния великих предков – выдающихся ученых и поэтов периода Восточного Ренессанса (примерно с IX по XVI вв.). Границы исламских стран в Средневековье были чрезвычайно подвижны и весьма условны, а творческие личности часто путешествовали, спасаясь от набегов завоевателей

и ища покровительство при дворе сильных правителей. Поэтому многие великие ученые и поэты одинаково считаются «своими» в разных частях исламского мира. Например, Джалал ад-Дин Руми (1207–1273) родился в окрестностях находящегося на территории нынешнего Афганистана города Балх, а большую часть жизни провел в Конье, которая в то время была столицей Конийского (Румского) султаната сельджуков, а ныне – территория Турции. Неудивительно, что творившего на нескольких языках Руми считают своим великим предком и персы, и афганцы, и таджики, и турки. Это дает повод не только для споров, но и для общих мероприятий в честь поэта и совместных исследований его творчества. С 2009 г. день рождения Руми (30 сентября) ежегодно отмечается в Таджикистане, и представители Ирана неизменно присутствуют на этих торжествах.

Дни памяти персидских классиков отмечают на разных уровнях во всех республиках Центральной Азии, связывая их жизнь и творчество с историей страны и ставя в один ряд с национальными поэтами. «Сегодня мы чтим память учителя речи Саади Ширази, пользующегося большим уважением в мире поэзии. Богатое содержание стихов Саади Ширази посвящено справедливости и процветанию. Поэтому спустя столетия идеи Саади Ширази повлияли на Махтумкули Фраги и Довлетмаммета Азади, так как эти двое считали Саади своим учителем и стремились достичь его уровня в области поэзии. <...> Сегодня такие мастера речи, как Саади, Хафез, Азади и Махтумкули – это бескрайний океан мира и стабильности», – сказал Моксат Чарыев, ректор Государственного университета иностранных языков имени Довлетмаммета Азади на праздновании Дня памяти Саади 20 апреля 2024 г. [День памяти..., 2024].

В Узбекистане, который позиционирует себя как лидер тюркского мира в ЦА, в начале сентября 2022 г. был открыт памятник великому персидскому поэту Абулькасиму Фирдоуси на улице, носящей его имя в Самарканде – городе компактного проживания ираноязычной диаспоры. Этот величественный монумент работы Тулягана Ёркулова долгие годы хранился в самаркандской мечети Панджаб [Открыт памятник..., 2022]. Торжественное открытие памятника состоялось накануне визита президента Ирана, посетившего Узбекистан впервые за 20 лет. В ходе визита были заключены меморандумы об осуществлении международных грузоперевозок и транзита через порт «Чабахар», о сотрудничестве в сферах нефти, газа и нефтехимии, здравоохранения и фармацевтики, образования, науки, техники и инноваций, экологии, спорта, туризма, занятости и трудовых отношений, подписаны документы между Институтом востоковедения имени Абу Райхона Беруни Узбекистана и Органи-

зацией архива и Национальной библиотеки Ирана, а также *фондами Ибн Сины двух стран*» (курсив мой – А. П.) [Президент Ирана..., 2022].

«Дипломатический потенциал» великих персидских ученых помогает республикам ЦА выстраивать отношения и без прямого участия Ирана. В один из Дней таджикской культуры в Казахстане, проходивших в августе 2023 г., в Астане был открыт памятник Ибн Сине. «Символично, что на казахской земле родился великий мыслитель Востока Аль Фараби. Его труды и труды Абу Али ибн Сины перекликались. Связь персидской и тюркской культур была всегда, они всегда шли и развивались вместе. Думаю, так будет и в будущем», – отметил доктор исторических наук Марат Абсеметов на церемонии открытия памятника [Памятник Авиценне..., 2023].

Заключение

Исламская Республика Иран с начала 90-х гг. XX века позиционирует себя наследницей великой иранской культуры, включающей достижения доисламского прошлого и творения ученых разных эпох на территории от Малой Азии до Индии, где персидский язык играл роль языка межнационального общения, поэзии и науки для различных народов.

Широкое распространение иранской культуры и персидского языка в прошлые века наложило значительный отпечаток на развитие культуры в странах Центральной Азии, что позволяет их условно включить в ареал «Большого Ирана», предполагающий культурную и историческую общность.

Аргумент культурной близости играет важную роль в выстраивании отношений ИРИ с постсоветскими республиками Центральной Азии, которые в поисках своей культурной идентификации опираются на авторитеты великих предков (таких как Ибн Сина, Саади, Фирдоуси, Бируни и др.), так или иначе относящихся к «Большому Ирану».

Хотя не все республики в одинаковой степени считают себя частью «Большого Ирана», каждая из них в своей «многовекторной» политике заинтересована в сотрудничестве с Ираном – страной с большим экономическим и культурным потенциалом.

Наибольшую языковую и этническую близость с Ираном имеет Таджикистан. Однако Таджикистан строит светское государство, а мусульмане Таджикистана традиционно исповедуют ислам суннитского толка, что ограничивает сотрудничество с шиитским духовенством в сфере религиозно-философского образования. Вместе с тем наличие в Таджикистане псевдорелигиозных сообществ типа «ИГИЛ-Хорасан»², совер-

---

² Террористическая организация, запрещена в России.

шивших несколько терактов на территории Ирана, требуют совместных усилий двух стран по предотвращению экстремистских настроений среди молодежи – не только со стороны правоохранительных органов, но и духовенства.

Иран старается через связанные с ним структуры (культурные представительства, Фонд Саади, Фонд иранистики, Фонд Ибн Сины) поддерживать научное и университетское сообщество стран ЦА, изучающее персидский язык, историю и литературу, поощряет участие ученых ЦА в международных конференциях и творческих конкурсах по иранской тематике. В свою очередь, исследователи-иранисты из стран ЦА становятся проводниками иранской культуры и политики не только в научных кругах, но и среди бесчисленных читателей своих постов в интернете.

В целом использование фактора культурной близости в выстраивании отношений с соседями по региону нам представляется конструктивным направлением во внешней политике Ирана, в отличие от имевшей место в первое десятилетие существования ИРИ изоляционистской политики «Ни Запад, ни Восток – Исламская республика».

Литература / References

1. Арабаджян А. З. Ислам и иранское начало в ИРИ (проблема соотносительности) // Иран: эволюция исламского правления. М.: ИВ РАН, 1998. С. 30–36. [Arabajyan A. Z. Islam and the Iranian beginning in Iran (the problem of correlation) // Iran: the evolution of Islamic rule. Moscow: IOS RAS, 1998. Pp. 30–36. (in Russian)].
2. Кляшторина В. Б. Культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе (90-е гг.) // Исламская Республика Иран в 90-е годы (экономика, политика, культура). М.: ИВ РАН, 1998. С. 120–129. [Klyashtorina V. B. Cultural and political doctrine of Iran in the region (90s). Islamic Republic of Iran in the 90s (economics, politics, culture). Moscow: IOS RAS, 1998. Pp.120–129. (in Russian)].
3. Полищук А. И. План реализации культурной политики ИРИ как инструмент «мягкой силы» // Социально-политические процессы на Востоке. Труды Института востоковедения РАН. 2019. Вып. 26. С. 201–210. [Polishchuk A. I. Plan for the implementation of Iranian cultural policy as a tool of «soft power» // Socio-political processes in the East. Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 26. Pp. 201–210 (in Russian)].
4. Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ (социально-политические и экономические аспекты). М.: Муравей, 2002. 136 с. [Sanaei M. Iran's relations with the Central Asian CIS countries (socio-political and economic aspects). Moscow: Ant. 2002. 136 p. (in Russian)].
5. Соболева А. С., Карими Риabi Э. Культурное наследие Ирана в арсенале «мягкой силы» ИРИ // Восток (Oriens). 2021. № 1. С. 130–143. [Soboleva A. S., Karimi Riabi E. Iran's Cultural Heritage in the «Soft Power» Arsenal of the Islamic Republic of Iran// East (Oriens). 2021. No. 1. Pp. 130–143 (in Russian)].

6. Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Том 17. Выпуск 4. С. 131–144. [Wastnidge E. Foreign cultural policy of Iran in Central Asia: a demonstration of political pragmatism // Central Asia and the Caucasus. 2014. Vol. 17. Issue 4. Pp. 131–144 (in Russian)].
7. Хушкадамова Х. О. Языковая ситуация в таджикском социуме // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 16 (4). С. 120–128. [Khushkadamova Kh. O. Language situation in Tajik society // Philological sciences at MGIMO. 2018. No. 16. (4). Pp.120–128. (in Russian)].
8. Mahmoudi M. āsiā markazi va roshd hamkārihāye chand jānebe irān va tājikistān (Центральная Азия и развитие многостороннего ирано-таджикского сотрудничества) // Motāleāt-e āsiā-ye markazi va qafqāz (Центральноазиатское и кавказское обозрение). 2007. № 58. С. 7–48. [Central Asia and the development of multilateral Iranian-Tajik cooperation // Central Asian and Caucasian Review. 2007. No. 58. Pp. 7–48 (in Tajik)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Аслонова Н. Таджикистан и Иран отметили роль персидского языка в развитии двусторонних отношений // Asia-Plus. 30.07.2024. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20240730/tadzhikistan-i-iran-otmetili-rol-persidskogo-yazika-v-razvitiiv-dvustoronnih-otnoshenii> (дата обращения: 07.09.2024).
2. Бекмухаммад Косим. Иран выходит на новый круг... // Asia-Plus. 19.07.2024. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/opinion/20240719/iran-vihodit-na-novii-krugchto-zhdattadzhikistanu-ot-novogo-prezidenta-irana?utm_source=gravitec&utm_medium=push&utm_campaign (дата обращения: 07.09.2024).
3. День памяти Саади в Университете имени Азади в Туркменистане // Сайт Посольства Ирана в Туркменистане. 23.04.2024. URL: <https://turkmenistan.mfa.gov.ir/ru/newsview/744048/День-памяти-Саади-в-Университете-имени-Азади-в-Туркменистане> (дата обращения: 11.09.2024 г.)
4. Итоги премии «Книга года» об исламе и Иране на русском языке // Сайт Фонда Ибн Сины. 09.12.2016..URL: <https://islamfond.ru/2016/12/09/итоги-премии-книга-года-об-исламе-и-и/> (дата обращения: 07.09.2024).
5. Необходимость расширения сотрудничества для сохранения и распространения персидского языка // Агентство Мехр от 9 мордада 1403 г. с. х. (30 июля 2024). URL: <https://www.mehrnews.com/news/6180410/ريهر-ابين-اتسکيجاتر-وهمجسینر> درکرانديجبالاتقا (accessed: 07.09.2024). На перс. яз.
6. Низом Нурҷонов: Академик нашудам, аз паси мукофот надавидам, фақат кор кардам (Низам Нурджанов: Я не стал академиком, не гнался за наградами, я просто работал) // PRESSA.TJ от 06.06.2022. URL: <https://pressa.tj/nizom-nur-onov-akademik-nashudam-az-pasi-mukofot-nadavidam-fa-at-kor-kardam/> (accessed: 07.09.2024). На тадж. яз.
7. Открыт памятник Фирдоуси // Самаркандский вестник. 13.09.2022. URL: <https://sv.zarnews.uz/post/otkrt-pamyatnik-firdousi> (дата обращения: 11.09.2024).
8. Памятник Авиценне открыли в Астане в Дни таджикской культуры // Интернет-портал МТРК «Мир». 25.08.2023. URL: <https://mir24.tv/news/16563110/pamyatnik-avicenne-tkryli-v-astane-v-dni-tadzhikskoi-kultury> (дата обращения: 11.09.2024).

9. Президент Ирана совершает первый за 20 лет визит в Узбекистан // Газета. uz. 14.09.2022. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/09/14/iran/> (дата обращения: 11.09.2024).
10. Сафар Абдулло. Персидский язык, культура и наследие. Что мы делаем не так? // Экспертные записки на сайте Central Asian Analytical Network. 07.07.2019. URL: <https://www.caa-network.org/archives/17506> (дата обращения: 09.09.2024).
11. Экс-посла Ирана в РФ назначили замглавы администрации президента республики // ТАСС со ссылкой на IRNA. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21679489> (дата обращения: 07.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Полищук Александр Иванович – канд. ист. наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия

Polishchuk Alexander I. – PhD (Hist.), Associate Professor of the Department of Oriental Languages of the Faculty of Translation and Interpreting of Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-160-168>

РЕТРОСПЕКТИВА ИРАНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1991–2023 гг.: УСПЕХИ, ТРУДНОСТИ И ПОИСКИ КОМПРОМИССА

Лана Меджидовна Раванди-Фадаи

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ravandifadai@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-7964-6335>

Аннотация. Статья посвящена обзору отношений между Ираном и Азербайджаном с 1991 по 2023 гг. В этот период, особенно в первой половине 1990-х гг., между Ираном и недавно получившим независимость Азербайджаном возникли серьезные противоречия, и в результате Иран сделал основной акцент на сотрудничестве с Арменией в регионе. Особенно серьезно отношения осложняли ирредентистские стремления президента А. Эльчибея, а также недовольство Ирана из-за его невозможности участвовать в разработке азербайджанских нефтяных месторождений. Однако с приходом опытного и рационального политика Г. Алиева в Азербайджане, а также президента-реформатора М. Хатами в Иране, произошла определенная стабилизация и активизация двусторонних связей. Впоследствии долгое время отношения сохранялись на стабильном уровне, однако в 2021–2023 гг. претерпели существенное охлаждение вплоть до трагических инцидентов. Во второй половине 2023 г. отношения стали постепенно восстанавливаться, во многом из-за взаимного интереса к транспортному коридору «Север – Юг».

Ключевые слова: Иран, Азербайджан, Карабах, иранские азербайджанцы, нефть

Для цитирования: Раванди-Фадаи Л. М. Ретроспектива ирано-азербайджанских отношений 1991–2023 гг.: успехи, трудности и поиски компромисса. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):160-168. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-160-168>

Original article. Politics studies

A LOOK BACK ON IRANIAN-AZERBAIJANI RELATIONS FROM 1991 TO 2023: SUCCESSES, DIFFICULTIES AND SEARCHES FOR COMPROMISE

Lana Ravandi-Fadai

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
HSE University, Moscow, Russia,
ravandifadai@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-7964-6335>

Abstract. The article provides an overview of relations between Iran and Azerbaijan from 1991 to 2023. During this period, especially in the first half of the 1990s, serious disagreements arose between Iran and the newly independent Azerbaijan, with the result that Iran focused on cooperation with Armenia. Ties were especially tested by the irredentist aspirations of Azerbaijani President Abulfaz Elchibey and Iranian discontent at being sidelined from

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

the development of Azerbaijani oil fields. The advent of a new generation of leaders, however, saw decided improvements. The more experienced and strategically minded President Heydar Aliyev in Azerbaijan and reformist Iranian President Muhammad Khatami solidified and intensified bilateral relations. But after a long period of stability, 2021–2023 witnessed a significant cooling, reaching a low point in tragedy. In the second half of 2023, relations gradually began to recover, largely due to mutual interest in the North-South transport corridor.

Keywords: Iran, Azerbaijan, Karabakh, Iranian Azerbaijanis, oil

For citation: Ravandi-Fadai L. M. A Look Back on Iranian-Azerbaijani Relations from 1991 to 2023: Successes, Difficulties and Searches for Compromise. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):160-168. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-160-168>

Ирано-азербайджанские отношения пережили за рассматриваемый период несколько этапов, включавших в себя как подъемы, так и спады. Иногда казалось, что отношения между двумя государствами стабильно и успешно развиваются, так что им ничто не угрожает. А иногда, наоборот, казалось, что взаимная горечь и опасения настолько велики, что стороны вот-вот разорвут дипломатические отношения. Как бы то ни было, к счастью, в середине 2023 г. Иран и Азербайджан проявили твердую решимость значительно улучшить отношения и сохраняют верность этому курсу на добрососедство и взаимное мирное сотрудничество до сих пор.

Азербайджан возник как независимое государство в 1991 г. после распада СССР. С того времени эта вновь образовавшаяся южнокавказская республика стала строить отношения со своим большим южным соседом самостоятельно. Вначале многим казалось, что отношения будут строиться если не безоблачно, то очень продуктивно и будут развиваться только по возрастающей. Ведь Иран и Азербайджан связывает очень многое: столетия общей истории, когда Ираном управляла азербайджанская династия Сефевидов, общие культурные обычаи, в первую очередь Новруз, общая традиционная музыка и традиционные ремесла, общая шиитская религиозная традиция. Связывает две страны и значительный процент общей лексики – по большей части это огромное количество лексических и даже грамматических заимствований из фарси в азербайджанский, хотя имели место и обратные случаи. Особенно много азербайджанских элементов оказалось в разговорном варианте тегеранского диалекта персидского языка. Не говоря уже о том, что в Иране проживает больше азербайджанцев, чем в самом Азербайджане.

Однако реальность оказалась непредсказуемой и часто суровой. Может быть, такая близость даже сыграла отрицательную роль, так как повлекла за собой разного рода подозрения и опасения. Азербайджанцы опасались, что Иран хочет убрать светский строй, к которому они при-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

выкли, и установить у них консервативную исламскую республику своего образца. Иранцы же переживали, что Азербайджан может однажды (может быть, при поддержке Турции или даже НАТО) предъявить претензии на населенные азербайджанцами останы (провинции) страны. В общем, все эти опасения, как и допущенные ошибки с двух сторон, часто негативно влияли на развитие отношений и приводили к серьезным осложнениям и даже дипломатическим скандалам. В настоящей статье будут рассмотрены основные этапы развития ирано-азербайджанских отношений за последние три десятилетия с их подъемами и спадами.

Начало независимого существования Азербайджана омрачилось обострением азербайджано-армянского вооруженного конфликта, который начался еще в последние годы существования СССР. В Азербайджане местные радикалы устроили погромы армян в Сумгаите (1988 г.) и Баку (1990 г.), в ходе которых в каждом из этих городов погибли как минимум десятки мирных горожан, а эмигрировали из республики после этого сотни тысяч армян [Мелик-Шахназаров, 2009]. Параллельно азербайджанцы в массовом порядке бежали из Армении из-за притеснений и опасений за свою безопасность. А в 1992 г. сам Азербайджан столкнулся с нападением со стороны Армении. Она смогла быстро создать сильную, технически оснащенную армию и при поддержке армянских сепаратистских формирований оккупировала значительную часть территории Азербайджана – населенный в основном этническими армянами Карабах и прилегающие к нему семь районов, населенные в основном этническими азербайджанцами, площадью 14 тыс. км², или 16% азербайджанской территории. Некоторыми армянскими оккупационными отрядами были совершены преступления, особенно в г. Ходжалы в феврале 1992 г., когда были убиты сотни мирных жителей. Всего почти 1 млн азербайджанцев, включая беженцев из Армении, были вынуждены бросить родные дома и имущество [Ибрагимов, 2018, с. 150–152]. В результате, хотя армяне в конфликте тоже понесли большой ущерб, но азербайджанцы в совокупности пострадали значительно сильнее армян. Многие азербайджанцы ожидали, что Иран как единоверная страна окажет им активную помощь. Однако на самом деле Иран официально сохранил нейтралитет, и, наверное, был единственной мусульманской страной, которая серьезно помогла Армении, отказавшись присоединиться к блокаде, установленной Азербайджаном и Турцией. Между Ираном и Арменией существовала «дорога жизни», с помощью которой армяне могли удовлетворить многие необходимые потребности¹.

---

¹ Гарибджанян Г. Армения не безучастна к активности ирано-российских отношений // Iran.ru. URL: https://www.iran.ru/news/politics/28806/Gegam_Garibdzhanyan_Armeniya_ne_bezuchastna_k_aktivnosti_irano_rossiyskih_otnosheniy (дата обращения: 23.06.2024).

В 1992–1993 гг. Азербайджан возглавлял националист и пантюркист Абульфаз Эльчибей, который открыто предъявлял претензии на территории Ирана, населенные азербайджанцами. Это не могло не отразиться негативно на двусторонних отношениях [Сченснович, 2020, с. 34–35]. В дальнейшем, в 1994 г., Азербайджан, разоренный войной, экономическим кризисом и инфляцией, но обладающий богатыми запасами нефти и газа, решил улучшить свое экономическое положение путем взаимодействия с Западом. Власти Азербайджана пригласили компании из России, Турции и нескольких стран Запада, в том числе США и Великобританию, стать акционерами в нефтяном консорциуме АМОК (Азербайджанская международная операционная компания). В том же году была достигнута предварительная договоренность, что Иран тоже получит 5% акций консорциума, в обмен на оказание денежной помощи Азербайджану. Однако из-за давления США этого не произошло [Алиев, 2003, с. 87]. После этого создается впечатление, что Иран с тех пор как будто обиделся на Азербайджан. Действительно, если посмотреть на развитие двусторонних отношений, они становятся более сдержанными, холодными, и Иран с этого времени начинает явно больше симпатизировать и помогать Армении.

Но после прихода к власти в Тегеране президента-реформатора Мохаммада Хатами начинается медленное улучшение отношений, хотя прежнего уровня они так и не достигли. Улучшению отношений способствовало и то, что президент Азербайджана Гейдар Алиев отказался от каких-либо территориальных претензий к Ирану. Хотя вопрос о положении азербайджанского меньшинства, особенно его культурно-языковые права, остается для Баку одним из приоритетных в строительстве отношений с южным соседом².

В 2000-х гг., при новом президенте Ильхаме Алиеве, отношения развивались, в целом, спокойно и ровно. Беспокорство в Тегеране вызывало, разве что, последовательное укрепление и выстраивание отношений Баку с Израилем. Они оказались настолько важны для Азербайджана, что И. Алиев заявлял, что эти отношения напоминают верхушку айсберга: основная их часть скрыта от глаз наблюдателей и экспертов. Но даже видимая часть двусторонних отношений очень значительна, особенно военно-техническое сотрудничество. Как всем хорошо известно, Исламская республика Израиль не признаёт и признавать не собирается, и называет его не иначе как «сионистский режим» и «ре-

---

² Раванди-Фадаи Л. М. Развитие взаимоотношений Ирана с Азербайджаном и Арменией: история, современность и прогноз // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/razvitie-vzaimootnosheniy-irana-s-azerbaydzhanom-i-armeniyey-istoriya-sovremennost-i-prognoz/?sphrase_id=94812108 (дата обращения: 23.06.2024).

жим, оккупировавший Палестину»³. Поэтому столь тесная дружба Баку с Тель-Авивом, в Тегеране вызывала, да и до сих пор вызывает, опасения и подозрения.

Всё изменилось со времени победы Азербайджана во Второй Карабахской войне, или, как ее еще называют в Азербайджане, 44-дневная война. Тогда произошло изменение баланса сил, сложившегося в последние почти 30 лет, за счет ослабления Армении, которой симпатизировали в Тегеране, и, конечно, за счет значительного усиления Азербайджана, да и укрепления «нерушимого союза» Баку и Анкары. На параде победы в Баку 10 декабря 2020 г. присутствовал также турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган. В Тегеране, учитывая большое количество компактно проживающих в северном Иране азербайджанцев, были сильно обеспокоены таким укреплением «тюркского фактора» – вдруг сближение турок и азербайджанцев сподвигнет какую-то часть азербайджаноязычных граждан Ирана на сепаратизм? В результате в ирано-азербайджанских отношениях появился легкий холодок, который быстро начал превращаться в мощный холодный ветер недоверия и враждебности.

Особенно сложно отношения складывались при трагически погибшем президенте Ирана Эбрахиме Раиси. В сентябре 2021 г. иранцы провели военные учения на границе с Азербайджаном, которые осудил президент Азербайджана И. Алиев. Эти учения были своего рода ответом на аналогичные маневры «Три брата – 2021», которые Азербайджан провел вместе с Турцией и Пакистаном. Представитель верховного лидера Ирана в провинции Ардебиль Хасан Амоли назвал эти маневры «игрой с хвостом льва». До этого власти Азербайджана отвергли предложения Ирана по восстановлению освобожденного Нагорного Карабаха, предпочтя помощь Турции, Евросоюза и арабских стран. По версии консервативной иранской газеты «Кейхан», близкой к иранским властям, США, Турция и Израиль вынашивают планы отсечь Иран от Южного Кавказа путем подталкивания Азербайджана к овладению южной армянской провинцией Сюник (Зангезур)⁴. Вообще Иран выступает резко против экстерриториального «Зангезурского коридора» через Армению, продвигаемого Азербайджаном и Турцией, опасаясь, что он осложнит взаимодействие с Арменией и другими государствами ЕАЭС⁵.

³ Сажин В. И. К вопросу об ирано-азербайджанских отношениях // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=21450> (дата обращения: 23.06.2024).

⁴ Кузнецов А. А. Обострение ирано-азербайджанских отношений: взгляд из Тегерана // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=80384> (дата обращения: 23.06.2024).

⁵ Кармазин И. Тегеранил, но не убил: почему Иран и Азербайджан передумали враждовать // Известия. URL: <https://iz.ru/1542238/igor-karmazin/tegeranil-no-ne-ubil-pochemu-iran-i-azerbaidzhan-peredumali-vrazhdovat> (дата обращения: 23.06.2024).

В октябре 2022 г. Иран провел уже намного более масштабные учения, в том числе с элементами форсирования реки, что в Баку истолковали как явно угрожающий «меседж», что иранская армия при случае может переплыть приграничную реку Аракс. В ответ Азербайджан провел учения на своем берегу реки. Тогда же обе стороны обеспокоились возможным шпионажем и начали активно ловить предполагаемых шпионов. Кульминация напряженности произошла 27 января 2023 г. Тогда был убит сотрудник посольства Азербайджана в Тегеране. Президент Азербайджана Ильхам Алиев, обеспокоенный такой тревожной ситуацией, в ноябре 2022 г. заявил, что Азербайджан при нем вполне стабильно и успешно сотрудничал со всеми иранскими президентами, от М. Хатами и до Х. Роухани, и только при Э. Раиси появились такие большие проблемы⁶. Азербайджанское общество также было встревожено.

Сложившейся ситуацией была обеспокоена и Россия, которая всегда стремилась к миру и дружбе между двумя своими очень важными соседями. Российские дипломаты приложили большие усилия для примирения сторон. Тут надо обратить внимание на экономический аспект отношений: Иран и Азербайджан вскоре должен был связать очень выгодный экономический проект – международный транспортный коридор (МТК) «Север – Юг». Вполне вероятно, что власти обеих стран решили, что экономическая выгода от проекта окажется столь большой, что надо срочно останавливать раскручивавшийся маховик вражды и взаимных обвинений, пока он не привел к новым человеческим трагедиям. К счастью, так и произошло. Уже летом 2023 г. появились сообщения о взаимных консультациях представителей руководства двух стран. В дальнейшем они стали регулярными. Например, два министра иностранных дел – Хосейн Амир Абдоллахиян и Джейхун Байрамов – встретились на полях встречи глав МИД прикаспийских государств в Москве 6 декабря⁷. И в новый 2024 год Иран и Азербайджан вошли помирившимися друзьями. Трагический инцидент в посольстве был в целом исчерпан после того, как убийце в Иране вынесли смертный приговор⁸.

Экономический аспект отношений подвергался тем же зигзагам, что и политический. В 1995 г. был достигнут максимум объемов двусторонней торговли – 266 млн долл., затем в 2015 г. он сократился до 125 млн

---

⁶ Резчиков А., Мошкин М. Зачем Алиев начал угрожать Ирану // Взгляд. 25.11.2022. URL: <https://vz.ru/world/2022/11/25/1188295.html> (дата обращения: 23.06.2024).

⁷ Dursun A., Keskin O. Глава МИД Ирана: Отношения с Азербайджаном идут в правильном направлении // Anadolu Ajansi. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/глава-мид-ирана-отношения-с-азербайджаном-идут-в-правильном-направлении/3074364> (дата обращения: 23.06.2024).

⁸ Напавшего на посольство Азербайджана в Иране приговорили к смертной казни // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/651a0b9b9a7947de6322a0d8> (дата обращения: 23.06.2024).

долл. [Агазаде, 2018, с. 23], но в 2022 г. товарооборот резко вырос до 688 млн долл.⁹ Гидроузлы «Худаферин» и «Гыз-Галасы» на реке Аракс, находящиеся на ирано-азербайджанской границе, были введены в эксплуатацию 19 мая 2024 г. в присутствии президентов Ирана и Азербайджана Эбрахима Раиси и Ильхама Алиева¹⁰. После ввода в строй МТК «Север – Юг» взаимная торговля, безусловно, должна будет еще больше активизироваться.

Стоит сказать пару слов и о культурном взаимодействии двух стран. В 2018 г. в Баку прошли Дни культуры Ирана, в ходе которых были представлены иранские ручные изделия мастеров искусств, образцы национальной одежды, фотографии, картины. Также в программе дней был предусмотрен и религиозный аспект: был показан любимый многими мусульманами мира фильм «Мухаммед – посланник Аллаха» иранского режиссера Мохаммада-Резы Маджиди¹¹. Иранский культурный центр и Комитет помощи Имама Хомейни под его эгидой действуют в Азербайджане с 1993 г. Через Иранский культурный центр молодые азербайджанцы получали религиозное образование в Иране, и тем самым многие из них подпадали под иранское влияние, что вызывало беспокойство в Баку. В Азербайджане многим не нравится также имперское мышление некоторых иранских депутатов, которые до сих пор не воспринимают Азербайджан как сильное суверенное государство, которое имеет право проводить самостоятельную политику, а скорее хотели бы его видеть в качестве одной из провинций Ирана, как было до Туркманчайского договора¹².

* * *

В заключение хотелось бы констатировать, что, по моему мнению, ирано-азербайджанские отношения вышли на траекторию устойчивого потепления. Ведь в обеих странах заинтересованы в завершении чрезвычайно важного проекта (МТК «Север – Юг»), который станет серьезным стимулом для экономического развития Ирана и Азербайджана. Поэтому новое серьезное обострение отношений в ближайшие месяцы маловер-

---

⁹ Кармазин И. Тегеранил, но не убил: почему Иран и Азербайджан передумали враждовать // Известия. URL: <https://iz.ru/1542238/igor-karmazin/tegeranil-no-ne-ubil-pochemu-iran-i-azerbaidzhan-peredumali-vrazhdovat> (дата обращения: 23.06.2024).

¹⁰ Иран и Азербайджан провели совместные антитеррористические учения // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21088415> (дата обращения: 23.06.2024).

¹¹ Дни культуры Ирана впервые открылись в Баку // Sputnik Азербайджан. URL: <https://az.sputniknews.ru/20180627/iran-kultura-baku-predstavleno-415959008.html> (дата обращения: 23.06.2024).

¹² Сажин В. И. К вопросу об ирано-азербайджанских отношениях // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=21450> (дата обращения: 23.06.2024).

роятно. Другое дело, что за фасадом красивых слов о дружбе и примирении всё еще сохраняются определенные проблемы. С одной стороны, не решена проблема полной реализации национально-культурных прав иранских азербайджанцев, а с другой стороны, Иран сохраняет озабоченность тесными связями Азербайджана с Израилем. Но в целом динамика отношений в ближайшие месяцы и даже годы, с учетом избрания на пост президента Ирана реформатора и азербайджанца по национальности Масуда Пезешкиана, представляется положительной.

Литература / References

1. Агазаде М. М. Современное состояние азербайджано-иранских двусторонних отношений: тенденции развития // Международные отношения. 2018. № 3. С. 21–29. [Aghazade M. M. Current state of Azerbaijani-Iranian bilateral relations: development trends // International relations. 2018. No. 3. Pp. 21–29 (in Russian)].
2. Алиев И. Г. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. 712 с. [Aliyev I. G. Caspian oil of Azerbaijan. Moscow: Izvestia, 2003. 712 p. (In Russian)].
3. Ибрагимов А. Г. Нагорно-карабахский конфликт: предыстория, развитие, последствия // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 2. С. 147–154. [Ibragimov A. G. Nagorno-Karabakh conflict: background, development, consequences // Post-Soviet studies. 2018. Vol. 1. No. 2. Pp. 147–154. (In Russian)].
4. Мелик-Шахназаров А. А. Нагорный Карабах: факты против лжи. Информационно-идеологические аспекты нагорно-карабахского конфликта. М.: Волшебный фонарь, 2009. 736 с. [Melik-Shakhnazarov A. A. Nagorno-Karabakh: facts against lies. Information and ideological aspects of the Nagorno-Karabakh conflict. Moscow: Magic lantern, 2009. 736 p. (In Russian)].
5. Сченснович В. Н. Внешняя политика Азербайджана // Россия и мусульманский мир. 2020. Т. 316. № 2. С. 31–40. [Schensnovich V. N. Foreign Policy of Azerbaijan // Russia and the Muslim World. 2020. Vol. 316. No. 2. Pp. 31–40. (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Гарибджанян Г. Армения не безучастна к активности ирано-российских отношений // Iran.ru. URL: https://www.iran.ru/news/politics/28806/Gegam_Garibdzhanian_Armeniya_ne_bezuchastna_k_aktivnosti_irano_rossiyskih_otnosheniy (дата обращения: 23.06.2024).
2. Кармазин И. Тегеранил, но не убил: почему Иран и Азербайджан передумали враждовать // Известия. URL: <https://iz.ru/1542238/igor-karmazin/tegeranil-no-ne-ubil-pochemu-iran-i-azerbaidzhan-peredumali-vrazhdovat> (дата обращения: 23.06.2024).
3. Кузнецов А. А. Обострение ирано-азербайджанских отношений: взгляд из Тегерана // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=80384> (дата обращения: 23.06.2024).

4. Напавшего на посольство Азербайджана в Иране приговорили к смертной казни // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/651a0b9b9a7947de6322a0d8> (дата обращения: 23.06.2024).
5. Раванди-Фадаи Л. М. Развитие взаимоотношений Ирана с Азербайджаном и Арменией: история, современность и прогноз // РСМД. URL: https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/razvitie-vzaimootnosheniy-irana-s-azerbaydzhanom-i-armeniyey-istoriya-sovremennost-i-prognoz/?sphrase_id=94812108 (дата обращения: 23.06.2024).
6. Резчиков А., Мошкин М. Зачем Алиев начал угрожать Ирану // Взгляд. URL: <https://vz.ru/world/2022/11/25/1188295.html> (дата обращения: 23.06.2024).
7. Сажин В. И. К вопросу об ирано-азербайджанских отношениях // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=21450> (дата обращения: 23.06.2024).
8. Dursun A., Keskin O. Глава МИД Ирана: Отношения с Азербайджаном идут в правильном направлении // Anadolu Ajansi. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/глава-мид-ирана-отношения-с-азербайджаном-идут-в-правильном-направлении/3074364> (дата обращения: 23.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Раванди-Фадаи Лана Меджидовна – канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, руководитель Восточного культурного Центра Института востоковедения Российской Академии Наук, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории комплексного изучения Ирана НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Ravandi-Fadai Lana M. – PhD (Hist.), Associate Professor. Senior Researcher, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; Leading Researcher of the Contemporary East in the Department of History, Political Science and Law, the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 341.321.3 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-169-193>

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН: ДЕСЯТИЛИТИЯ В БУШУЮЩЕМ, НЕСПОКОЙНОМ МИРЕ

Владимир Игоревич Сажин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
vsaj1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>

Аннотация. 18 апреля 1979 г., через два месяца после победы Исламской революции в Иране, родилась новая военная структура, преданная духовному руководству – Вооруженные силы Ирана. Пройдя через чистилище восьмилетней ирано-иракской войны, Вооруженные силы Ирана постоянно развивались, совершенствовались и модернизировались. Возникнув как нерегулярное милицейское формирование, Корпус стражей исламской революции (КСИР) приобрел все черты регулярных войск и стал наряду с армией одним из основных компонентов Вооруженных сил ИРИ.

В данной статье предпринята попытка дать небольшой срез исторического развития Вооруженных сил Ирана, а также провести краткий анализ современного состояния вооруженных сил Исламской Республики.

Автор кратко останавливается на вопросах военной доктрины Исламской Республики Иран, особенностях системы управления вооруженными силами, а также организационной структуре армии и КСИР и военной техники, состоящих на их вооружении.

Автор утверждает, что приоритет в строительстве Вооруженных сил ИРИ отдается трем направлениям: ракетостроение, производство беспилотных летательных аппаратов, а также создание технических, организационных и интеллектуальных возможностей для ведения кибервойны. В статье дается краткая характеристика этих направлений.

В заключение утверждается, что, несмотря на определенные недостатки, Вооруженные силы Ирана стали одними из самых мощных на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Иран, вооруженные силы, армия, Корпус стражей исламской революции, ракетная программа, программа беспилотников, кибервойна

Для цитирования: Сажин В. И. Вооруженные силы Исламской Республики Иран: десятилетия в бушующем, беспокойном мире. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):169-193. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-169-193>

Original article. Politics studies

ARMED FORCES OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: DECADES IN A RAGING, TURBULENT WORLD

Vladimir Sazhin

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
vsaj1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>

Abstract. On April 18, 1979, two months after the victory of the Islamic Revolution in Iran, a new combat structure loyal to the clerical leadership was born – the Armed Forces of the Islamic Republic of Iran. Having passed through the purgatory of the eight-year Iran-Iraq war,

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

the IRI Armed Forces constantly evolved, improved, and modernized. Having emerged as an irregular militia formation, the Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC) acquired all the features of regular forces and became, along with the Army, one of the main components of the Iranian Armed Forces.

This article attempts to provide a brief overview of the historical development of the IRI Armed Forces, as well as to conduct a brief analysis of the current state of the Armed Forces of the Islamic Republic.

In the paper, the author briefly and concisely dwells on the issues of the military doctrine of the IRI, the features of the armed forces command system, as well as the organizational structure of the Army and the IRGC and the military equipment in their arsenal. The author claims that priority in the construction of the Iranian Armed Forces is given to three areas: missile production, production of unmanned aerial vehicles, and the creation of technical, organizational and intellectual capabilities for conducting cyber warfare. The article provides a brief description of these areas.

In conclusion, it is stated that, despite certain shortcomings, the Iranian Armed Forces have become one of the most powerful in the Middle East.

Keywords: Iran, Armed Forces, Army, Islamic Revolutionary Guard Corps, missile program, drone program, cyber warfare

For citation: Sazhin V. I. Armed Forces of the Islamic Republic of Iran: Decades in a Raging, Turbulent World. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):169-193. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-169-193>

Более 45 лет назад, 11 февраля 1979 г. в Иране победила исламская революция. Последний шахиншах Персидской империи Мохаммад Реза Пехлеви был свергнут. 2500-летняя персидская монархия прекратила свое существование.

Исламская революция в Иране явилась, несомненно, важным событием XX в., оказавшим влияние на развитие политических процессов в регионе и в мусульманском мире, да и на мировые политические процессы в целом.

Исламская Республика Иран как региональный центр силы претендует на мощные вооруженные силы

За десятилетия исламского правления Иран превратился в мощную региональную державу. Ныне Исламская Республика Иран (ИРИ) играет одну из доминирующих ролей в важнейшем ареале планеты – Западной Азии, куда входит Ближний и Средний Восток, Кавказ, зона Каспийского моря, Центральная Азия. Излишне напоминать, что Иран мощный источник углеводородных природных ископаемых. Он обладает порядка 12% мировых запасов нефти¹, разведанных на данный момент, и около

¹ Iran. Executive summary // EIA. U. S. Energy Information Administration. 17.11.2022. URL: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/IRN> (accessed: 03.08.2024).

17% природного газа² (третье место в мире по нефти и второе по газу). Территория ИРИ для транспортировки нефте-газопродуктов обладает абсолютной ценностью. Кроме того, Иран – это перекресток мировых транспортных путей, связывающих Европу, Азию, Африку.

Сегодня ИРИ окружена если не врагами, то, во всяком случае, конкурентами и недругами или даже вполне жестко настроенными противниками. Главный противник США – «большой сатана» – сконцентрировал свою военную мощь на Ближнем Востоке, в первую очередь, в Персидском и Оманском заливах, на базах и кораблях Центрального командования США. Натовская Турция, а также Азербайджан, Армения и Грузия ориентируются прежде всего на свои собственные интересы и не готовы стать союзниками ИРИ. На другом берегу Персидского залива суннитские Саудовская Аравия и ОАЭ с большой настороженностью относятся к своему мощному шиитскому соседу и также не рассматривают Иран в качестве союзника. И, наконец, на Ближнем Востоке существенна роль Израиля – этого, по иранской терминологии, «малого сатаны» и реально-го врага, которому Иран вообще отказывает в праве на существование.

Все эти объективные факторы способствовали выработке и энергичному претворению в жизнь активной оборонительно-наступательной военно-политической доктрины Ирана, рассматривающей весь Ближний Восток зоной его интересов.

Здесь, безусловно, нельзя игнорировать и национально-психологический фактор. Нынешняя Исламская Республика Иран – наследница древнейшей мировой цивилизации, Великой Персидской империи, покрывшей добрую половину античного мира. В духовном, религиозном плане Иран в течение почти шести последних веков являлся центром мирового шиизма. Под влиянием этих основных исторических факторов многими столетиями формировался менталитет гордых и бескомпромиссных иранцев-шиитов, отстаивающих свои интересы в противостоянии с неприятелями, счет которым к настоящему времени значительно возрос. В настоящее время персидская национальная психология, представляющая собой сплав великодержавного имперского национализма и шиитской избранности, стала политическим фактором. Вот здесь, кажется, и скрыта одна из главных причин амбициозности Тегерана (причем неважно, при каком режиме: шахиншахском или исламском).

Таким образом, на Ближнем Востоке практически сформировался новый региональный военно-политический центр сил – Исламская Республика Иран. В потенциале – центр сил, обладающий ядерными технологиями для производства атомной бомбы.

---

² Там же.

Становление нового типа вооруженных сил Ирана

45 лет беспокойного, а временами и военного (ирано-иракская война 1980–1988 гг.) существования ИРИ диктовали руководству страны необходимость развития и укрепления своих вооруженных сил (ВС).

Ирано-иракская война стала мощным импульсом для активизации программ военного строительства в послереволюционном Иране. Однако полностью положиться на регулярную армию, «запятнавшую» себя связями со свергнутым шахским режимом, иранское духовенство не хотело и не могло. Поэтому оно приступило к созданию альтернативных вооруженных формирований, полностью преданных идеям хомейнизма.

Таким формированием стал Корпус стражей исламской революции (КСИР) [Сажин В. И. Корпус стражей..., стр. 83–109], созданный в мае 1979 г. За 45 послереволюционных лет КСИР превратился в мощное регулярное формирование, имеющее в своем составе собственные сухопутные войска, ВВС, ВМС, а также Силы сопротивления «Басидж» (ССБ), т. е. народное ополчение, и разведывательно-диверсионные Силы специального назначения «Кодс» (ССНК), действующие, как правило, за границами ИРИ. Таким образом, КСИР, обладая почти половиной личного состава всех Вооруженных сил Ирана, стал наряду с Армией³ их важнейшей составной частью.

Ирано-иракская война инициировала процесс полномасштабной исламизации Армии, а также военные реформы. Это коснулось и организационной структуры ВС (Армии и КСИР), и поставок боевой техники. В условиях международного эмбарго использовались также легальные, полуполигальные и нелегальные каналы закупок военной техники и запчастей к ней за границей. Только в период с 1979 по 1986 год такие страны, как Аргентина, Бразилия, Вьетнам, Израиль, Индия, Исландия, Италия, Китай, Ливия, Нидерланды, Пакистан, Польша, Португалия, Северная Корея, Сирия, СССР, США, Тайвань, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Эфиопия, Южная Корея, Япония напрямую или через третьи, четвертые или пятые страны продали Ирану оружия на сумму более 15,7 млрд долларов. [Cordesman, 1986; Cordesman, 1987].

---

³ Термин «армия» имеет несколько значений: 1) вся совокупность вооруженных сил государства; 2) сухопутные войска (СВ) в отличие от военно-воздушных (ВВС) и военно-морских сил (ВМС); 3) крупное войсковое объединение, состоящее из нескольких корпусов, дивизий одного или различных родов войск; 4) в дореволюционной России: обычные сухопутные войска в отличие от гвардии. Уникальная особенность вооруженных сил ИРИ состоит в наличии в них двух регулярных вооруженных формирований – собственно Армии (*артеш* – перс. яз.) и Корпуса стражей исламской революции (*Сепахе паздаране энгелябе эслами*, (перс. яз.), коротко – *Сепах* (корпус) или *паздаран* (стражи). В силу особенностей значения термина «армия» для иранских условий слово «Армия» применительно к ВС ИРИ следует писать с заглавной буквы.

Одновременно усиливалась религиозная обработка личного состава Армии. Во всех звеньях вооруженных сил насаждалось и укреплялось административное звено так называемых исламских представителей, по сути – комиссаров.

Таким образом, развитие и совершенствование Вооруженных сил ИРИ после ирано-иракской войны шло по нескольким направлениям: первое – модернизация и исламизация Армии; второе – приоритетное развитие КСИР; третье – образование и укрепление народного ополчения Басидж.

ВС ИРИ в бушующем мире последнего десятилетия

В течение последнего десятилетия Вооруженные силы ИРИ, несмотря на многочисленные внутренние и внешние потрясения в стране и вокруг нее, а также жесткие финансово-экономические санкции, развивались высокими темпами, совершенствуя и модернизируя многие и многие виды вооружения и боевой техники, стремясь к достижению автономности в производстве оружия и оборудования. Ныне девятидесятилетний Иран имеет одну из самых многочисленных армий в мире, объективно, вне любой как внешне-, так и внутривосточной конъюнктуры, которая в последние годы стала решающим фактором западно-азиатской региональной, да и мировой политики.

Философско-идеологическим ядром, а также основополагающим документом системы принятых в ИРИ официальных взглядов и положений, устанавливающих направление военного строительства, подготовки государства, общества и вооруженных сил к войне, способы и формы ее ведения, является Доктрина национальной безопасности ИРИ. Не углубляясь в анализ положений и концепций иранской военно-политической доктрины, приведем схему, вполне доступно и наглядно демонстрирующие ее основные особенности (см. рис. 1) [подробнее см.: Сажин, 2014, с. 210–226].

В настоящее время Вооруженные силы ИРИ являются крупнейшими по численности на Ближнем и Среднем Востоке. Они обладают опытом ведения боевых действий, полученным в ходе ирано-иракской войны (1980–1988 гг.), в ходе продолжающихся гражданских войн в Ираке, Сирии, Йемене. В основе их строительства лежат военно-политические цели клерикального руководства Ирана, а также экономические возможности, национальная и религиозная специфика страны.

Как было отмечено выше, особенностью организационной структуры вооруженных сил Ирана является наличие в их составе двух независимых компонентов – регулярных вооруженных формирований – Армии и КСИР. В каждом из этих компонентов имеются собственные

сухопутные войска (СВ), военно-воздушные и военно-морские силы (ВВС и ВМС) с соответствующей системой органов управления как в мирное, так и в военное время.

В состав КСИР входит также структура, выполняющая стратегические разведывательно-диверсионные функции, – Силы специального назначения «Кодс».

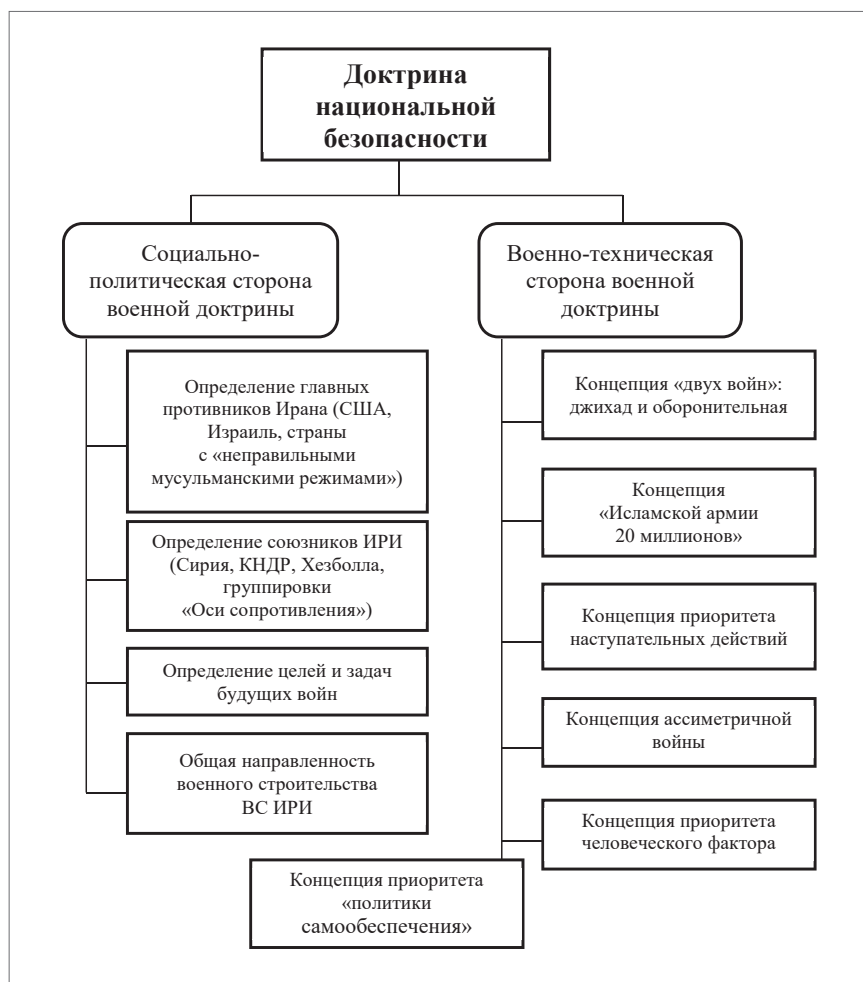

Рис. 1. Военная доктрина Исламской Республики Иран

Кроме этого, иранская доктрина предусматривает создание «Исламской армии 20 миллионов», своеобразного народного ополчения под эгидой ксировской структуры – Сил сопротивления «Басидж» (ССБ) или сокращенно – «Басидж» (*басидж* – мобилизация, перс. яз.). Задача «Басиджа» – резерва ВС – двуединая: готовить население к службе в ВС,

а в условиях войны и захвата противником части территории страны – самостоятельно вести партизанскую борьбу против врага. Численность «Басиджа» планировалось довести до 20 млн человек. Эта структура также входит в состав КСИР в качестве одного из пяти, можно сказать, видов вооруженных сил: СВ, ВВС (кстати, в Корпусе ВВС именуется Аэро-космические силы – АКС, поскольку именно в этой структуре сосредоточены все ракетные сил ИРИ), а также ВМС, ССНК, ССБ.

В Вооруженные силы ИРИ правомерно включить и Силы охраны правопорядка (СОП), в мирное время подчиняющиеся министру внутренних дел, в военное – Генеральному штабу ВС.

В соответствии со ст. 110 Конституции Исламской Республики Иран Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны является духовный (другой термин – верховный) лидер нации, который обладает практически неограниченными полномочиями во всех военных и военно-политических вопросах.

Верховный лидер правомочен объявлять войну, мир и всеобщую мобилизацию. Он осуществляет назначение, смещение и принятие отставки начальника генерального штаба ВС, главнокомандующих КСИР, Армии, командующих видами этих компонентов ВС, командующего СОП [Конституция Исламской Республики Иран, ст. 110].

Верховному лидеру подчиняется Высший совет национальной безопасности (ВСНБ) – важнейший консультативный орган по вопросам безопасности государства, обороны, стратегического планирования и координации деятельности правительства в различных областях. В задачи ВСНБ входит выработка оборонной политики и политики по обеспечению безопасности государства в рамках генеральной линии, определяемой духовным лидером ИРИ. Кроме того, этот орган согласует военную, политическую, экономическую, социальную, информационную и культурную деятельность в стране с интересами обеспечения безопасности государства.

ВСНБ является консультативным органом по военным вопросам. Он имеет право предлагать Верховному главнокомандующему принимать решения об объявлении войны и заключении мира, всеобщей мобилизации, о кандидатурах высших военных должностных лиц; определять формы и способы взаимодействия между вооруженными силами и гражданскими властями, между Армией, КСИР и СОП; координировать сотрудничество по вопросам проведения военных НИОКР, военного производства, закупок вооружений и военной техники.

Верховный главнокомандующий вооруженными силами Ирана руководит ими через Генеральный штаб ВС ИРИ, который осуществляет административное и оперативное управление ВС в мирное и воен-

ное время через Объединенный штаб Армии и Объединенный штаб КСИР, штабы видов ВС, штаб СОП и соответствующие территориальные органы, которые в каждой из структур имеют свои наименование, предназначение, состав, функции и задачи.

Генштаб является высшим, центральным органом управления всех компонентов и видов ВС страны, его основные задачи: разработка стратегических вопросов обороны, планирование стратегических операций начального этапа возможной войны, а также оперативной и боевой подготовки в масштабах всех ВС (в том числе учений и маневров), контроль за уровнем их боеготовности, организация и совершенствование системы управления войсками, взаимодействия между Армией, КСИР, СОП и видами ВС, подготовка оперативных приказов (распоряжений) вооруженным силам, контроль за их выполнением и другие.

Министерство обороны и поддержки вооруженных сил не имеет непосредственного отношения к боевой деятельности войск. Оно отвечает за следующие вопросы: военное строительство, разработку военного бюджета, контроль за текущим финансированием, военные НИОКР, функционирование Организации оборонной промышленности, плановые закупки вооружений и военной техники (в том числе за рубежом) для всех видов ВС страны, защита интересов военнослужащих, их правовое, медицинское, страховое и пенсионное обеспечение, издание топографических карт и т. д. (см. рис. 2).

Численность совокупных регулярных вооруженных сил Ирана составляет, по различным данным, от 540 до 900 тыс. человек, из которых от 450 до 670 тыс. насчитывается в сухопутных войсках (Армии и КСИР), почти от 70 до 100 тыс. – в ВВС и АКС, от 35 до 45 тыс. – в ВМС, а также около 135 тыс. – в ССБ и около 25 тыс. – в ССН «Кодс».

Бывший посол ИРИ в РФ доктор Мехди Санаи в своем блоге писал, что личный состав ВС ИРИ составляет 700 тыс. человек⁴. Разброс данных объясняется практически абсолютной закрытостью в ИРИ темы, касающейся вооруженных сил. Различные неиранские источники приводят неоднозначные сведения о численном и боевом составе иранских ВС, а также о количестве вооружений и боевой техники⁵.

Еще более закрытой и в целом туманной является тема военных расходов. Вопросы финансирования ВС ИРИ являются государственной тайной страны. Хотя официально объявлено (и это подтверждает Международный валютный фонд), что расходы на оборону в 2023 г. соста-

---

⁴ Мехди Санаи. День Армии в Иране // Блог. 20.04.2015. URL: <https://sanaei.livejournal.com/134359.html> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ См. журнал «Зарубежное военное обозрение» (2004–2021 гг.); *The Military Balance 2021–ISSS – The International Institute for Strategic Studies*, London, 2016–2023 и другие издания.

вили \$10,3 млрд⁶, что, конечно, не полностью отражает состояние дел в финансировании иранских ВС. Многие программы, связанные с деятельностью Армии и КСИР, проходят по другим статьям бюджета. При этом Корпус стражей финансируется из разных источников. Это «Фонд обездоленных» и другие исламские фонды, личные пожертвования от частных лиц, бизнес-деятельность подконтрольных «пасдарам» компаний и фирм, игра на бирже и так далее. Всё это идет в обход бюджета (зачастую без уплаты налогов), что подразумевает чрезвычайную запутанность, скрытность и практически полное отсутствие гласности.

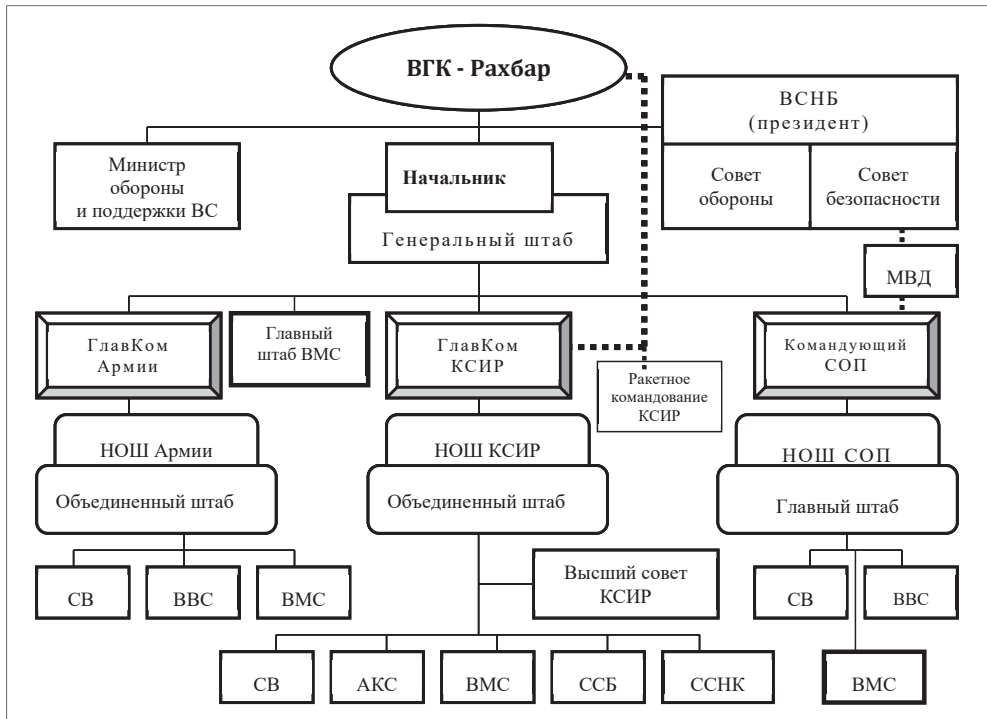

Рис. 2. Структура вооруженных сил Ирана

Организационно-административная система Вооруженных сил Ирана (т. е. управление войсками, соотношение воинских формирований от взвода до корпуса и армии) менялась в зависимости от объективных требований времени. Однако уровень развития вооружения и боевой техники на протяжении долгих десятилетий не успевал за современными тенденциями.

⁶ Nan Tian, Diego Lopes da Silva, Xiao Liang and Lorenzo Scarazzato. Trends in World Military Expenditure, 2023 // SIPRI Fact Sheet. April 2024. URL: <https://reliefweb.int/report/world/sipri-fact-sheet-april-2024-trends-world-military-expenditure-2023-encasv> (accessed: 04.10.2024)

Сухопутные войска ИРИ (как Армии, так и КСИР) оснащены стрелковым оружием и всеми системами вооружений армий, соответствующими арсеналам других неядерных стран (правда, в основном устаревшими образцами по сравнению с новейшими видами оружия передовых в военном отношении государств). Основу парка техники СВ ИРИ составляют танковые войска. На вооружении СВ ИРИ находятся от 1500 до 1600 танков, 2345 бронемашин. Танковый парк состоит в основном из устаревших образцов. Наиболее боеспособными из них являются Т-72 советского производства. Единственный танк, который может сравниться с современными образцами, – «Карар». Его производство в Иране началось в 2017 г., а на вооружение первые машины этой модели стали поступать уже к концу 2018 г. На предприятии «Шахид Колахдуз» налажено производство основных боевых танков (ОБТ) «Зульфакар», разработанных в конце 1990-х гг. на базе советского Т-72С и американских М48 и М60. Кроме того, там же выпускают легкие танки «Тусан», БМП «Бораг» и БТР «Рахш» [Иванов, 2021, с. 10–17].

Организационно ВВС Армии Ирана состоят из штаба, подчиненного Объединенному штабу Армии, 10 истребительных и двух транспортных авиабаз. На них дислоцировались до 25 боевых эскадрилий, 12 транспортных, две вертолетные, 10 отрядов связи и управления, 10 поисково-спасательных отрядов.

В боевом составе ВВС Ирана насчитывается: более 200 боевых самолетов F-4D/E/RF-4E, F-5E, F-7, F-14, MiG-29, Mirage F1EQ, Su-24 МК; 72 самолета вспомогательной авиации, в том числе: самолет ДРЛО Ил-76 «Симорг»; транспортные С-130Е «Геркулес», F-27 «Френдшип», В-747, Ил-76; заправщики В-707, В-737; связи F-33 и учебные; боевые вертолеты⁷.

АКС КСИР ИРИ подчиняются Объединенному штабу КСИР. На вооружении Аэрокосмических сил стоят следующие самолеты: 9 боевых самолетов Су-22, 23 транспортных самолета (Ан-24, Ил-76, Dassault Falcon 20, Y-12), 17 боевых вертолетов Ми-17, а также самолеты и вертолеты связи, управления, учебные⁸.

Однако мощь АКС КСИР определяется не боевыми самолетами, а ракетным оружием. Практически весь ракетный арсенал Ирана находится в распоряжении КСИР. Об иранских ракетах чуть позже.

Следует отметить, что поскольку национальная военная промышленность не в состоянии производить современные самолеты из-за последствий международных санкций, боеготовность ВВС и АКС поддер-

---

⁷ Iran // World Air Forces 2024. Flight International. In Association with Embraer. Pp. 20–21. URL: <https://www.flightglobal.com/reports/2024-world-air-forces-directory/156008.article> (accessed: 05.08.2024).

⁸ Там же.

живается за счет капитально-восстановительных работ имеющейся авиационной техники. При этом лишь около 50% из них находится постоянно в боевом состоянии.

ВМС Ирана играют важную роль в системе ВС, поскольку значительная протяженность морских границ как на севере (Каспийское море), так и на юге (Персидский и Оманский заливы) делает этот вид вооруженных сил определенным гарантом безопасности страны.

Организационно ВМС ИРИ состоят из штаба, четырех командований, четырех военно-морских районов. Этот вид ВС включает в себя надводные и подводные силы, авиацию ВМС, морскую пехоту, части противокорабельных ракет, береговую охрану, береговые службы и службы тыла.

ВМС ИРИ насчитывают около 100 кораблей (значительная часть из них устаревшие). В настоящее время наиболее мощным потенциалом ВМС являются три дизель-электрические подводные лодки советского производства проекта 877ЭКМ («Варшавянка», по западной классификации – Kilo). В подводные боевые подразделения входят также около 20 так называемых прибрежных малых субмарин типов Ghadir, Nahang, Fateh, малая (мини) подводная лодка типа Al-Sabehat и четыре северо-корейских сверхмалых подводных лодок типа Yugo.

Надводные боевые подразделения ВМС ИРИ представлены 73 кораблями различных классов: семью корветами 1-го ранга (Alvand, Alborz, Sabalan, Jamaran, Damavand, Deylaman, Velayat); тремя корветами 2-го ранга (Bayandor, Admiral Naghdi, Hamzeh); более чем 10 ракетными катерами китайского производства типа Houdong; 12 ракетными катерами немецкого производства типа Kaman; четырьмя ракетными катерами иранского производства типа Sina; тремя старыми малыми сторожевыми катерами американского производства типа Parvin.

Иранские ВМС располагают также десантными силами. Так, на вооружении военно-морских сил состоят более 20 десантных кораблей различного типа, в том числе способных перебрасывать бронетанковое вооружение, а также около десятка кораблей на воздушной подушке.

В военном флоте Ирана имеются также вспомогательные корабли и суда (корабли поддержки, перевозчики, водовозы, танкеры, базовое судно и пр.).

Военно-морская авиация представлена вертолетами Sikorsky CH-53 Sea Stallion – 6 единиц, Sikorsky SH-3 Sea King – 8, Ми-171-5, Bell UH-1N Twin Huey – 8, морским патрульным самолетом-разведчиком Fokker F27 Friendship –1, а также транспортными самолетами: Fokker F27 Friendship – 2, Dassault Falcon 20 – 1, Do-228 – 5, Shrike Commander 690 – 4⁹.

---

⁹ Там же.

В свою очередь, ВМС КСИР обладает так называемым «москитным флотом», состоящим из тысяч малых скоростных катеров с различным противокорабельным оружием от торпед до небольших ракетных установок типа «катюша». Согласно данным за 2020 г., их число составляло от 3000 до 5000¹⁰. Иранский «москитный флот» – мощнейшее оружие борьбы против практически всех типов надводных кораблей, включая авианосцы, поскольку благодаря незначительным размерам они практически не определяются на радарях кораблях противника и действуют на больших скоростях, массировано в составе десятков единиц.

Основные тенденции развития вооружений и способов ведения борьбы ВС ИРИ в последнее десятилетие (2014–2024 гг.)

Эволюция Вооруженных сил, которая наблюдалась в последнее десятилетие, основывалась на широкомасштабной модернизации военно-промышленного комплекса (ВПК). И сегодня «Иран имеет достаточно мощный (особенно по меркам Ближнего и Среднего Востока) ВПК, который может производить оружие почти всех классов. В частности, активно развивается программа разработки баллистических ракет, в основе которой лежат советская Р-17 и ее северокорейские производные. Иранские оружейники много экспериментируют с имеющимися в их распоряжении образцами иностранной техники и либо копируют ее, либо модернизируют и переделывают» [Храмчихин, 2019].

В настоящее время военная промышленность ИРИ включает практически все современные отрасли производства вооружения и военной техники: военно-химическую, ракетостроительную, авиационную, бронетанковую, артиллерийско-стрелковую, боеприпасную, кораблестроительную, радиоэлектронную.

Однако приоритет отдан трем направлениям: ракетостроению, производству беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) или дронов, а также созданию технических, организационных и интеллектуальных возможностей для ведения кибервойны.

Командующий КСИР генерал Хосейн Салами недавно подчеркнул, что нынешнее укрепление военной мощи Ирана связано в том числе с развитием ракетных сил и беспилотников¹¹. Его коллега генерал КСИР

---

¹⁰ Iran retaliates for the killing of Qassem Suleimani // *The Economist*. 08.01.2020. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2020/01/08/iran-retaliates-for-the-killing-of-qassem-suleimani> (accessed: 01.04.2024).

¹¹ Командующий КСИР: «В современном мире нет места слабым народам» // *EurAsia Daily*. 15.12.2022. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/12/15/komanduyushchiy-ksir-v-sovremennom-mire-net-mesta-slabym-narodam> (дата обращения 01.04.2024).

Мохаммад Хосейн Сепехр еще в 2013 г. заявил, что Иран с его возможностями в области кибервойны является «четвертой по величине кибердержавой среди мировых кибервойск»¹².

Ракетная программа

Действительно, за последние десятилетия Иран сформировал мощную ракетостроительную инфраструктуру. Она объединяет семь крупных научно-производственных центров и около двух десятков производств, прямо или косвенно осуществляющих ракетную программу ИРИ. Иранцами создана целая линейка (свыше 20) ракет различного класса. Все они мобильны и прекрасно адаптированы для действий в самых различных уголках страны. Для них подготовлены заглубленные базы для хранения, обслуживания и несения дежурства, они тщательно замаскированы и защищаются эшелонированной противовоздушной обороной.

По американским данным, ракетный арсенал Ирана, состоящий в основном из ракет малой и средней дальности, (хотя ведутся работы над ракетами большей дальности), составил 2500–3000 баллистических ракет разного радиуса действия (прежде всего малой дальности) плюс неопределенное количество крылатых ракет.

Ракетный потенциал Ирана представляет серьезную угрозу для потенциальных противников и оппонентов ИРИ, особенно баллистические ракеты средней дальности (имеются в виду такие ракеты, как Emad, Ghadr-110, Khorramshahr, Sejil, Shahab-3, Soumar – все они дальностью около 2000 км и, конечно, разрабатываемая Simorgh (4000–6000 км)). Это, прежде всего, потенциальные носители оружия массового поражения.

Однако, объективно говоря, у Ирана количество баллистических ракет, о которых упомянуто выше и которые могли бы нанести максимальный ущерб Израилю и американским военным базам в ближневосточном регионе, ограничено. При этом точность попадания в цель иранских ракет, мягко говоря, не абсолютная, а ПРО противников ИРИ высокоэффективное, что и подтвердили ракетные атаки Ирана на Израиль в апреле и октябре 2024 г.

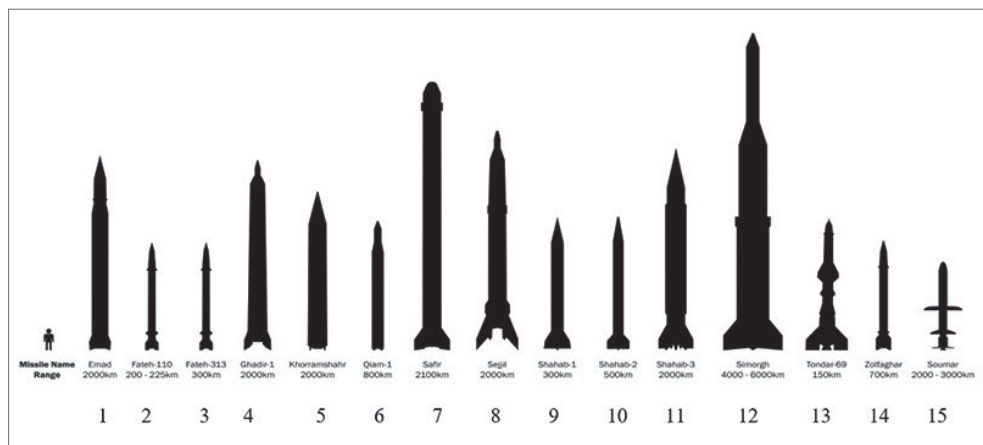
Ракетная программа поддерживается всеми политическими группировками в ИРИ. Она объединяет подчас самых непримиримых политических противников и наряду с ядерной программой является фактором национальной гордости.

Ниже приведена схема основных ракетных систем ИРИ с дальностью их действия (см. рис. 3). Следует отметить, что зачастую иранские

---

¹² Israeli Think Tank Acknowledges Iran as Major Cyber Power, Iran Claims its 4th Biggest Cyber Army in World // HackRead. 18.10.2013. URL: <https://hackread.com/iran-biggest-cyber-army-israel/> (accessed: 04.04.2024).

производители ракет именуют схожие или близкие по своим характеристикам ракеты различными названиями, что иногда вызывает некоторую путаницу.

Рис. 3. 1 – Emad (дальность 2000 км); 2 – Fateh 100 (200–225 км); 3 – Fateh 313 (300 км); 4 – Ghadr 110 (2000 км); 5 – Khorramshahr (2000 км); 6 – Qiam (800 км); 7 – Safir (2100 км); 8 – Sejil (2000 км); 9 – Shahab-1 (300 км); 10 – Shahab-2 (500 км); 11 – Shahab-3 (2000 км); 12 – Simorgh (4000–6000 км); 13 – Tondar-69 (150 км); 14 – Zolfaghar (700 км); 15 – Soumar (2000–3000 км)

Программа беспилотных летательных аппаратов

Другой важнейшей составляющей частью боевого и очень важного арсенала ВС ИРИ являются беспилотные летательные аппараты (БПЛА), т. е. дроны.

Иран заинтересовался дронами в 80 гг. XX в. во время ирано-иракской войны (1980–1988 гг). Первым семейством иранских дронов были аппараты Ababil, которые представляли собой простейшие механизмы – «летающие боеприпасы». Они вместе с разработанными несколько позже разведывательными БПЛА успешно применялись на фронтах войны.

В дальнейшем, особенно после 2010–2011 гг., в стране была создана дроновая индустрия полного цикла – начиная со специализированных вузов, НИИ, опытных производств и заканчивая мощной, можно сказать, конвейерной системой серийного производства этого вида вооружений.

Это позволяет Ирану компенсировать недостаточно высокий потенциал иранских военно-воздушных сил, в том числе из-за невозможности строительства полноценных боевых самолетов.

Иран добился значительного прогресса в разработке и производстве полного спектра БПЛА всех основных классов, от легких тактических

разведывательных аппаратов до тяжелых разведывательно-ударных комплексов, причем как носителей управляемых авиабомб и ракет малой дальности, так и барражирующих боеприпасов, так называемых дронов-камикадзе.

Такой прогресс основывается на нескольких фундаментальных базах: научно-техническое сотрудничество, прежде всего с Китаем; использование технологий, компонентов, комплектующих для собственного производства, добытых официально, полуофициально или неофициально (разведка); получение реальных образцов американских и израильских дронов с целью глубокого изучения и возможного копирования.

К настоящему времени в Иране произведено около 40 моделей различных дронов. Основные семейства (линейки) иранских БПЛА – Aba-beel, Kaman, Kian, Mohajer, Shahed.

По данным специалистов, наиболее эффективные и мощные беспилотники Ирана представлены семействами Shahed, Mohajer, Kian и Kaman.

Нет сомнений, что Иран стал одной из немногих стран мира, которые сделали ставку в современной войне на беспилотные летательные аппараты, и этот факт выводит ВС ИРИ на первые позиции в обеспечении своей безопасности.

Программа кибервойн

Иран, как было отмечено выше, принял всестороннюю и гибкую военно-политическую доктрину, следуя которой, он оставляет за собой право предпринимать как наступательные, так и оборонительные действия любыми средствами, которые он сочтет целесообразными – традиционно-силовыми или кибернетическими. Сегодня кибервойна является частью военной стратегии «мягкой силы» руководства ИРИ. Будучи одновременно жертвой и участником кибервойны, Иран в течение последних 10–15 лет смог добиться одного из передовых мест в ряду мировых кибердержав.

Исламская Республика была одним из первых государств, сформулировавших последовательную национальную стратегию в киберпространстве, включая создание необходимых государственных институтов и развитие необходимых технологических возможностей. Ее интерес к киберпространству был вызван двумя основными событиями. Во-первых, эффективным использованием оппозицией Интернета для инициирования и поддержания массовых протестных демонстраций после неоднозначных президентских выборов в 2009 г., а также в ходе общенациональных антиправительственных выступлений осенью и зимой 2022 г. Во-вторых, разрушительной кибератакой Stuxnet на ядерную инфраструктуру ИРИ –

на завод по обогащению урана в Натанзе в 2010 г., как считается, осуществленной совместными действиями Израиля и США.

С тех пор потенциал Ирана в киберпространстве неуклонно развивался и наращивался. Совершенствовались программные и технологические возможности, рос уровень подготовки кадров.

Создание специальных сил кибербезопасности в структуре разведслужбы КСИР относится к 2008–2009 гг. После кибератак на Натанз принято решение о создании централизованной системы обеспечения национальной кибербезопасности при ведущей роли КСИР.

С 2010–2011 гг. в Иране действует организация под названием «Командование киберзащиты» (перс. яз. – *Гараргахе дефайе сайбери*) со своей штаб-квартирой под руководством «Организации пассивной гражданской обороны» страны (перс. яз. – *Саземане падафанде гейре амель*), созданной в августе 2003 г. и являющейся одним из подразделений Генерального штаба ВС ИРИ. В 2010 г. были сформированы кибергруппы в СС «Басидж» и ССН «Кодс», а также два новых центра для ведения кибервойн в Зенджане и Исфахане.

Еще раньше в 2009 г. в рамках Сил охраны правопорядка создана киберполиция, получившая в 2011 г. название ГАТА. Ее основная задача – противодействовать интернет-преступлениям. Одна из обязанностей полиции ГАТА аналогична тому, что делается с интернет-преступлениями в других странах, и включает борьбу с мошенничеством, кражей личной информации, угрозами и т. д.

В 2012 г. был создан Верховный совет по киберпространству. Его задача – определять и координировать государственную политику в сфере кибербезопасности. Эту структуру возглавляет президент ИРИ, в нее входят руководители ключевых госструктур и ведомств – меджлиса, КСИР, министерства разведки, министерства науки, исследований и технологий, министерства культуры, министерства связи и информации, полиции, судебной системы, государственных телерадиокоммуникационных компаний, научных организаций. Известно также о создании в структуре Верховного совета по киберпространству Центра национальной кибербезопасности Ирана¹³.

В числе крупнейших базовых организаций по исследованию проблем кибербезопасности и профессиональной подготовки специалистов также упоминаются: Центр информационных технологий и кибербезопасности при Тегеранском университете, Исследовательский институт по киберпространству при Университете имени Шахида Бехешти, Центр

---

¹³ Хетагуров А. Кибермощь Ирана. Киберстражи Исламской Революции // Российский совет по международным делам (РСМД). 19.03.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/cyberiran> (дата обращения: 01.10.2024).

перспективных информационных и телекоммуникационных технологий и Институт перспективных коммуникационных исследований, созданные при Технологическом университете имени Шарифа¹⁴.

Работа над усилением кибермощи ИРИ требовала значительных средств. Первоначально считалось, что иранское правительство ежегодно выделяло в бюджет примерно \$76 млн на свою зарождающуюся кибермощь¹⁵. Однако уже в конце 2011 г. выяснилось, что Тегеран инвестировал не менее \$1 млрд в кибертехнологии, инфраструктуру и экспертные знания¹⁶. В последствие вложения в кибер-структуры увеличивались.

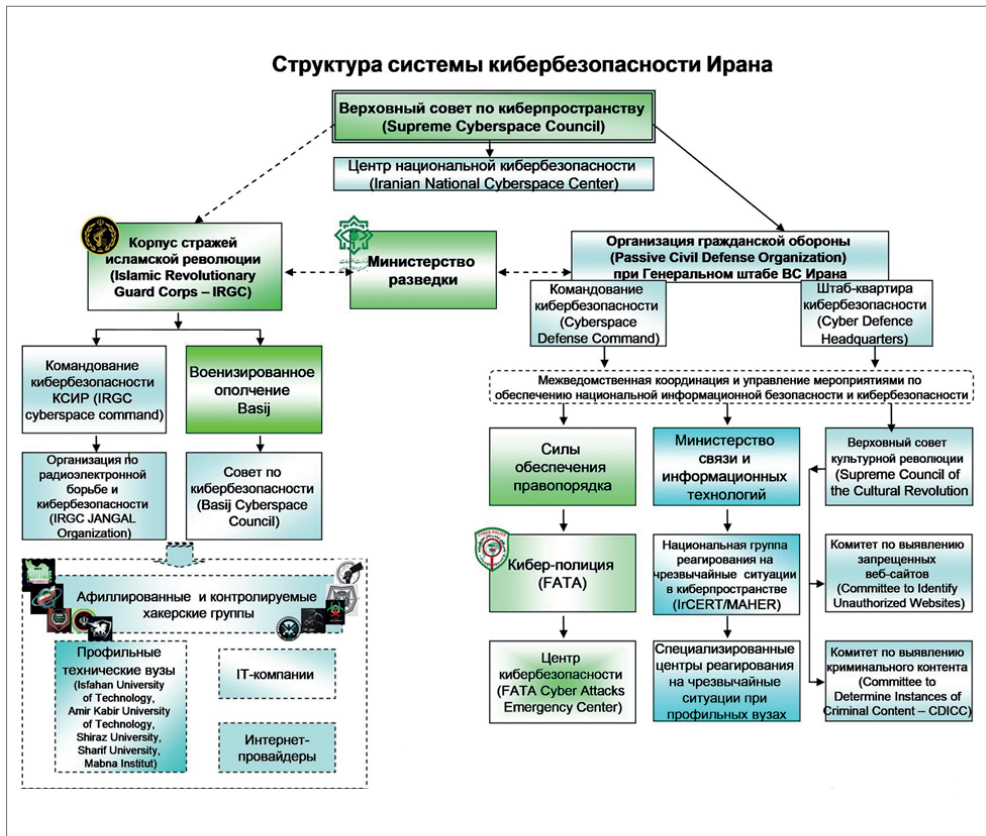

Рис. 4. Структура системы кибербезопасности Ирана¹⁷

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Iran boosts cyber war capabilities // United Press International (UPI). 18.12.2011. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2011/12/18/Iran-boosts-cyber-war-capabilities/8033-1324215975/ (accessed: 02.10.2024).

¹⁷ Схема по: Артур Хетагуров. Кибермощь Ирана...

В силу необходимости решения многих задач организация системы кибербезопасности ИРИ довольно сложная. Однако главным управленцем, руководителем, куратором, контролером, исполнителем и выгодоприобретателем кибер-деятельности ИРИ выступает Корпус стражей исламской революции.

В марте 2012 г. КСИР заявил, что за последние три года набрал около 120 тыс. человек для борьбы с «мягкой кибервойной, которую противники ведут против Ирана»¹⁸. Насколько это соответствует действительности, неизвестно. Но по информации, фигурировавшей в западных источниках, численность подразделений кибербезопасности КСИР на момент их организационного формирования составляла порядка 2400 специалистов¹⁹.

Надо отдать должное, нынешняя киберармия Ирана – это группа, состоящая из высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий и профессиональных хакеров, которые умело, со знанием дела проводят свои операции. И эта армия неразрывно связана с КСИР.

Технические возможности кибернетической армии Ирана таковы, что до сих пор ей удавалось взламывать множество иностранных СМИ, а также Twitter, другие социальные сети, а также правительственные (в том числе и военные) и бизнес-сайты по всему миру.

Аналитики подразделяют иранские кибероперации на четыре основные категории: подрывные/деструктивные атаки, шпионские операции, информационные операции и смешанные атаки, которые сочетают в себе некоторые или все вышеназванные категории²⁰.

Цель **подрывных/деструктивных атак** – вызывать значительные экономические и финансовые потрясения и потенциально наносить ущерб критически важной национальной инфраструктуре враждебных стран.

---

¹⁸ Iran's Emergence as a Cyber Power // Iran Briefing. 10.10.2014. URL: <https://iranbriefing.net/irans-emergence-cyber-power/> (accessed: 02.10.2024).

¹⁹ Артур Хетагуров. Кибермощь Ирана...

²⁰ Chuck Freilich. The Iranian Cyber Threat // Memorandum 230, January 2024. // The Institute for National Security Studies (INSS). URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1728297536&tld=ru&lang=en&name=Memo230_IranianCyberThreat_ENG_digital.pdf&text=Structure%20of%20Iran's%20Cyber%20Warfare&url=https%3A%2F%2Fwww.inss.org.il%2Fwp-content%2Fuploads%2F2024%2F02%2FMemo230_IranianCyberThreat_ENG_digital.pdf&lr=213&mime=pdf&l10n=ru&sign=826788f8ec285ab47cf4e90fefb8d58d&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3D1728297536%26tld%3Dru%26lang%3Den%26name%3DMemo230_IranianCyberThreat_ENG_digital.pdf%26text%3DStructure%20of%20Iran's%25E2%2580%2599s%2BCyber%2BWarfare%26url%3Dhttps%253A%2F%2Fwww.inss.org.il%2Fwp-content%2Fuploads%2F2024%2F02%2FMemo230_IranianCyberThreat_ENG_digital.pdf%26lr%3D213%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D826788f8ec285ab47cf4e90fefb8d58d%26keyno%3D0%26nosw%3D1 (accessed: 01.10.2024)

Шпионские операции выполняют задачи по добыче секретной информации, касающиеся, в первую очередь, оборонной промышленности, военного потенциала различных государств, характеристик оружия, а также скрытых аспектов внешней и внутренней политики государств.

К данной категории относится и промышленный кибершпионаж, который нацелен в первую очередь на высокотехнологичные отрасли иностранных государств, базы данных которых имеют ценность для развития соответствующих направлений иранской науки, технологий и промышленности.

Спецслужбы ИРИ проводят шпионские кибероперации и сугубо во внутривнутриполитических интересах. Эти действия направлены на контроль за государственными чиновниками, имеющими доступ к критически значимой информации, политическими деятелями реформистского толка, оппозиционными партиями и движениями, журналистами, деятелями культуры и спорта, религиозными, сепаратистскими этническими группами. Иранские спецслужбы особенно эффективно используют кибероперации для политического наблюдения и подавления, нацеливаясь на диссидентов как в Иране, так и за рубежом.

Информационные операции в киберпространстве являются неотъемлемой и растущей частью продолжающихся усилий исламского режима по распространению пропаганды и получению поддержки своих убеждений и политики в Иране, регионе и во всем мире. Некоторые из этих операций были направлены на то, чтобы создать и усугубить внутренние разногласия среди противников Ирана, повлиять на избирательные процессы и подорвать устойчивость общества во враждебных государствах.

Комбинированные кибероперации могут сочетать в себе различные наборы кибератак в зависимости от поставленных целей.

Анализ географии киберопераций, проводившихся иранскими специалистами, показывает, что в число их целей в приоритетном порядке попадают США, практически все ближневосточные страны (особенно Израиль и Саудовская Аравия), западноевропейские и североафриканские государства, а также некоторые страны Центральной и Южной Азии. К проведению кибератак и операций по кибершпионажу в отношении зарубежных объектов иранскими спецслужбами как правило привлекаются практически те же хакерские группы, что выполняют хакерские атаки на внутрииранские цели, а именно группы Ashiyane Digital Security Team, Flying Kitten, Rocket Kitten, Charming Kitten, Magic Kitten, CopyKittens²¹.

---

²¹ Артур Хетагуров. Кибермощь Ирана...

По состоянию на 2024 г. киберактивность Ирана усилилась, особенно в плане возможностей сбора разведданных, что позволяет проводить более точные и целенаправленные кибератаки и ракетные удары против Израиля. После террористической атаки ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и обострения обстановки на Ближнем Востоке Иран расширил свои кибероперации, включая совместные действия с «Хезболлой» (до сентября 2024 г.). Несмотря достигнутые успехи в этой сфере, киберпотенциал ИРИ по-прежнему уступает израильскому, а навыки иранских хакеров еще не достигли высокого профессионального уровня передовых в этом отношении стран – США, Израиля, России.

Во второй половине 2024 г. Иран расширил свои кибероперации против США с целью повлиять на президентские выборы в Америке. В исследовании Microsoft приводятся конкретные примеры иранских стратегий, таких как разработка поддельных новостных веб-сайтов и целенаправленные фишинговые атаки²².

При всей важности и высокой эффективности киберопераций и атак представляется, что этот вид «боевых действий» с противником являет собой дополнительный, а не самостоятельный инструмент, призванный укрепить дипломатический, экономический и военный потенциал, а также обеспечить безопасность страны.

Резюме

Нельзя отрицать, что военно-политическому руководству ИРИ удалось за 45 лет в условиях войны, экономического кризиса и перманентных санкций воссоздать военную экономику, модернизировать ее, а Вооруженные силы превратить в одни из самых мощных на Ближнем и Среднем Востоке.

Однако при всем этом ВС ИРИ обладают недостатками, которые при определенных форматах гипотетических войн и условиях ведения боевых действий (особенно широкомасштабных наземных) могут отрицательно сказаться на их ходе и итогах.

Устаревший на много десятилетий в большей своей части парк самолетов, арсенал бронетехники и в значительной степени военно-морских сил не идет ни в какое сравнение с современной техникой, имеющейся на вооружении их арабских соперников, особенно Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов, не говоря уже о вооруженных силах Запада. Догнать соперников и врагов при нынешнем состоянии

---

²² Karishhma Mago. Iran Boosts Cyber Activities to Disrupt US Elections, Microsoft Says // Fox Interviewer. 10.08.2024. URL: <https://foxinterviewer.com/world/iran-boosts-cyber-activities-to-disrupt-us-elections-microsoft-says/> (accessed: 03.10.2024).

экономики и наличии многочисленных жестких финансово-экономических санкций в ближайшие годы не представляется реальным. Это прекрасно понимают в Тегеране. В силу этих причин военно-политическое руководство ИРИ делает ставку на формирование асимметричных возможностей, концентрируя силы и средства на производстве ракет, дронов и создании мощной инфраструктуры кибервойн, а также НИОКР в этих сферах.

Более того, «асимметричные возможности» в иранском варианте подразумевают развитие и укрепление союзных шиитских вооруженных группировок на Ближнем Востоке в рамках осуществления многонациональной программы «Ось сопротивления», чем активно занимаются уже более десяти лет КСИР и подчиненные ему Силы специального назначения «Кодс» во всем ближневосточном регионе.

Ударной силой «Оси сопротивления» традиционно были и остаются боевые группировки «Хезболлы», выпестованные Ираном. Главный враг «Хезболлы» и ИРИ – Израиль – рассматривает эту ливанскую шиитскую группировку фактически как часть, компонент Вооруженных сил Ирана. Израильские генералы заявляют: «Мы должны учитывать, что то, с чем мы сталкиваемся в Ливане, – это не ополчение, а скорее бригада спецназа иранской армии»²³.

Цель иранского руководства по управлению, контролю, координации деятельности «Оси сопротивления» – доминирование на Ближнем Востоке и укрепление военно-политических позиций Исламской Республики Иран.

Сегодня, когда на Ближнем Востоке сложилась чрезвычайно взрывоопасная ситуация, а военная конфронтация между Ираном и Израилем рвется к своему апогею, нельзя не сосредоточиться на очень настораживающем факте. Если ранее официальные лица ИРИ воздерживались от заявлений об атомной бомбе, то в последнее время это становится более частым явлением.

Так, Али-Акбар Салехи (бывший министр иностранных дел и бывший глава иранского ядерного агентства ОАЭИ), Камаль Харрази (также бывший глава МИД, а ныне глава Стратегического совета по международным отношениям ИРИ, советник верховного лидера), Мохаммад Эслами (глава Организации по атомной энергии Ирана) в своих выступлениях заявляли и намекали о возможности создания в ИРИ ядерного оружия. При этом подчеркивали, что это зависит от вышестоящих властей, имея в виду аятоллу Хаменеи.

---

²³ Подробнее см.: Сажин В. Иран в водовороте событий вокруг «Хезболлы» // Международная жизнь. 02.10.2024. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/48048> (дата обращения: 05.10.2024).

Иранские журналисты также вносят свой вклад в ядерный ажиотаж. В январе 2024 г. телеведущий Хосейн Хосейни сказал: «Не пора ли Ирану произвести свое первое ядерное оружие, учитывая продолжающийся конфликт против Газы и неоднократные угрозы со стороны Израиля?»²⁴

Иранский политолог Юсуф Машфак в статье «Переосмысление военной доктрины Ирана?», опубликованной 8 октября 2024 г., призывает переосмыслить конституцию ИРИ, намекая на необходимость создания и использования ядерного оружия Ираном. Он утверждает, что сионисты могут использовать ядерное оружие при благоприятных условиях. В силу этого иранская военная доктрина должна быть пересмотрена в свете новых условий противостояния с Израилем. «Пересмотр военной доктрины Ирана [надо понимать, включение в нее ядерной составляющей – В. С.] является навязанным стране, но необходимым условием для сохранения страны и жизни людей», – пишет Ю. Машфак.

Статья г-на Машфака вызвала много комментариев, в которых читатели поддерживают эту идею. Вот некоторые выдержки: «В современном мире, несмотря на безумцев вроде Нетаньяху, для людей, исповедующих ислам, наличие ядерного оружия является обязательным». «Единственный способ удержать Израиль от нападения на Иран – это баланс военной мощи, как ядерной, так и неядерной». «Враги Ирана, а именно Америка, Англия, Франция и Израиль, имеют атомную бомбу. Мы делаем всё возможное, чтобы обеспечить 100-процентную национальную безопасность, поэтому нам срочно нужно ядерное оружие». «Речь идет не о создании нового средства ведения войны, а о средстве сдерживания войны. Иран нуждается в средствах ядерного сдерживания перед лицом израильских атак»²⁵.

Это, прямо скажем, опасный симптом. Если руководством ИРИ будет принято решение о создании ядерного оружия, то, естественно, иранские Вооруженные силы станут ядерными со всеми исходящими из этого факта последствиями, чреватými ядерной катастрофой.

Таким образом, несмотря на «некоторые недостатки», современные вооруженные силы ИРИ по многим показателям превосходят те, о которых даже не мог мечтать амбициозный шах Мохаммад Реза Пехлеви, стремившийся к превращению Ирана в супердержаву региона.

---

²⁴ Iran Signals It Is Closer To Building Nuclear Weapons // Iran International. 12.02.2024. URL: <https://www.iranintl.com/en/202402123916> (accessed: 08.10.2024).

²⁵ Mashfak Y. Baznagari dar Doctrine Nezamiye Iran (Переосмысление военной доктрины Ирана?) // Alef. 17 Mehr 1403 (09 октября 2024). URL: <https://www.alef.ir/news/4030716121.html> (accessed: 09.10.2024). На перс. яз.

Парадокс 45-летней истории ИРИ заключается в том, что именно исламские революционеры, свергнувшие шаха, через 45 лет настойчиво стремятся к тому, о чем лишь мечтал монарх – превратить Иран в ближневосточную супердержаву.

А быть может, дело здесь не в парадоксах истории, а в том, что и шах, и шиитское духовенство вели Иран, говоря словами шаха Мохаммада Резы Пехлеви, «к великий цивилизации». Но главное, что различает их, это понимание сути этой «великой цивилизации».

Литература / References

1. Иванов С. Вооруженные силы Ирана // Зарубежное военное обозрение. 2021. № 4. С. 10–17. [Ivanov S. The Armed Forces of Iran // Zarubezhnoe voennoe obozrenie – Foreign Military Review. 2021. No. 4. Pp. 10–17 (in Russian)].
2. Конституция Исламской Республики Иран // Весна свободы (К годовщине победы исламской революции в Иране: сборник). М.: Посольство Ислам. Респ. Иран, 1994. 144 с. [Spring of Freedom (On the anniversary of the victory of the Islamic Revolution in Iran: collection). Moscow: Embassy of Islam. Rep. Iran, 1994. 144 p. (in Russian)].
3. Сажин В. И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10, № 3. С. 83–109. [Sazhin V. I. Iran's Islamic Revolutionary Guards Corps – a state within a state // Contours of Global Transformations. 2017. Vol. 10, No. 3. Pp. 83–109 (in Russian)]. doi.org: 10.23932/2542–0240–2017–10–3–83–109
4. Сажин В. И., Бондарь Ю. М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М.: Изд-во Московского университета, 2014. 512 с. [Sazhin V. I., Bondar Y. M. The military power of the Islamic Republic of Iran. Moscow: Moscow University Press, 2014. 512 p. (in Russian)].
5. Храмухин А. Эстафета трофеев. Иранские вооружения не поддаются подсчету // Военно-промышленный курьер. 2019. № 13 (776). [Khrumchikhin A. Relay race of trophies. Iranian armaments cannot be counted // Voyenno-Promyshlennyi Kurier. 2019. No. 13 (776) (in Russian)].
6. Cordesman A. H. Arms Sales to Iran: Remour and Reality / Middle East Executive Reports // The Royal United Services Institute for Defence Studies: Jane's: London, 1986, February.
7. Cordesman A. H. The Iran-Iraq War and Western Security 1884–87: Strategic Implications and Policy Option // The Royal United Services Institute for Defence Studies: Jane's: London, 1987.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Мехди Санаи. День Армии в Иране // Блог. 20.04.2015. URL: <https://sanaei.livejournal.com/134359.html> (дата обращения: 20.03.2024).
2. Командующий КСИР: «В современном мире нет места слабым народам» // Eur-Asia Daily. 15.12.2022. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/12/15/komanduyu-shchiy-ksir-v-sovremennom-mire-net-mesta-slabym-narodam> (дата обращения: 01.04.2024).

3. Хетагуров А. Кибермощь Ирана. Киберстражи Исламской Революции // Российский совет по международным делам. (РСМД). 19.03.2019. URL: <https://rus-siancouncil.ru/cyberiran> (дата обращения: 01.10.2024).
4. Chuck Freilich. The Iranian Cyber Threat // Memorandum 230, January 2024 // The Institute for National Security Studies (INSS). URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1728297536&tld=ru&lang=en&name=Memo230_IranianCyberThreat_ENG_digital.pdf&text=Structure%20of%20Iran's%20Cyber%20Warfare&url=https%3A%2F%2Fwww.inss.org.il%2Fwp-content%2Fuploads%2F2024%2F02%2FMemo230_IranianCyberThreat_ENG_digital.pdf&lr=213&mime=pdf&l10n=ru&sign=826788f8ec285ab47cf4e90febf8d58d&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3D1728297536%26tld%3Dru%26lang%3Den%26name%3DMemo230_IranianCyberThreat_ENG_digital.pdf%26text%3DStructure%20of%20Iran%25E2%2580%2599s%2BCyber%2BWarfare%26url%3Dhttps%253A%2F%2Fwww.inss.org.il%2Fwp-content%2Fuploads%2F2024%2F02%2FMemo230_IranianCyberThreat_ENG_digital.pdf%26lr%3D213%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D826788f8ec285ab47cf4e90febf8d58d%26keyno%3D0%26nosw%3D1 (accessed: 01.10.2024).
5. Iran // World Air Forces 2024. Flight International. In Association with Embraer. Pp. 20–21. URL: <https://www.flightglobal.com/reports/2024-world-air-forces-directory/156008.article> (accessed: 05.08.2024).
6. Iran boosts cyber war capabilities // United Press International (UPI). 18.12.2011. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2011/12/18/Iran-boosts-cyber-war-capabilities/80331324215975/ (accessed: 02.10.2024).
7. Iran. Executive summary // EIA. U. S. Energy Information Administration. 17.11.2022. URL: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/IRN> (accessed: 03.08.2024).
8. Iran retaliates for the killing of Qassem Suleimani // The Economist. 08.01.2020. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2020/01/08/iran-retaliates-for-the-killing-of-qassem-suleimani> (accessed: 01.04.2024).
9. Iran's Emergence as a Cyber Power // Iran Briefing. 10.10.2014. URL: <https://iranbriefing.net/irans-emergence-cyber-power/> (accessed: 02.10.2024).
10. Iran Signals It Is Closer To Building Nuclear Weapons // Iran International. 12.02.2024. URL: <https://www.iranintl.com/en/202402123916> (accessed: 08.10.2024).
11. Israeli Think Tank Acknowledges Iran as Major Cyber Power, Iran Claims its 4th Biggest Cyber Army in World. // HackRead. 18.10.2013. URL: <https://hackread.com/iran-biggest-cyber-army-israel/> (accessed: 04.04.2024).
12. Karishhna Mago. Iran Boosts Cyber Activities to Disrupt US Elections, Microsoft Says // Fox Interviewer. 10.08.2024. URL: <https://foxinterviewer.com/world/iran-boosts-cyber-activities-to-disrupt-us-elections-microsoft-says/> (accessed: 03.10.2024).
13. Nan Tian, Diego Lopes da Silva, Xiao Liang and Lorenzo Scarazzato. Trends in World Military Expenditure, 2023 // SIPRI Fact Sheet. April 2024. URL: <https://reliefweb.int/report/world/sipri-fact-sheet-april-2024-trends-world-military-expenditure-2023-encasv> (accessed: 04.10.2024).
14. Yusuf Mashfak. Baznagari dar Doctrine Nezamiye Iran (Переосмысление военной доктрины Ирана?) // Alef. 17 Mehr 1403 (09 октября 2024). URL: <https://www.alef.ir/news/4030716121.html> (accessed: 09.10.2024). На перс. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сажин Владимир Игоревич –
канд. ист. наук, старший научный
сотрудник Центра изучения стран
Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения Российской
Академии Наук, Москва, Россия

Sazhin Vladimir I. – PhD (Hist.),
Senior Research Fellow, Center of Middle
East Studies, Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327 (55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-194-203>

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРИ 1979–2024

Ирина Евгеньевна Федорова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
f-irina51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398>

Аннотация. Цели внешней политики ИРИ состоят в обеспечении благоприятных условий для функционирования исламского государства, для превращения Ирана в региональный центр силы, а также для укрепления и распространения иранской шиитской модели общественного развития. При этом приверженность руководства страны фундаментальным принципам, заложенным аятоллой Хомейни, не исключает прагматизма и гибкости при принятии решений, что приводит к эволюции некоторых аспектов внешнеполитической деятельности ИРИ, в первую очередь в плане отношений с Западом. Наглядным образом это проявилось при изменении ряда направлений внешней политики в зависимости от изменения внешнеполитических приоритетов президентов Ирана. Таким образом, эволюция внешней политики Тегерана является результатом взаимозависимости и взаимовлияния внутренних, региональных, глобальных факторов развития и фундаментальных основ, заложенных при образовании государства в 1979 г.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, внешняя политика, экспорт исламской революции, М. Пезешкиан, СВПД

Для цитирования: Федорова И. Е. Эволюция внешней политики ИРИ 1979–2024. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):194–203. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-194-203>

Original article. Politics studies

EVOLUTION OF IRAN'S FOREIGN POLICY 1979–2024

Irina Fedorova

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
f-irina51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398>

Abstract. The goals of Iran's foreign policy are to provide favorable conditions for the functioning of the Islamic state, to turn Iran into a regional center of power, as well as to strengthen and spread the Iranian Shiite model of social development. At the same time, the commitment of the country's leadership to the fundamental principles laid down by ayatollah Khomeini does not exclude pragmatism and flexibility in decision making. Which leads to the evolution of some aspects of Iran's foreign policy, primarily in terms of relations with the West. This was clearly manifested in the change in a number of foreign policy directions depending on the change in the foreign policy priorities of the Iranian presidents. Thus, the evolution of Tehran's foreign policy is the result of the interdependence and mutual influence of inter-

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

nal, regional, global factors and the fundamental principles laid down in 1979 by ayatollah Khomeini.

Keywords: Islamic Republic of Iran, foreign policy, export of Islamic revolution, JCPOA, M. Pezeshkian

For citation: Fedorova I. E. Evolution of Iran's Foreign Policy 1979–2024. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):194–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-194-203>

Основные принципы внешней политики Исламской Республики Иран (ИРИ) зафиксированы в Конституции страны, принятой в 1979 г. и в «Общих направлениях политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ»¹. Они, в частности, предусматривают: а) выработку внешней политики на основе исламских критериев; б) отрицание господства над Ираном и сохранении независимости страны; в) продолжение революции как внутри Ирана, так и за его пределами; г) борьбу против однополярного мира; д) превращение Ирана в региональный центр силы; е) усилия по демилитаризации региона и вывод из него вооруженных сил внерегиональных государств; ж) поддержку мусульман, угнетенных и обездоленных народов и особенно народа Палестины [Полищук, 2007, с. 182–183].

В целом парадигма внешней политики Ирана, т. е. система ее основных направлений, остается стабильной. Это во многом объясняется тем, что согласно статье 110 Конституции ИРИ важнейшие решения принимает Верховный лидер Ирана, указы которого определяют задачи для внешнеполитических институтов. При этом иранская внешняя политика, представляющая уникальное сочетание идеологических и прагматических компонентов, развивалась вместе с развитием иранского общества и была теснейшим образом связана с внутривнутриполитической деятельностью руководства Ирана и борьбой внутри самих правящих кругов. В зависимости от этих факторов и геополитической обстановки, а также в немалой степени от взглядов президентов страны менялись приоритеты внешнеполитических задач и интенсивность деятельности на тех или иных направлениях.

В первый послереволюционный период, охватывающий 80-е гг., при президенте Али Хаменеи, сподвижнике верховного лидера аятоллы Хомейни Иран проводил радикальную внешнюю политику под лозунгом «Ни Запад, ни Восток, а Иран», направленную на противостояние сверхдержавам. После захвата в Тегеране американских дипломатов в каче-

¹ Constitution of the Islamic Republic of Iran. URL: <https://www.iranbestlawyer.com/wp-content/uploads/2020/05/Constitution-of-Iran.pdf> (accessed: 17.10.2023).

стве заложников в ноябре 1980 г. произошел разрыв отношений с США и обострение отношений со всем западным миром. Важнейшим направлением деятельности руководства ИРИ стал экспорт исламской революции, в первую очередь, в соседние мусульманские страны [Юртаев, 2018, с. 49]. В русле этой политики, несмотря на санкционный режим и тяжелую ирано-иракскую войну, Тегеран начал формировать т. н. «Ось сопротивления», состоящую из иранских проху в регионе Ближнего и Среднего Востока. Важнейшим звеном этой структуры стала Сирийская Арабская Республика, поддержавшая Иран в войне с Ираком и заключившая стратегический союз с Тегераном. А в 1982 г. в Ливане была создана шиитская военизированная партия «Хезболла», превратившаяся в основного соратника Ирана в регионе. Ее целью является борьба против оккупации Израилем земель Палестины и создание в Ливане исламского государства по образцу Исламской Республики Иран². Одновременно Иран принял усилия для налаживания отношений с суннитской радикальной организацией Палестинский Исламский Джихад³.

Военно-силовые методы руководства ИРИ при реализации своих задач привели к международной изоляции Ирана и социально-экономическому кризису в стране. Это, в свою очередь, продиктовало необходимость выработки более взвешенного внешнеполитического курса, налаживания отношений с зарубежными странами, в первую очередь со странами региона и исламского мира. В 90-е гг. на первый план стало выходить экономическое сотрудничество. Экспорт исламской революции начал включать новые формы – пропаганду достижений Исламской Республики в области культуры (т. н. экспорт «исламской культурной революции») [Kameneva, 2020, с. 57]. Эти новые тенденции наиболее ярко проявились при президенте Хашеми Рафсанджани (1989–1997), который был сторонником гибкой и прагматичной внешней политики, направленной на снятие напряженности в отношениях с внешним миром для облегчения экономического развития Ирана. Стоит отметить, что в эти годы начали налаживаться отношения с СССР. Во время своего визита в Москву в июне 1989 г. председатель Меджлиса А. Рафсанджани подписал с Председателем Верховного Совета СССР М. Горбачевым Декларацию о принципах отношений и дружественном сотрудничестве между СССР и ИРИ⁴.

---

² The Main Axes of Iran's Foreign Policy Toward the Palestinian-Israeli Conflict // Valdai Club. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-main-axes-of-i> (accessed: 17.09.2024).

³ Палестинский исламский джихад – организация запрещена в России.

⁴ Декларация о принципах и дружественном сотрудничестве между СССР и ИРИ // Предпринимательское право. URL: https://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_38171.html?ysclid=m10iavafuu496410443 (дата обращения: 17.09.2024).

Курс на взаимодействие с международным сообществом продолжился и при президенте М. Хатами (1997–2005), близком по своим взглядам к Х. Рафсанджани и также отражавшем интересы либеральных кругов. В 1997 г. при вступлении в должность он отметил необходимость начать диалог между цивилизациями, считая этот процесс основой для формирования парадигмы международных отношений. Эта идея была выдвинута М. Хатами как альтернатива неизбежности «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, считавшего, что развитие человечества пойдет по пути сохранения национальных культур, которые будут стремиться к противодействию и уничтожению друг друга.

Свою точку зрения президент ИРИ развил в 1998 г. в выступлении на 53-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН, предложив начать диалог между всеми государствами и между представителями самых различных культур. Он предложил проект резолюции, который был поддержан большинством стран-участниц Генеральной Ассамблеи ООН, вынесшими решение объявить 2001 год «Годом диалога цивилизаций под эгидой ООН». В Резолюции GA/RES/53/22 говорилось, что правительства и организации ООН, включая Организацию Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, должны запланировать и осуществить культурные, образовательные и социальные программы для поощрения и поддержки идеи диалога между цивилизациями⁵.

Однако смягчение агрессивной риторики со стороны Тегерана, готовность к двусторонним и многосторонним контактам и даже определенное взаимодействие с представителями США по ситуации в Афганистане не привело ни к изменению отношений со странами Запада, ни к ослаблению санкций и улучшению экономического положения ИРИ. Напротив, в 2003 г. президент Дж. Буш включил Иран в «ось зла» как страну – спонсора терроризма.

Отсутствие ожидаемого ответа со стороны западных стран и, в первую очередь, США на инициативы Ирана, нежелание активно развивать экономические отношения привели к недовольству в иранском обществе политикой президентов Х. Рафсанджани и М. Хатами. На этом фоне произошла активизация деятельности консервативных кругов, и в 2005 г. на пост президента ИРИ был избран М. Ахмадинежад (2005–2013), тесно связанный с консервативными кругами и представителями КСИР. Президент М. Ахмадинежад определял свою политику как «созидательное взаимодействие» и видел Иран сильным игроком в системе

---

⁵ Резолюция GA/RES/53/22 // Организация Объединенных Наций | Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. URL: https://www.un.org/ru/ga/53/docs/53res_nocte.shtml (дата обращения: 17.09.2024).

международных отношений. При М. Ахмадинежаде активно развивалась космическая программа ИРИ, был запущен первый иранский космический спутник, усилилась военная составляющая ядерной программы Тегерана. Он считал приоритетным восточное направление иранской внешней политики и подчеркивал необходимость наладить отношения в первую очередь с мусульманскими странами. Одной из его приоритетных задач было занять лидирующие позиции в регионе Ближнего и Среднего Востока, позиционируя Иран в качестве главного защитника прав народа Палестины и борца против оккупации Израилем палестинских земель [Юртаев, 2018, с. 108–111].

Жесткая антиизраильская риторика президента Ирана, сопровождавшаяся развитием военных ядерных технологий, привела к тому, что против Тегерана были введены жесткие санкции СБ ООН, и политическая напряженность вокруг страны перешла в новое качество – балансирование на грани войны и мира. В 2012 г. Евросоюз ввел нефтяное эмбарго на иранскую нефть, в ответ Иран пригрозил перекрыть Ормузский пролив, крупные военно-морские силы США и их союзников были стянуты к границам Ирана.

Кризисная ситуация продиктовала необходимость смен внешнеполитического курса и во многом обусловила избрание в 2013 г. Хасана Роухани (2013–2021), представляющего сторонников либерализации внутренней и внешней политики ИРИ. Новый президент Ирана был опытным политиком, некоторые даже называли его «шейхом дипломатии». Умело маневрируя между интересами самых различных политических сил в Тегеране, Х. Роухани стремился смягчить напряженность вокруг страны и наладить отношения со странами Запада, в первую очередь с США, чтобы добиться снятия экономических санкций с Ирана.

Гибкая позиция Ирана нашла понимание в Вашингтоне, где президент Барак Обама (2009–2017) считал целесообразным изменить подходы Белого дома к странам мусульманского мира и к Ирану в частности. Он сделал акцент на развитии дипломатических контактов и способствовал заключению в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (СВПД). Подписание этого документа стало точкой наивысшего сближения между Западом и Тегераном, создав предпосылки для полного восстановления отношений.

Однако в связи с позицией США в 2017 г. ситуация резко изменилась. Президент США Д. Трамп (2017–2021), член Республиканской партии, традиционно более полно соблюдающей интересы Израиля на Ближнем Востоке, вышел из «ядерной сделки» и восстановил все санкции против Ирана.

Решение Трампа показало, что Вашингтон может нарушать договоренности любого уровня, даже утвержденные Резолюцией Совета Безопасности ООН (в данном случае Резолюцией 2231). Как подчеркивал министр иностранных дел России С. В. Лавров, комментируя это событие, выход США из СВПД свидетельствовал о полной недоговороспособности Белого дома и необходимости соблюдать крайнюю осторожность в ходе переговоров с США⁶.

Еще один удар по позиции президента Х. Роухани нанесла террористическая атака Соединенных Штатов Америки в январе 2020 г., в ходе которой погиб выдающийся иранский военачальник и государственный деятель генерал К. Сулеймани.

Политика президента Д. Трампа сказала на внутривластной парадигме Ирана. Она вызвала разочарование политикой реформаторского кабинета Х. Роухани и способствовала победе на президентских выборах в 2021 г. Э. Раиси (2021–2024), сторонника консервативных ценностей. Его политику можно охарактеризовать как «революционный прагматизм». Под «революционностью» принято подразумевать продолжение противостояния с США и Израилем и укрепление революционной шиитской «оси сопротивления» Тегеран – Багдад – Дамаск – Бейрут, к которой в настоящее время можно отнести и подразделения Ансар Алла⁷ в Йемене. При этом Тегеран традиционно подходил к формированию внешнеполитического курса, исходя из прагматичных установок, направленных на решение насущных экономических задач.

Одним из проявлений прагматизма во внешней политике Э. Раиси являлась его позиция по возобновлению переговоров по ядерной программе ИРИ. Он считал целесообразным проведение переговоров по этому вопросу и возвращение к формату СВПД, но не за счет уступок Западу. Президент Раиси настаивал на том, что в соглашение по ядерной программе не должны входить ни вопросы политики ИРИ в регионе, в первую очередь поддержка т. н. «иранских прокси» – звеньев «оси сопротивления», ни ракетная программа ИРИ – два важнейших направления деятельности руководства Ирана.

После трагической гибели президента Э. Раиси весной 2024 г. на выборах победил М. Пезешкиан, позиционирующий себя как сторонник реформ во внутренней жизни Ирана и готовый к взаимодействию со всеми странами региона и мира. Внешнеполитические приоритеты его кабинета были изложены в статьях для газет «The New Arab», «The

---

⁶ Лавров назвал Запад недоговороспособным в ключевых стратегических сферах // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20240625/lavrov-1955336750.html> (дата обращения: 22.09.2024).

⁷ Ансар Алла – военизированная группировка хуситов, приверженцев зейдизма – одной из ветвей шиитского ислама.

Tehran Times» и в выступлении на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 2024 г.⁸

В них нынешний президент Ирана подчеркивал, что он стремится заложить прочный фундамент для вступления его страны в новую эру, в которой Иран сможет играть эффективную и конструктивную роль в развивающейся системе международных отношений. «Моя цель – устранить существующие препятствия и проблемы, одновременно выстраивая внешнюю политику моей страны с учетом потребностей и реалий современного мира»⁹.

Он отмечал готовность Ирана к взаимодействию со всеми странами – участниками СВПД для обсуждения зашедшей в тупик «ядерной сделки». С его точки зрения, «если обязательства по СВПД будут выполнены в полном объеме и добросовестно, за этим может последовать диалог по другим вопросам». Особое внимание М. Пезешкиан обратил на важность развития отношений с КНР и Россией как в двустороннем, так и в многостороннем формате в рамках БРИКС и ШОС. Президент назвал работу над немедленным прекращением хладнокровных убийств мирных людей в Газе и других преступлений израильского режима «против человечности» приоритетным направлением сотрудничества Тегерана со странами региона.

Анализируя точку зрения М. Пезешкиана, мы можем сделать вывод о его готовности урегулировать отношения со всеми странами мирового сообщества, возможно, соглашаясь на некоторые уступки со стороны Ирана.

Однако геополитическая реальность внесла свои коррективы в курс М. Пезешкиана. Одним из важнейших факторов, определяющих внешнюю политику ИРИ начиная с 7 октября 2023 г., стала война между движением ХАМАС и Израилем, которая придала чрезвычайно опасное измерение и без того сложной международной обстановке в регионе. Начиная с 2023 г. руководство Израиля неоднократно совершало террористические атаки против Ирана и его союзников. Среди них в первую очередь следует назвать разрушение иранского консульства в Дамаске и убийство командующего силами аль Кодс в Сирии и Ливане генерала

---

⁸ Let us come together to build a strong, prosperous region. URL: <https://www.newarab.com/author/73715/masoud-pezeskian> (accessed: 17.09.2024); My message to the new world // Tehran times is the first English daily newspaper printed after 1979 Islamic revolution in iran. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/501077/My-message-to-the-new-world> (accessed: 17.09.2024); Gaza crisis reveals 'true nature' of Israeli regime, Iranian President says // Организация Объединенных Наций | Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. URL: <https://news.un.org/en/story/2024/09/1154841> (accessed: 17.09.2024).

⁹ Gaza crisis reveals 'true nature' of Israeli regime, Iranian President says // Организация Объединенных Наций | Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. URL: <https://news.un.org/en/story/2024/09/1154841> (accessed: 17.09.2024).

Мохаммад Реза Захеда и его заместителя генерала Мохаммада Хаджи Рахими (апрель 2024 г.), убийство Исмаила Хания – главы политбюро ХАМАС – после инаугурации президента М. Пезешкиана (Тегеран, июль 2024 г.), взрывы электронных устройств в Ливане (сентябрь 2024 г.), убийство 27 сентября 2024 г. генерального секретаря ливанского движения «Хезболла» Хасана Насраллы. Во многом действия Тель-Авива направлены на провоцирование широкомасштабного военного ответа Ирана, который мог бы быть поводом для обвинения Тегерана в агрессии против Израиля и стать толчком для начала крупномасштабной войны в регионе.

Ответ Ирана на данный момент более чем сдержан и показывает, что, с одной стороны, Тегеран понимает всю тяжесть последствий, к которым может привести выход ситуации из-под контроля, с другой – говорит о нежелании, а скорее всего, о неготовности Ирана вести широкомасштабные военные действия. На наш взгляд, определенное влияние на подобный ответ Ирана оказывает и позиция части иранской элиты, настроенной на начало диалога с западными странами и считающей, что у Ирана есть возможность заключить новое соглашение относительно его ядерной программы.

* * *

Подводя итоги эволюции внешней политики Ирана за 45 лет, представляется возможным сказать следующее.

Цели внешней политики ИРИ состоят в обеспечении благоприятных условий для функционирования исламского государства, для превращения Ирана в региональный центр силы, а также для укрепления и распространения иранской шиитской модели общественного развития.

При этом приверженность верховного лидера Ирана аятоллы Хаменеи фундаментальным принципам, заложенным аятоллой Хомейни, не исключает прагматизма и гибкости при принятии решений, что приводит к эволюции некоторых аспектов внешнеполитической деятельности ИРИ в первую очередь в плане отношений с Западом.

Таким образом эволюция внешней политики Тегерана является результатом взаимозависимости и взаимовлияния внутренних, региональных, глобальных факторов развития и фундаментальных основ, заложенных при образовании государства в 1979 г.

К сожалению, лавинообразное развитие событий на Ближнем и Среднем Востоке, начавшееся 7 октября 2023 г. и поставившее регион на грань гуманитарной и военной катастрофы, не дает возможности сделать ни краткосрочный, ни долгосрочный прогноз относительно будущих трендов во внешней политике ИРИ.

Литература / References

1. Иранская революция 1978–1979 г. Причины и уроки. М., 1989. 557 с. [Iranian revolution 1978–1979. Moscow, 1989. 557 p. (in Russian)]. ISBN: 5–02–016676–6
2. Полищук А. И. «О перспективах развития ИРИ до 2025 г.» и «Общих направлениях политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ» / Роль и место Ирана в регионе. М.: ИВ РАН, 2007. 208 с. [A. Politshuk. General directions of the Fourth five-year plan of socio-economic development as a factor of forming regional policy / The Role and the Place of Iran in the Region. Moscow: IOS RAS, 208 p. (in Russian)].
3. Саджадпур К. Аятолла Хаменеи: Высший руководитель // Pro et Contra. 2008. Июль-август. № 4. С. 11–35. [Sajadpour K. Ayatollah Khamenei: The Supreme Leader // Pro et Contra. 2008. July-August. No. 4. Pp. 11–35 (in Russian)].
4. Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018. 160 с. [Yurtayev V. I. Islamisation as a factor of Iran's foreign policy. Moscow: «Aspekt-Press», 2018. 160 p. (in Russian)]. ISBN 978-5-7567-0956-8
5. Kameneva M. Culture Factor in the Policy of the Islamic Republic of Iran // Политикологија Религије. 2020. Vol. XIV. № 1. Pp. 55–70.
6. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N-Y., 2007. P. 410.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Декларация о принципах и дружественном сотрудничестве между СССР и ИРИ // Предпринимательское право. URL: https://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_38171.html?ysclid=m10iavafuu496410443 (дата обращения: 17.09.2024).
2. Лавров назвал Запад недоговороспособным в ключевых стратегических сферах // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20240625/lavrov-1955336750.html> (дата обращения: 22.09.2024).
3. Резолюция GA/RES/53/22 // Организация Объединенных Наций | Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. URL: https://www.un.org/ru/ga/53/docs/53res_nocte.shtml (дата обращения: 17.09.2024).
4. Constitution of the Islamic Republic of Iran. URL: <https://www.iranbestlawyer.com/wp-content/uploads/2020/05/Constitution-of-Iran.pdf> (accessed: 17.10.2023).
5. Gaza crisis reveals ‘true nature’ of Israeli regime, Iranian President says // Организация Объединенных Наций | Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. URL: <https://news.un.org/en/story/2024/09/1154841> (accessed: 17.09.2024).
6. Let us come together to build a strong, prosperous region. URL: <https://www.newarab.com/author/73715/masoud-pezeskian> (accessed: 17.09.2024).
7. My message to the new world // Tehran times is the first English daily newspaper printed after 1979 Islamic revelation in iran. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/501077/My-message-to-the-new-world> (accessed: 17.09.2024).

8. The Main Axes of Iran’s Foreign Policy Toward the Palestinian-Israeli Conflict // Val-dai Club. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-main-axes-of-i> (accessed: 17.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Федорова Ирина Евгеньевна –
канд. ист. наук, старший научный
сотрудник Центра изучения стран
Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения Российской
Академии Наук, Москва, Россия

Fedorova Irina E. – PhD (Hist.),
Senior Research Fellow, Center of Middle
East Studies, Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Original article. Politics studies

УДК 327.8

<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-204-216>

IRAN AND RUSSIA IN CENTRAL EURASIA: REGIONAL COOPERATION AND ITS PROBLEMS

Jahangir Karami

University of Tehran, Tehran, Iran,

jkarami@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-8815-7069>

Abstract. This article written with the aim of discuss about the regional cooperation between Iran and Russia in Central Eurasia and some of its problems. The main question of the article is about how Russia and Iran manage regional affairs, and the author's main idea is that the two countries have tried to maintain stability and security in the region, expand economic relations, and strengthen transportation and logistics infrastructure in the past three decades. To deepen and expand regional cooperation, they have formed structures such as the Shanghai Cooperation Organization, the Eurasian Economic Union, the North-South Corridor, and the Caspian Sea Legal Convention. These institutions have been able to play a major role in strengthening these cooperations. Despite this, in cases such as the Caucasus crisis, no specific format has yet been established to solve the problems, and this issue can harm the regional relations of the two countries. The main finding of this article is that ignoring sensitive interests in the South Caucasus region can face unforeseen threats to stability and security in Central Eurasia.

Keywords: Central Eurasia, Iran, Russia, SCO, EAEU, INSTC

For citation: Karami J. Iran and Russia in Central Eurasia: Regional Cooperation and its Problems. *Eastern Analytics*. 2024;15(4):204-216. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-204-216>

Научная статья. Политические науки

ИРАН И РОССИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Джахангир Карами

Тегеранский университет, Тегеран, Иран

jkarami@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-8815-7069>

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть вопросы регионального сотрудничества между Ираном и Россией в Центральной Евразии и некоторые возникающие между ними проблемы. Главный вопрос, который ставит автор статьи – как Россия и Иран управляют региональными делами, и основная идея – обосновать свое утверждение о том, что в последние три десятилетия две страны пытались поддерживать стабильность и безопасность в регионе, расширять экономические отношения и укреплять транспортно-логистическую инфраструктуру. Для углубления и расширения регионального сотруд-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

ничества были созданы такие структуры, как Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, коридор «Север – Юг» и Каспийская правовая конвенция. Эти институты смогли сыграть важную роль в укреплении сотрудничества России и Ирана в регионе. Несмотря на это, в таких случаях, как кавказский кризис, до сих пор не создан конкретный формат для решения проблем в этом субрегионе, и его отсутствие может нанести ущерб региональным отношениям двух стран. Главный вывод данной статьи заключается в том, что игнорирование чувствительных интересов друг друга в регионе Южного Кавказа может обернуться непредвиденными угрозами для стабильности и безопасности в Центральной Евразии.

Ключевые слова: Центральная Евразия, Иран, Россия, ШОС, ЕАЭС, МТК «Север – Юг»

Для цитирования: Карами Д. Иран и Россия в Центральной Евразии: региональное сотрудничество и проблемы взаимодействия. *Восточная аналитика*. 2024;15(4):204–216. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-204-216>

Introduction

Iran and Russia have had important cooperation with each other in the last three decades in Central Eurasia. These cooperations have been very important for the stability and security of the region and avoiding the pressures of Western powers and institutions due to the common interests that existed at the regional level. From Afghanistan to Central Asia, the Caspian Sea and the South Caucasus, there has been a belt of security, logistics and competition issues that Tehran and Moscow have tried to manage through effective interaction and within the framework of common interests with each other and with the countries of the region. But despite this common interest and cooperation, in some cases they had conflicting interests, and this issue has caused concerns in recent years, especially in Tehran. Therefore, the main topic in this article is that in recent years, despite more interactions between the two countries in the region, important problems and challenges have arisen, such as the dispute over the Zangzor-Sionik corridor.

Therefore, without finding a common and effective solution to solve such problems in the region, there is a possibility of the crisis spreading to other Eurasian regions. Based on this issue, various questions are raised about the continuation of regional cooperation between Russia and Tehran, including how the two countries have cooperated with each other so far? What structures and institutions have they created to continue and expand cooperation? What is the future perspective of these collaborations? And what issues and problems may challenge the continuation of these collaborations? But the main question in this article is how can Russia and Iran manage common issues in the Eurasian region?

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

The hypothesis that can be put forward here is that Tehran and Moscow need a common format for interaction in the areas of dispute in the region, and this format can focus on the Caucasus, to have long-term dialogues in this advance the relationship. In fact, along with institutions such as the Shanghai Cooperation Organization, the Caspian Sea Legal Convention and the North-South Corridor, Tehran and Moscow also need a plan for interaction regarding the South Caucasus. Two countries have had important cooperation on the issue of Central Eurasia and it is necessary to reach a specific format to promote this cooperation with the aim of stability, security, development and integration in this region. Currently, this format exists for Central Asia and the North-South Corridor, but it is still weak for the Caucasus.

In this article, the focus will be on the cooperation between Moscow and Tehran in Central Asia, the Caucasus and the Caspian Sea area, and issues outside of these three areas, such as the Ukraine crisis, will not be considered by the author. To review my main idea, I will first present the most important Eurasian affairs in the last three decades. Then, I pay attention to the discussion about cooperation between Russia and Iran in regional issues based on chronological order. In the next discussion, we will discuss the differences between the interests of Tehran and Moscow, and at the end, we will analyze and summarize the discussions.

Important Affairs in Central Eurasia

In the Central Eurasia region in recent decades, there have been important issues and problems in the fields of security, transportation, energy, development and institutionalism, and first I discuss the most important ones.

Since the beginning of the independence of the Central Eurasian countries until now, there have been important security problems arising from intervention of western powers, new regional government disputes, ethnic issues within the countries, threats arising from terrorism, radicalism and separatism, and the expansion of Western institutions and arrangements with the aim of putting pressure on Russia and preventing other interactions between other countries. These issues have led to many crises in the region and have formed an important global geopolitical fault in this area between Russia and the West. Also, wars such as Nagorno-Karabakh, Tajik civil war, war in Georgia and Ukraine have been the results of these security problems. [Karami, Karimian, 2018, Pp. 41–42.]

One of the other issues in the region is the state of development in political, economic, cultural and social dimensions. The transformation from a centralized and state-oriented system to a new situation has been full of tension and problems since the independence of the countries of the region. Some countries have had success in this field. But most of them still haven't been

able to solve the problems related to economic and political development and modernization [Karami, Karimian, 2018, Pp. 41–42]. In this framework, the issue of state building and nation building sometimes in extreme ways has increased tension and conflict in the region. We should also mention the issue of the efficiency of the governments in providing the general needs of the people, which in some cases has led to an increase in tension and crisis within the countries.

The issue of logistics and transportation in the Central Eurasian region, especially in landlocked countries, during the past three decades, has drawn attention to numerous transportation corridor plans. In this framework, important agreements have been made on corridors such as Transport Corridor Europe Caucasus Asia (TRACECA), International North–South Transport Corridor (INSTC), Belt-Road Initiative (BRI) and The Middle Corridor or TITR (Trans-Caspian International Transport Route). Also, the competition over energy transfer routes from regional countries to world markets started in the early 1990s, and Western countries, China and Iran tried to transfer regional energy from their desired routes.

But another important issue in Central Eurasia has been the issue of regional integration and institutionalism. Russia tried to form three important political, security and economic institutions from the beginning of the independence of these countries. But Western countries have tried to compete with Russia by expanding Western regional institutions to Eurasian countries. In this regard, we can mention the expansion of NATO and the European Union. Currently, there are many organizations operating in the region, and sometimes their activities have led to conflict and war.

Russia has tried to keep the region under the control of its own regional organizations. Until 2014, this policy was to maintain exclusive influence in the region, but after that, it followed a more open policy under the name of »Greater Eurasia«. Greater Eurasia is a geopolitical concept obtaining cultural-geographical and political-economic features. «Greater Eurasia» is a continent-wide geopolitical vision, promoting the political and economic cooperation between states and nations from the Atlantic Ocean to the Pacific. It is bordered in the East, West, North, and South by the four oceans – the Arctic, Atlantic, Pacific, and Indian [Glaser, Thomann, 2021].

Vladimir Putin announced the Russian government's desire for a greater Eurasian partnership at the St. Petersburg Economic Forum in June 2016. In the opening speech, Putin proposed «considering the prospects for more extensive Eurasian partnership involving the Eurasian Economic Union,» in which countries such as China, Pakistan, Iran, and India would also be included. Since then, Putin has consistently promoted the project in his addresses to the Federal Assembly, in meetings with foreign leaders, at subsequent St.

Petersburg Economic Forums, and at the Eastern Economic Forums held in Vladivostok¹.

Since the beginning of the independence of the countries of the region, Iran has tried to regulate relations with these countries with a pragmatic policy. The major part of this pragmatism was carried out since Hashemi Rafsanjani's presidential construction policy in the early 1990s and has continued until today. Like Russia, Iran has been concerned about the influence and presence of Western powers and organizations. This concern has led to the formation of spheres of common interest for the two countries and they have cooperated widely in this framework. Therefore, since 1991, the two countries have been more concerned about two issues in Central Asia and the Caucasus: the expansion of the influence of Western governments and institutions and the expansion of extremism and terrorism.

Eurasian cooperation between Iran and Russia

During the past three decades, Iran and Russia have had important cooperation for peace, stability and economic development in the Eurasian region, and this cooperation has been an important factor in preventing insecurity in the region. The most important cooperation between Tehran and Moscow in this field should be considered the efforts for peace in Tajikistan in the years 1992 to 1996 and the security cooperation in support of the Northern Alliance in Afghanistan in the years 1996 to 2001. Also, since 1992, Iran and Russia have discussed with each other to ensure peace and cooperation in the Caspian Basin as a common sea in various meetings with the cooperation of the coastal countries of the Caspian Sea and concluded important agreements in the fields of fisheries, shipping, environment and security of the Caspian Sea. The legal convention of the Caspian Sea in 2018 was one of the results of these negotiations.

One of the major problems Tehran and Moscow faced in the political, security and even economic fields between 1991 and 2012 was the lack of permanent institutional cooperation mechanisms. Since 2012, when new relations were gradually formed, Tehran and Moscow tried to institutionalize their interactions. However, this effort should be seen in the context of declining cooperation between Russia and the West, and especially under the influence of the Ukraine crisis in 2014, which was reflected in the «Greater Eurasia» initiative in 2016.

Russia's grand strategy to maintain and strengthen the Eurasian region's ties in the post-Soviet space through regional institutionalization, embodied in

---

¹ Köstem, S. Russia's Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects // Wilson Center, No. 40, 2029, URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-40-russias-search-for-greater-eurasia-origins-promises-and-prospects>. (assessed: 28.07.2024).

three institutions – the «Commonwealth of Independent States,» the «Collective Security Treaty Organization,» and the «Eurasian Economic Union. The center of gravity of this Russian institutionalism was the formation of the Eurasian Economic Union, which faced a major challenge since 2014 due to the Ukraine crisis. In fact, without Ukraine's participation in the Eurasian Economic Union, this institution was not effective for Russia. Consequently, on June 16, 2016, Putin announced the «Greater Eurasia» initiative aimed at further cooperation between the Eurasian Economic Union, the Shanghai Cooperation Organization, China's Belt and Road Initiative, and regional countries like Iran, Turkey, and China. Earlier, in 2015, Putin had referred to Eurasia as a geopolitical chessboard or our peaceful and prosperous home [Sukhankin, 2018]. Therefore, it seems that the Greater Eurasia initiative envisions a great power alliance with Asian partners to create a continental system independent of the United States, while also offering opportunities for European participation².

Indeed, the goal of the Greater Eurasia project extends beyond Russia's traditional Eurasian domain, or the Soviet Union's territory, and focuses on joint projects, increasing regional participation, and expanding official partners of the Shanghai Cooperation Organization to South Asia and the Persian Gulf. Considering the deteriorating dimensions of Western sanctions on Russia since the 2014 Ukraine crisis, the scope of economic cooperation, aimed at regional economic development, will seriously increase. Thus, within the framework of its new eastern policy, Russia has signed large energy contracts with China and focused on the development of the Far East with Chinese participation. In fact, Greater Eurasia has many capabilities and advantages. From a geopolitical perspective, this plan can stabilize Russia's western front in the short term. From a geo-economic perspective, it aligns with the interests of China and Russia and has a solid practical foundation³. Russia seeks to shape a new pole of power to facilitate the transition to a balanced multipolar system but needs the cooperation of other global and regional powers due to the lack of material and ideological capacities for such a mechanism.[Niakoui,, Safari, 2019].

The expansion of the Shanghai Cooperation Organization with the membership of India, Pakistan, and Iran is another important development in the Eurasian region. The Shanghai Cooperation Organization, established in 2001 based on the Shanghai-5 meeting, became a new organization that included China, Russia, Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. Later, in

---

² Bordachev, T. Greater Eurasia: What Is Yet to Be Done? // Valdai Discussion Club. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/greater-eurasia-what-is-yet-to-be-done> (accessed: 04.05.2024).

³ Yiwei, W., Duan M. Is Greater Eurasia Possible Without Europe: A Security Perspective? // Valdai Discussion Club. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/is-greater-eurasia-possible-without-europe>. (accessed: 04.05.2024).

2018, India and Pakistan joined, and on September 17, 2022, Iran was also admitted as a member. It covers about one-third of the world's land area and a quarter of the global GDP. The mission and activities of this organization are focused on Central Asia, and its main goal is to support peace, security, and economic cooperation. In the region, however, this organization has not yet managed to become an important and effective regional integration institution, but the membership of Russia, China, India, and Iran indicates significant eastern cooperation in combating terror, extremism, and separatism [Karami, 2023].

The Eurasian Economic Union was formed with the aim of regional integration of Eurasian countries and in a long process, and its agreement was finalized in 2014. Iran signed a preferential trade agreement with this organization in 2018 and reached a free trade agreement with the organization's members in 2023. Iran's ambassador to Russia announced in early 2024 that Tehran's official request for membership in the Eurasian Economic Union had been submitted to the union authority⁴.

Since the beginning of the Ukrainian war, the North-South Corridor has been activated. In the North-South Corridor, the activities have become much more serious, and with the completion of the final phase of the Rasht-Astara railway, a rail connection will be established from Russia to Iranian ports in the Persian Gulf. Since the strategic role that the INSTC plays in the Eurasian geopolitical chessboard, Iran has adopted a strategy aimed at exploiting the benefit of this logistic project and promoting national companies such as the IRISL Group. At the ECO Summit in Tashkent on November 9th, 2023, Kazakhstan, Russia, Iran, and Turkmenistan collaborated on advancing a roadmap for the development of the INSTC. This plan outlines an increase in the logistics route's capacity to 15 million tons by the year 2027. Iran's strategy within the INSTC involves a multi-faceted approach concentrated on fostering investment, enhancing infrastructure, and optimizing transport logistics⁵.

With the change of president in Iran from the first half of 2024, the process of cooperation between Iran and Russia will continue within the framework of regional organizations. In the meeting between the Iranian and Russian president Putin and the doctors on October 11, 2024 in Ashgabat city, the two presidents emphasized the continuation of cooperation between the two countries and considered these relations as strategic⁶.

---

⁴ Examining Iran's Observer Membership in the Agenda of the Economic Forum of the Eurasian Union // IRNA News Agency. URL: <https://www.irna.ir/news/85542248> (assessed: 21.04.2024).

⁵ Iran and the IRISL Group's Crucial Role in the International North-South Transport Corridor (INSTC) // SpecialEurasia – Geopolitical Intelligence & Risk Assessment. URL: <https://www.specialeurasia.com/2023/11/30/iran-irisl-group-instc> (assessed: 19.08.2024).

⁶ President Pezeshkian terms Tehran-Moscow ties as strategic // IRNA News Agency. URL: <https://en.irna.ir/news/85624559/President-Pezeshkian-terms-Tehran-Moscow-ties-as-strategic> (assessed: 11.09.2024).

Therefore, the set of developments in the Eurasian region, especially from 2014 to today, has led to a new approach in Russia, which has resulted in the membership of countries like Iran in the Shanghai Cooperation Organization, a preferential trade agreement with the Eurasian Economic Union from, and a free trade agreement. Iran's membership in the Shanghai Cooperation Organization has strengthened the possibilities for the two countries to play a role in establishing and maintaining regional peace and security. This is particularly significant given Iran's constructive role in the Eurasian domain over the past decades.

Some Problems in Regional Cooperation

The common interests of Moscow and Tehran in a wide territory from Afghanistan to Central Asia, Caspian and South Caucasus have not meant the absence of conflicts and problems in the regional relations of the two countries. Although the two countries have been able to more or less manage these conflicts, in some cases it has had negative effects on the relations between the two countries.

The crisis in the Caucasus is more deep-rooted than any other region in the Eurasian territory, and no clear solution has yet been found for it. In the Caucasus, Iran has proposed a 3+3 format for the interaction of the three Caucasian countries with Iran, Russia and Turkey. With the non-participation of Georgia in this format, the possibility of advancing regional cooperation remains limited. Iran is concerned about Russia's lack of attention to its interests and issues in the Caucasus and expects a clear understanding of Iran's concerns in the Caucasus on the Russian side.

A general principle in Iran-Russia regional cooperation has been emphasizing regional peace and security and opposing Western, particularly U.S., interference in these areas. This principle also applies to the South Caucasus, but it has rarely led to practical action. Unlike the Syrian crisis and the continuation of its political system, there has been no effective security cooperation between Tehran and Moscow in the South Caucasus since 2020. Even though officials from both sides have met and held discussions on cooperation, these meetings have not resulted in significant practical collaboration. This is especially true regarding the access route of the Republic of Azerbaijan to Nakhchivan with the change of geographical borders and its effect on the border of Iran and Armenia, which has led to tension. Therefore, some analysts in Iran believe that Russia has not considered Iran's geopolitical concerns in dealing with the South Caucasus regional issues and has not assigned any role to Iran in the peace agreement.

Iranian Foreign Minister Abbas Araghchi strongly opposed Russia's support for the opening of the Zangezur Corridor in the South Caucasus, calling

any redrawing of borders a «red line» for Iran. Araghchi posted on X, stating, «Any threat from the North, South, East, or West to the territorial integrity of our neighbors or redrawing of boundaries is totally unacceptable and a red line for Iran.» His reaction follows recent discussions between Azerbaijan's President Ilham Aliyev and Russian President Vladimir Putin regarding the establishment of a transport corridor, known as the Zangezur Corridor, which would link Azerbaijan's western regions to the Nakhchivan Autonomous Republic⁷.

It seems that Russia's need to maintain economic ties and transit options with Azerbaijan and Turkey after the Ukraine war has led to certain flexibilities from Moscow regarding developments in the South Caucasus, which are not in Iran's favor. According to Kaleji's viewpoint, the different attitudes and approaches of Iran and Russia towards the tension between Armenia and Azerbaijan are indicative of their increasingly diverging positions in the South Caucasus, compared to their largely shared approaches before the Second Karabakh war. The close relations between Russia and Israel, as well as Russia's economic relations with Azerbaijan and Turkey, have forced Moscow to take a flexible approach in the South Caucasus, to Tehran's detriment. Indeed, the 3+3 format has become very weak after Russia's full-scale invasion of Ukraine and the escalation of tensions between Iran and Azerbaijan. This process has placed Iran in a security and strategic dilemma along its northwestern borders⁸.

Clause five of the 2020 Nagorno-Karabakh ceasefire agreement between Armenia, Azerbaijan, and Russia states: «To more effectively monitor the implementation of the agreements, a peace center for monitoring the ceasefire will be established.» Turkey joined the ceasefire monitoring center in «Aghdam,» but Iran did not participate. Although Turkey was not mentioned in the agreement, a memorandum of understanding resulted in a joint center between Turkey and Russia. While Iran and its northwestern borders were deeply affected by the war's outcome, Iran was not invited to join this center, indicating Russia's willingness to overlook Iran's interests in this matter. Over the past three years, it appears that Russia has increasingly ignored Iran's geopolitical concerns in the South Caucasus. When tensions between Tehran and Baku peaked in September and October 2021, Iran sought Moscow's cooperation against geopolitical threats in the South Caucasus. However, during a meeting with Iranian Foreign Minister Hossein Amir-Abdollahian on Octo-

---

⁷ Mahamad A. Zangezur Corridor: Russia and Iran in Conflict over Caucasus Link // IranWire. 09.09.2024. URL: <https://iranwire.com/en/politics/133729-zangezur-corridor-russia-and-iran-in-conflict-over-caucasus-link>. (assessed: 17/08.2024).

⁸ Kaleji V. Russia and Iran Diverge in the South Caucasus // the Central Asia – Caucasus Analyst. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13758-russia-and-iran-diverge-in-the-south-caucasus.html>. (assessed: 12/05.2024).

ber 6, 2021, in Moscow, Russian Foreign Minister Sergey Lavrov explicitly stated that Moscow opposed Tehran's military exercises along the Azerbaijan border⁹.

Even the meeting of the foreign ministers of Iran, Russia, Turkey, Azerbaijan, and Armenia in the 3+3 format, titled «Turn for Peace, Cooperation, and Progress in the South Caucasus,» held in Tehran, failed to align the interests of Iran and Russia. Lavrov's recent statements have also increased Iran's concerns¹⁰. The Islamic Republic of Iran does not oppose an access route in the region but opposes any change in the geopolitical status of the region's borders and considers it a threat to its national security. For instance, in a meeting with the Turkish President in 2022, Ayatollah Khamenei, the Supreme Leader of the Islamic Revolution, expressed satisfaction with the return of Karabakh to Azerbaijan and stated, «If there is a policy to block the Iran-Armenia border, the Islamic Republic will oppose it because this border is a communication route that has existed for thousands of years.» He also said in a meeting with the Russian President, «The Islamic Republic will never tolerate policies and plans that lead to the closure of the Iran-Armenia border.»¹¹

Ignoring Iran's regional interests by Russia has led to severe criticism from Iranian public opinion, perceiving it as a betrayal of mutual trust, putting significant social and political pressure on the political system. It seems such issues should be resolved with Iran's presence and participation; the absence of Iran limits the possibility of resolution and severely impacts the nature and stability of bilateral relations. This policy of Russia or the signing of statements with the countries of the Persian Gulf Cooperation Council about the Iranian islands in the Persian Gulf will cause the Iranian people as well as some statesmen to worry about Russia's foreign behavior and will not create social capital for this country in Iran.

Conclusion

From all the discussions in this article, it can be seen that Central Eurasia with stability, security and development will not be possible without the effective cooperation of Iran and Russia, as well as these two countries with other countries of Central Asia and the Caucasus. In practice, the two countries have

---

⁹ Kaleji V. Russia and Iran Diverge in the South Caucasus // the Central Asia – Caucasus Analyst. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13758-russia-and-iran-diverge-in-the-south-caucasus.html>. (assessed:20.08.2024).

¹⁰ Objectives of the 3+3 meeting in Tehran // IPIS. 12.06.2024. URL: <https://www.ipis.ir/portal/subjectview/732464>. (assessed:20.08.2024). На перс. яз.

¹¹ Why is Iran clearly against collapsing the geographical boundaries of the Caucasus region? // [ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ВЕЛИКОГО ЛИДЕРА ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЕГО СВЕЛЮСТИ АЯТОЛЛЫ ХАМЕНИИ]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/others-note?id=50682> (assessed: 13.05.2024). На перс. яз.

had important cooperation with each other in various issues during the past 34 years. These cooperations in a wide range of territories from Afghanistan to Central Asia, the Caspian Sea and the South Caucasus have been of great importance for regional stability and security as well as the establishment of logistics and transportation. Institutions such as the Shanghai Cooperation Organization, with the presence of two countries, Iran and Russia, and other partners, as well as the growing cooperation between Iran and the Eurasian Economic Union, have created a clear vision of Moscow-Tehran relations at the level of the larger Eurasian region. The activity of the North-South Corridor in recent years has created a wide cooperation space from Eurasia to the Persian Gulf and South Asia.

With the inauguration of a reformist president in Iran, the prospects of these relations are still bright and increasing. This issue has been repeatedly emphasized by the new president of Iran and the president of Russia. But Tehran and Moscow need an effective format for cooperation in the field of Caucasus issues, and without this format, the possibility of damaging the relations between the two countries is high. Iran's public opinion as well as reformist groups can put a lot of pressure on the government in the absence of a Caucasian cooperation and ignoring Iran's geopolitical interests in this region, and naturally this issue will make the conditions for the continuation of cooperation more difficult. Although the change in the situation of the South Caucasus may be less problematic for Russia in the short term, in the long term, this issue will also face extensive challenges to the regional situation and Russia's geopolitical interests, and considering the possibility of problems spreading to the Caspian Sea, It will also threaten regional security in Central Asia.

References / Литература

1. Glaser, M., Thomann, P. The concept of «Greater Eurasia»: The Russian «turn to the East» and its consequences for the European Union from the geopolitical angle of analysis // *Journal of Eurasian Studies*. 2021. Vol. 13, Issue 1. Pp. 3–15. doi: 10.1177/18793665211034183
2. Karami J., Karimian, A. Iran and Central Asia, Regional Trends and Future Prospects // *Quarterly Journal of World Politics*. 2018. Vol. 6, Issue 3. Serial Number 21. Pp. 41–42. URL: https://interpolitics.guilan.ac.ir/article_2659_da13fb80ef3a41b0c5206b0409b79087.pdf?lang=en. (assessed: 06.08.2024).
3. Karami, J. The Strategic Role of Iran for the SCO: Strengthening Eurasian Integration // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2023. Vol. 23. No. 3. Pp. 547–561. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-547-561
4. Niakoui, S. A., Safari, S. The role of regional initiatives in the transition from a unipolar system to a multipolar system: a case study of the Greater Eurasia Project // *Central Asia and Caucasus Quarterly*. 2020. Vol. 26, Issue 109. Pp. 176–196.

5. Sukhankin, S. From ‘Turn to the East’ to ‘Greater Eurasia’: Russia’s Abortive Search for a Far East Strategy // *Eurasia Daily Monitor*. 2018. Vol. 15. Issue 177.

Electronic sources / Электронные ресурсы

1. Köstem S. Russia’s Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects // *Wilson Center*, No. 40, 2029, URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-40-russias-search-for-greater-eurasia-origins-promises-and-prospects>. (assessed: 28.07.2024).
2. Bordachev T. Greater Eurasia: What Is Yet to Be Done? // *Valdai Discussion Club*. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/greater-eurasia-what-is-yet-to-be-done> (accessed: 04.05.2024).
3. Examining Iran’s Observer Membership in the Agenda of the Economic Forum of the Eurasian Union // *IRNA News Agency*. URL: <https://www.irna.ir/news/85542248>. (assessed: 21.04.2024).
4. Iran and the IRISL Group’s Crucial Role in the International North-South Transport Corridor (INSTC) // *SpecialEurasia – Geopolitical Intelligence & Risk Assessment*. URL: <https://www.specialeurasia.com/2023/11/30/iran-irisl-group-instc> (assessed: 19.08.2024).
5. Kaleji V. Russia and Iran Diverge in the South Caucasus // *The Central Asia – Caucasus Analyst*. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13758-russia-and-iran-diverge-in-the-south-caucasus.html>. (assessed: 12/05.2024).
6. Mahamad A. Zangezur Corridor: Russia and Iran in Conflict over Caucasus Link // *IranWire*. 09.09.2024. URL: <https://iranwire.com/en/politics/133729-zangezur-corridor-russia-and-iran-in-conflict-over-caucasus-link>. (assessed: 17/08.2024).
7. Objectives of the 3+3 meeting in Tehran // *IPIS*. 12.06.2024. URL: <https://www.ipis.ir/portal/subjectview/732464>. (assessed:20.08.2024). На перс. яз.
8. President Pezeshkian terms Tehran-Moscow ties as strategic // *IRNA News Agency*. URL: <https://en.irna.ir/news/85624559/President-Pezeshkian-terms-Tehran-Moscow-ties-as-strategic>. (assessed: 11.09.2024).
9. Why is Iran clearly against collapsing the geographical boundaries of the Caucasus region? // [Официальный сайт Великого Лидера Исламской Революции Его Светлости Аятоллы Хаменеи]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/others-note?id=50682> (assessed: 13.05.2024). На перс. яз.
10. Yiwei, W., Duan M. Is Greater Eurasia Possible Without Europe: A Security Perspective? // *Valdai Discussion Club*. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/is-greater-eurasia-possible-without-europe>. (assessed: 04.05.2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Karami, Jahangir – PhD (International Relations), Associate Professor, Department of Eurasian Studies, University of Tehran, Tehran, Iran

Карами Джахангир – канд. полит. наук, доцент кафедры евразийских исследований, Тегеранский университет, Тегеран, Иран

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.10.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.10.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

EASTERN ANALYTICS
Peer-reviewed academic journal

Computer layout *Nadezhda V. Makeeva*

Languages in which articles in the journal can be printed: Russian, English, Arabic, Yiddish, Chinese, Korean, Turkish, Farsi, Hindi, Japanese

Signed in the press on 22.11.2024. Format 70×100/16.
Typeface Noto Serif. Circulation 500 copies. Order No.
Website: <https://analitika.ivran.ru>

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
The Science Publishing Centre, head of *A. O. Zakharov*
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031. Website: www.ivran.ru

Printed in the publishing house of LLC "White Wind"
in accord with provided materials.
28, Shchipok st., Moscow, 115093, Russian Federation
Phone: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Website: <https://wwprint.ru>

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Научный рецензируемый журнал

Верстальщик и корректор *Н. В. Макеева*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский, арабский, идиш, китайский, корейский, турецкий, фарси, хинди, японский

Подписано в печать 22.11.2024. Формат 70×100/16. Гарнитура Noto Serif.
Усл. печ. л. 17,7. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ №
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Белый Ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Вебсайт: <https://wwprint.ru>